

• Памятные даты

27 НОЯБРЯ - ДЕНЬ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

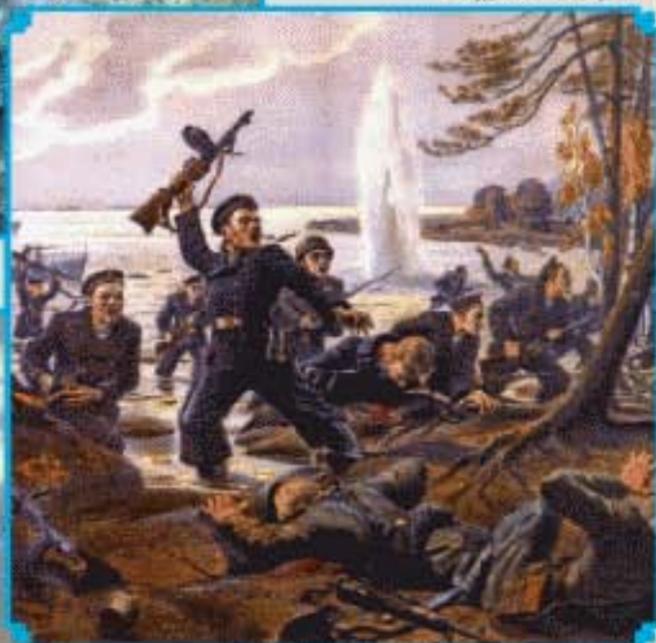

Морские пехотинцы. 1968 г.
Художник Н.Я. Бул. Студия военных художников имени М.В. Громова

Балтийский десант. 1942 г.
Художник В.А. Серов

Оборона Ханко.
Художник А.В. Трескин

Высадка десанта на косу Фрише-Нерунг.
Художник Ю.М. Нелзинцев

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ УРНАЛ
11
2008

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи Почты России.

ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ
2008
Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков по каталогу «Газеты, Журналы, Книги, Учебные пособия» агентства «Роспечать» — 79137.

ПОЧТА РОССИИ
Индекс журнала для российских подписчиков по каталогу российской прессы «Почта России» — 12754.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала».
Тел. редакции для справок:
(495) 693-57-45;
8-906-751-06-97
E-mail: MI_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет» прилагаемые за 2004-2007 гг. — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосквья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 693-58-68.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НОЯБРЬ
№ 11
2008

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Помощь СССР в создании вооружённых сил Народной Республики Мозамбик. 1964 – 1991 гг.

Всеславянский комитет – культурный и информационный центр славянского движения в годы Великой Отечественной войны

Участие Уральской казачьей артиллерии в Первой мировой войне

Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897 – 1909 гг.

Формирование корабельных экипажей российского флота в XVIII – начале XX века

Амурские сплавы. К 150-летию присоединения к России «Амурской страны»

186N-0321-0626

Освобождённая земля Смоленщины
Художник В.Е. Памфилов

Военно-исторический журнал 2008 № 11 ноябрь

19 ноября – День ракетных войск и артиллерии

Реставрация Первой мировой

11 ноября – День памяти погибших

Руководитель исторического общества «Группа Лодзь» Михаил Владиславович Ягелло

Члены исторического общества «Группа Лодзь»

Консул посольства Российской Федерации В. Тимофеев на раскопках в Лодзинских лесах

Кладбище Вьёнчин

Гости из Варшавы работают на военном кладбище в Пустулке

Галков лес, траншея 1914 года (предположительно это была позиция 24-го полка 6-й Сибирской стрелковой дивизии)

Кладбище Почвярдовка. Командиры отрядов польских и немецких солдат кладут цветы у памятника павшим в 1914 г.

ЛОДЗИНСКАЯ операция с 11 ноября по 19 декабря (по новому стилю) 1914 года была самой кровавой и сложной по оперативной форме битвой начального периода Первой мировой войны. Обе стороны потеряли примерно по 200 тыс. человек.

К сожалению, сегодня об этой битве мало кто знает. Всё больше внимания уделяется изучению Второй мировой войны. Однако на территории города Лодзи под землей по сей день лежат останки русских и немецких солдат битвы 1914 года. Воины похоронены там, где пали. Уже 94 года они покоятся в общих могилах.

До сих пор кладбища находятся в ужасном состоянии. На их реставрацию необходимы большие денежные средства. Сегодня любители истории, энтузиасты решили по-человечески похоронить павших героев. Людей, готовых произвести перезахоронение, не так много. Журналист Михаил Владиславович Ягелло и команда из 20 молодых поляков, интересующихся историей Первой мировой войны, – студенты, ученики, чиновники, частные предприниматели случайно встретились в лесу, как оказалось, с одной и той же целью. Они стали работать вместе, а затем создали историческое общество «Группа Лодзь», не получая за это денег и самостоятельно покупая нужный инвентарь. Помощь нужна в первую очередь от властей – необходимы разрешения на поиски в лесах и на частных полях.

Помогают сегодня и журналисты, чаще пишут о битве. О ней узнаёт всё большее количество людей. Как в России, так и в Польше есть те, кто сотрудничает с обществом энтузиастов. Это разные люди, объединённые одним желанием – чтобы история не была забыта, чтобы помнили о погибших, невзирая на политические взгляды и национальность.

В лесах сохранились окопы и траншеи, которые уже поросли травой, но до сих пор напоминают о войне. В них работают люди, производят раскопки, находят останки солдат. Кладовщиками удивляют находки: винтовки, патроны, шляпы, а иногда и самолёты. Вещей нашли столько, что решили организовать музей Лодзинской операции. Работы ещё предстоит много. Основные цели – воскресить память о павших солдатах Первой мировой войны, а также сделать город Лодзь местом встречи групп реконструкции из всех стран. Уже сегодня организуются выставки, сами энтузиасты подготавливают залы, делают фотографии, плакаты. Члены общества надеются на то, что реконструкции битвы привлекут в город множество людей.

Погибшие солдаты покоятся на почти 300 военных кладбищах. Ещё много могил необходимо привести в порядок. Некоторые люди приезжают, помогают с реставрацией кладбищ, с работой над памятниками. Многие плачут, возлагают цветы, зажигают свечи. В мероприятиях по перезахоронению павших русских солдат принимают участие и сотрудники посольства Российской Федерации в Польше. В раскопках и перезахоронении павших воинов участвуют группы польских и немецких военнослужащих. Возможно скоро на раскопках в Лодзи появится и российское воинское подразделение.

Публикацию подготовила И.В. НЕДОСТЮЕВА

Кладбищ периода войны в городе Лодзи

в Первой мировой войне

Россия не забыла. Русские дипломаты из посольства в Варшаве отдают честь россиянам – солдатам, павшим 94 года назад

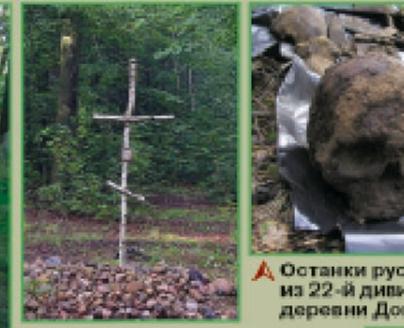
Крест в Галковом лесу, обложенный камнями

Группа энтузиастов открывает памятник русским солдатам на месте их гибели – в лесу у деревни Галгуф

К сожалению, есть ещё заброшенные кладбища

Останки русских солдат, предположительно из 22-й дивизии, которая сражалась в районе деревни Домброва 16-21 ноября 1914 года

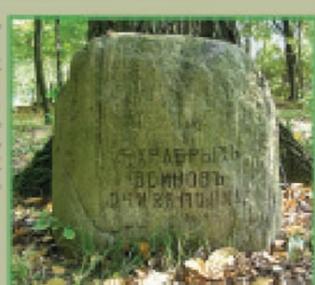

Польские солдаты собирают найденные в земле патроны

Польские солдаты собирают найденные в земле патроны

Кладбище Вьёнчин. Памятник неизвестным солдатам 24-го и 86-го русских полков

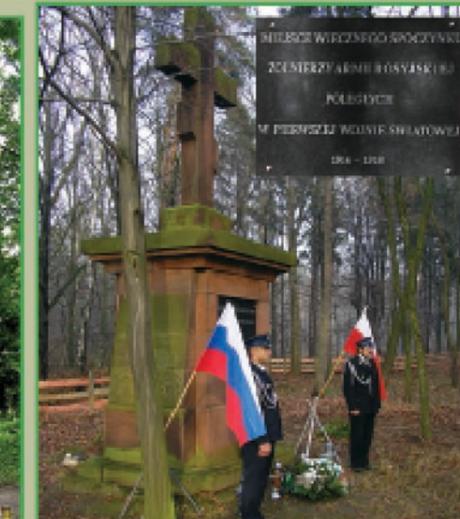

Павших воинов перезахоронили с соблюдением ритуалов основных религиозных конфессий

Памятники. На каждом надпись: «Храбрый русский офицер 250-го полка»

Памятник павшим русским солдатам, отреставрированный в 2007 году

Православный крест – памятник русским солдатам 1914 г. на военном кладбище в деревне Вьёнчин

ДЕСЯТЬ ЛЕТ УСПЕШНОЙ К 10-летию Академии

ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА НИВЕ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ военно-исторических наук

Президент АВИН доктор исторических наук, профессор генерал-полковник, М.И. Каратуев

Вице-президент АВИН М.И. Фролов

Выступление вице-президента АВИН Н.Я. Гребенёва на торжественном заседании академии, посвящённом 10-летию её создания

Действительные члены Академии военно-исторических наук (слева направо): профессор И.Д. Ходанович, профессор М.И. Ежов и кандидат исторических наук, доцент полковник в отставке А.И. Бурлаков

Возложение школьниками венков к памятнику воинам 2-й ударной армии

В 1998 году в Санкт-Петербурге по инициативе группы учёных, занимающихся проблемами военной истории, была создана Академия военно-исторических наук (АВИН). Цели этой общественной организации – объединение усилий патриотически настроенных учёных в борьбе с фальсификаторами истории нашего Отечества; расширение проблематики и углубление научных исследований военной истории России; активное участие в военно-патриотическом воспитании населения, прежде всего молодёжи; пропаганда героических традиций Российских вооружённых сил; воспитание у юношества чувства гордости за героическое прошлое нашей Родины, уважительного отношения к ветеранам войны и труда.

Прошедшее десятилетие подтвердило правильность приоритетов в деятельности АВИН, важность и своевременность её создания. За эти годы академия превратилась в крупную общественную научную организацию с многочисленными филиалами по всей стране, ведущими серьёзную научно-исследовательскую и военно-патриотическую работу.

Учёными академии издаются книги и монографии, публикуются очерки и статьи, проводятся научные тематические конференции по проблемам истории как Великой Отечественной, так и Второй мировой войны в целом, организуются походы по местам боевой славы, торжественные перезахоронения погибших воинов, открытие памятников героям Великой Отечественной войны. Подробнее о деятельности Академии военно-исторических наук читайте в номере.

Публикацию подготовил
А.В. ОСТРОВСКИЙ

Вице-президент АВИН гвардейский полковник Э.М. Филиппов вручает удостоверение члена-корреспондента АВИН полковнику В.С. Березниக்கு

Председатель Санкт-Петербургского отделения АВИН профессор М.В. Ежов

Руководитель Уральского отделения АВИН профессор А.В. Сперанский рассказывает о новой книге, подготовленной уральскими историками

Участники Великой Отечественной войны вице-президент АВИН М.И. Фролов и член-корреспондент АВИН А.П. Гаврин на митинге у мемориала воинам 2-й ударной армии. Мясной Бор, 2 июня 2006 г.

Выступление участника Великой Отечественной войны, председателя совета ветеранов Пушкинского района Санкт-Петербурга генерал-майора в отставке Л.А. Виноградова

Председатель общества «Память Балтики» контр-адмирал в отставке К.А. Шолофов

Председатель совета ветеранов 2-й ударной армии В.А. Булгаков у мемориала воинам армии в районе Мясного Бора, 2 июня 2006 г.

Митинг у мемориала защитникам Родины на территории Новгородского кремля

Рубеж, с которого 59-я армия Волховского фронта в январе 1944 г. перешла в наступление

Участники конференции «Патриотическое воспитание подрастающего поколения на примерах истории». На переднем плане – ветеран Великой Отечественной войны полковник в отставке В.Д. Мелентьев, 18 апреля 2008 г.

Президиум конференции «Патриотическое воспитание подрастающего поколения на примерах истории» 18 апреля 2008 г.

СОХРАНЁННАЯ ЭКСПОНАТЫ "ЛЕЙБШТАНДАРТА". ЧАСТЬ I.

Вещи, несущие на себе отпечаток истории, всегда уникальны, по-особому интересны и привлекательны. Чтобы их увидеть, люди приходят в музеи, посещают выставки частных коллекций. Также приобщиться к истории позволяют фирмы, занимающиеся популяризацией антиквариата, так как предоставляют уникальную возможность не только увидеть редкий, подлинный предмет, но и приобрести его.

Одной из крупных фирм в РФ по обороту военного антиквариата и предметов коллекционирования является компания «Лейбштандарт», основная деятельность которой – поиск и реализация уникальных и редких предметов. Главное направление – холодное оружие, награды, униформа, и военные регалии России (Советского Союза), Германии, Японии и других государств, где происходили значимые военные конфликты. Особое внимание уделяется гарантии подлинности на продаваемые предметы, а также экспертизе и консультациям.

Мы предлагаем вашему вниманию некоторые экспонаты, относящиеся к дореволюционному периоду, из коллекции «Лейбштандарт».

ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ

1. Палаша кирасирский/кавалергардский образца 1826 года с клинком «Toledo». Общая длина 101,8 см. Клинок прямой, заказной, испанского изготовления, украшенный с обеих сторон травленой надписью «Fabrica de Toledo». У основания клинка имеется клеймо в виде совмещённых латинских букв «XP».
Середина XIX в.
2. Шага пехотная офицерская образца 1798 года с заказным клинком, у основания которого – клеймо фирмы «С.К. & Со.». Клинок до половины украшен травлением с изображением военной артиллерии в окружении растительного орнамента, никелированный. Металлический прибор изготовлен из позолоченной бронзы. Чашка эфеса складная, что сделано для удобства ношения. Ножны деревянные покрыты толстым слоем чёрного блестящего лака, с латунным вызолоченным прибором.
3. Офицерский кортик периода Временного правительства. Классический четырёхгранный клинок без клейм и вензелей, рукоять из слоновой кости. На навершии, в том месте, где с 1914 года находился вензель императора, оставлен пустой овал, причём вензель не убран, он не отштампован изначально. На внутренней стороне гарды – клеймо завода «Слава» в Москве. Ножны обтянуты чёрной кожей, прибор ножен латунный, без остатков золочения.
Начало XX в.
4. Сабля кавалерийская образца 1827 года. Изготовлена в Златоусте в 1836 году, клинок с одним широким долом, на обухе имеется гравировка: «Златоусть декабрь 1836 г.», а с оборотной – клеймо военной приемки. Рукоять деревянная, обтянута кожей, по бокам две овальные бронзовые заклёпки.
5. Казачий кинжал Тарского и Кубанского казачьего войска. Кинжал казачьего типа в оправе белого металла общей длиной 51 см. Рукоять роговая, муфта украшенная нанесённым чёрным узором. Ножны деревянные, обтянутые кожей, с металлическим прибором, украшенным черным орнаментом.
6. Сабля драгунская офицерская образца 1841 года с заказным клинком, произведённым известной петербургской фирмой – поставщиком императорского двора «Шафъ и Сыновья». Общая длина в ножнах – 98 см. На клинке нанесены травлением орнаментальные картуши, в центр которых вписан с одной стороны двуглавый орёл, а с другой – вензель императора Александра II (необычного начертания, с арабской двойкой) и девиз на латыни: «Provide», а также начерпанная владельцем надпись: «Съ нами Богъ».
Середина XIX в.
7. Анненское оружие – шашка офицерская драгунского типа образца 1909 года. Клинок заказной, изготовлен фирмой «E & F. Hoerster Solingen». Знак отличия ордена Св. Анны, укрепленный на навершии рукояти, изготовлен из серебра.
Начало XX в.
8. Парадный шлем нижних чинов драгунских полков образца 1909 года, кожаный лакированный корпус, внутри стоит штампованное клеймо фабрики «Тиль» – г. Москва, 1910 год, волосной гребень, над государственным гербом – лента «За Отличие».
9. Статуэтка офицера русской армейской пехоты. Серый сплав (шпатель), 1910-е годы.
10. Пехотное ружьё 1848 года, у основания ствола находится полужатёртый порядковый номер. На бронзовом затыльнике имеется клеймо в виде двуглавого орла.
11. Шашка черкесская в серебряной оправе, ножны обшиты галуном. Общая длина шашки – 97 см. Клинок представляет собой казачью подделку под гусарский клинок. У основания клинка с обеих сторон гравировкой нанесено клеймо – «мохнатый волчок».
12. Кинжал казачьего типа в серебре. Общая длина 56,5 см. Рукоять – из серебра с нанесённым черным узором.
13. Полевой офицерский мундир образца 1907 года лейб-гвардии Московского полка с погонами штабс-капитана и накладными карманами. Однобортный, сшит из сукна защитного цвета, один ряд позолоченных пуговиц с двуглавыми орлами. На нагрудных карманах имеются отверстия под знаки, а над левым карманом пришиты три петли под награды.
14. Полковое знамя 2-го полка дивизии, образца 1900 г. Лицевая сторона полкового знамени Русской императорской армии принадлежавшая, судя по синей окантовке, белому фону поля и золотому приборному шитью, 2-му полку в армейской пехотной дивизии. Всё знамя изготовлено целиком машинным способом без единого шва. Полотнище шёлковое размером 111х104 см.
15. Вицмундир офицеров и генералов лейб-гвардии Кавалергардского полка с погонами капитана.
16. Знак Казанского военного училища. Изготовлен из позолоченной бронзы.
17. Повседневный вицмундир офицера 1-го Уланского Санкт-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка. Мундир двубортный, с двумя рядами позолоченных пуговиц, с изображениями двуглавого орла. Тёмно-синее сукно с красной выпушкой, воротник из красного сукна, как и канты на рукавах. На груди имеются две петли под колодку с медалями и одно обмётанное отверстие под полковую знак или звезду.
18. Знак об окончании Александровского военного училища. Изготовлен из бронзы фирмой «Вокъ», покрыт эмалью.
19. Парадный мундир офицера армейских и стрелковых полков образца 1909 года. Мундир из сукна темно-лазурного цвета, шитьё воротника и катушек – из позолоченной серебряной нити. Китель двубортный, с двумя рядами позолоченных пуговиц, на которых помещены накладные двуглавы орлы. На груди находится шитая петля для крепления креста либо медали. Пуговица под правым погоном предназначалась для пристёжки аксельбанта. Такой китель мог носить только адъютант.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
Реставрация кладбищ периода Первой мировой войны в городе Лодзи (Публикация И.В. НЕДОСТОВЕВОЙ) <i>Restoration of cemeteries of the period of the World War I in Lodz</i> (Publication of I.V. NEDOSTOEVAYA)	1
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ MILITARY TRAINING AND EDUCATION	
Десять лет успешной деятельности на ниве военной истории. К 10-летию Академии военно-исторических наук (Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО) <i>Ten years of successful activity in sphere of military history. To the 10 anniversary of Academy of military-historical sciences</i> (Publication of A.V. OSTROVSKY)	2
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА MILITARY CHRONICLE OF THE FATHERLAND	
Сохранённая история. Экспонаты «Лейбштандарта». Часть 1. Императорская Россия (Публикация Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВОЙ) <i>The kept history. Exhibits of «Leibstandart». Part I. Imperial Russia</i> (Publication of N.M. VERETENNIKOVA)	4
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО MILITARY CONSTRUCTION	
А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ — Военно-окружная система в России в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 года <i>A.Yu. BEZUGOLNY — Military-district system in Russia in the World War I and revolutionary events of 1917</i> В.С. ДАНИЛОВ — «Не имея моря, мы принялись за постройку военного флота — для завоевания моря». Формирование корабельных экипажей российского флота в XVIII — начале XX века <i>V.S. DANILOV — «Without having sea, we were accepted to construction of military Navy — for a sea conquest. Formation of ship crews of Russian Navy in XVIII — the beginning of XX century</i>	9
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ FROM THE HISTORY OF MILITARY-POLITICAL RELATIONS	
В.И. ШАРЫЙ — Помощь СССР в создании вооружённых сил Народной Республики Мозамбик. 1964—1991 гг. <i>V.I. SHARYI — The help of the USSR in creation of armed forces of National Republic Mozambique. 1964—1991</i> Н.И. КИКЕШЕВ — Всеславянский комитет — культурный и информационный центр славянского движения в годы Великой Отечественной войны <i>N.I. KIKESHEV — Slavic committee — cultural and information centre of Slavic movement in days of the Great Patriotic War</i> О.В. СОКОЛОВСКАЯ — Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897—1909 гг. <i>O.V. SOKOLOVSKAYA — Russia in the peace-making action of the European powers on Crete. 1897—1909</i>	18
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ HISTORIOGRAPHY AND THE SOURCE STUDY	
В.В. ЗДАНОВИЧ — Партизанское движение периода Великой Отечественной войны в белорусской историографии 1990—2005 гг. <i>V.V. ZDANOVICH — Guerrilla movement of the period of the Great Patriotic War in the Belarus historiography</i>	31
НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ON THE RUSSIAN EMPIRES FRONTIERS	
И.А. ЗАХАРЕНКО — Амурские сплавы. К 150-летию присоединения к России «Амурской страны» <i>I.A. ZAKHARENKO — The Amur alloys. To the 150 anniversary of joining to Russia the «Amur country»</i> Е.Н. ЛЕЩЁВ — Причины создания Семиреченского казачьего войска <i>E.N. LESHCHEV — The reasons of creation of the Semirechensk Cossack army</i>	36
ИСТОРИЯ ВОЙН HISTORY OF THE WARS	
С.В. КАРТАГУЗОВ — «Сформировать на время военных действий... Уральскую казачью батарею». Участие Уральской казачьей артиллерии в Первой мировой войне <i>S.V. KARTAGUZOV — «To generate for the period of military operations... the Ural Cossack battery». Participation of the Ural Cossack artillery in the World War I</i>	45

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS	
52 Ф.П. РЕРБЕРГ — Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте (Публикация А.В. ГАНИНА) <i>F.P. RERBERG — Vice-admiral Kolchak on the Black Sea Navy</i> (Publication of A.V. GANNIN) А.И. КОВТУН-СТАНКЕВИЧ — Венгерские записки (Публикация А.А. ДЕМИНА) <i>A.I. KOVTUN-STANKEVICH — The Hungarian notes</i> (Publication of A.A. DEMIN) А.И. ПОДОЛЬСКИЙ — Военный парад в Куйбышеве (Публикация А.К. ПОДОЛЬСКОЙ) <i>A.I. PODOLSKY — Military parade in Kuybyshev</i> (Publication of A.K. PODOLSKAYA)	52
ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY	
67 А.П. ПАВЛОВ — Вооруженцы 14-й гвардейской <i>A.P. PAVLOV — Armed people of 14th Guards</i>	67
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION	
74 Е.А. БОЧКОВ — 10 лет АВН <i>E.A. BOCHKOV — 10 years of AMHS</i>	74
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ THE MEMORABLE DATES	
76 Е.Б. ПОЛЯКОВА — Победа, запечатлённая в граните. К 230-летию создания Чесменской колонны <i>E.B. POLYAKOVA — The victory embodied in a granite. To the 230 anniversary of creation of Chesmen column</i>	76
ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ IN THE PAGES OF RARE EDITIONS	
79 А.Г. БРИКНЕР — Смерть Павла I. Опасность увеличивается (Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО) <i>A.G. BRIKNER — Death of Paul I. Danger increases</i> (Publication of A.V. OSTROVSKY)	79
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS	
82 А.Н. ГУРКОВСКИЙ — Палец на курке (Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО) <i>A.N. GURKOVSKY — Finger on the cock</i> (Publication of V.A. GURKOVSKY)	82
73 ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» FROM THE EDITORIAL MAIL OF «VOENNO-ISTORICHESKY ZHURNAL»	73
58, 75, 77 КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА THE BOOKSHELF OF A MILITARY HISTORIAN	58, 75, 77
77 КОНКУРС THE QUIZ	77
78 ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ THE MEMORABLE DATES	78
88 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS	88
АРМИЯ И КУЛЬТУРА ARMY AND CULTURE	
3-я стр. обл. Музёки полковые. Науки «трубной» инвентарь (Публикация Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВОЙ) <i>The regiment's orchestra. «Trumpet» science's stock</i> (Publication of N.M. VERETENNIKOVA)	3-я стр. обл.
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ THE MEMORABLE DATES	
4-я стр. обл. 27 ноября — День морской пехоты <i>27th of November is the Day of marine corps</i>	4-я стр. обл.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

ЧАЧУХ Игорь Маденович, полковник

Заместитель главного редактора

АВЕРЧЕНКО Сергей Викторович,
подполковник, кандидат исторических наук

Научные редакторы

Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;

В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;

В.Г. ОПОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ,
Р.И. ПАРФЕНОВ, старший лейтенант,
Д.С. СМЕРНОВ, лейтенант

Секретариат

М.В. ЗАБРОДА
(заместитель ответственного
секретаря редакции);

Е.В. КРИГЕР;
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;

А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

Художественные редакторы

Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА;
И.В. НЕДОСТОНОВА

Заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Перевод

В.Д. НЕСТЕРКИН

Компьютерная верстка

О.В. ТАРАСОВ, лейтенант;
А.В. СОЛОМАХИН, лейтенант

Адрес для переписки: 119160,
Москва, Хорошёвское шоссе, 38д,
редакция «Военно-исторического
журнала».

Тел.: (495) 893-57-45,
8-906-751-06-97;

E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет приложение» – на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

«VOENNO-ISTORICHESKY
ZHURNAL»
MONTHLY SCIENTIFIC POPULAR
EDITION OF THE MINISTRY OF
DEFENSE OF THE
RUSSIAN FEDERATION
Founded in August, 1939

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. БАШЛАКОВ — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-лейтенант, кандидат технических наук (Москва)

В.С. ВЫСОЦКИЙ — Главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооружённых сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

С.Б. КАМЕНИЧЕНКО — начальник Ариэной службы ВС РФ, полковник (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. КОНОТОП — первый заместитель председателя Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, полковник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войны и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель начальника Генерального штаба — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСЕТРОВ — начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — главный научный сотрудник Научного центра по проблемам информационной безопасности Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЁВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса (Москва)

К.К. ПРОВАЛОВ — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Музыки полковые. Науки «трубной» инвентарь

• Армия и культура

РАЗВИТИЕ военной музыки не ограничивалось только нововведениями в сигнальной музыке и появлением оркестров. Гораздо более существенным было дальнейшее совершенствование музыкального инструментария, оказавшего огромное влияние на развитие собственно военной музыки. В середине XVIII века стало развиваться производство отечественных музыкальных инструментов. Расширилась возникшая в России ещё в первой половине века «музыкальная медная токарная фабрика» Емельяна Монденинова, снабжавшая армию и флот трубами, валторнами, гобоями, басами, флейтами и литаврами.

В конце XIX века появились новые производители духовых инструментов.

В середине XVII века в регулярных пехотных полках вводятся поперечные флейты – силочки, изготавливаемые из дерева и не имеющие клапанов. Позже они использовались и в стрелцких войсках. Изобретённый в конце XVI века новый духовой инструмент – гобой был завезён в Россию во второй половине XVII века, а полковыми оркестрами стал использоваться лишь к концу столетия. Гобой изготавливался из дерева и не имел клапанов. Другой деревянный духовой инструмент – фэгот появился в России примерно в это же время. Трубы и валторны были натуральные. Они изготавливались из латуни, но нередко трубы были и из серебра. Флейты, гобой, дудльцианы и фэготы ещё не имели клапанов, их делали из пальмового дерева. Музыканты носили их в медных футлярах на белом ремне через левое плечо.

В древнерусском войске преобладали прямые флейты. Появление поперечной флейты связано с влиянием византийской культуры. Сиповка – прямая одноствольная флейта со свистковым устройством – «пыжом». Свирель – парная свистковая флейта. Длина и толщина стволы различны, сечения цилиндрические. Каждый ствол издаёт только один звук. Среди язычковых инструментов самым распространённым на Руси стал инструмент тюркского происхождения – сурна, обладавшая наиболее сильным звуком, что при игре на открытом воздухе давало ей преимущество. Совершенствуются духовые инструменты и при Алексее Михайловиче. Старые типы труб – прямые и трёхколенные – постепенно вытесняются латунными овальными «трубами ратного строя», которые первоначально закупались в Голландии.

Во второй четверти XIX века велась работа по усовершенствованию музыкальных инструментов. Изменение их конструкции привело к появлению в 1820-х годах принципиально новых медных духовых инструментов – хроматических. Появление таких инструментов, как трубы, корнеты, рожки, валторны и басы, стало возможным из-за изобретения не только натурального звукограда, что значительно расширило и обогатило художественные возможности духового оркестра. Изобретение вентиляльных механизмов для медных духовых инструментов связано с именем главного капельмейстера войск гвардии А.А. Дерфельда. Следует отметить, что в России первые хроматические медные инструменты появились уже в 1826 году – значительно раньше, чем в других европейских странах.

Публикацию подготовила
Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА

Иллюстрации из книги: Вильямов Г.В., Трубины В.И., Калашникова Л.К., Лаврова Р.Г., Забурова И.А. «Военная музыка в Санкт-Петербурге СПб: «Арт Дикси», 2003. 156 с., илл.

Гобой. Австрия XIX в.

Флейта-пикколо поперечная. XIX в.

Флейта-пикколо «двухоктавная», поперечная. XIX в.

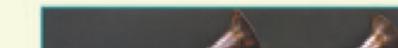
Кларнеты. XIX в.

Фэгот. Австрия XIX в.

Валторна натуральная. Начало XIX в.

▲ Наградные Георгиевские серебряные трубы лейб-гвардии драгунского полка за подвиги в войне с Францией в 1812-1814 гг.

▲ Труба натуральная. 1830 г.

▲ Корнет. Первая половина XIX в.

▲ Мундир трубача лейб-гвардии конной артиллерии. 1878 г.

▲ Трубач в парадной форме (1836-1849 гг.) лейб-гвардии Уланского полка

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ — Военно-окружная система в России в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 года

A.Yu. Bezugolny — Military-district system in Russia in the World War I and revolutionary events of 1917

В.С. ДАНИЛОВ — «Не имея моря, мы принялись за постройку военного флота — для завоевания моря». Формирование корабельных экипажей российского флота в XVIII — начале XX века

V.S. DANILOV — «Without having sea, we were accepted to construction of military Navy — for a sea conquest». Formation of ship crews of Russian Navy in XVIII — the beginning of XX centuries

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В.И. ШАРЫЙ — Помощь СССР в создании вооружённых сил Народной Республики Мозамбик. 1964—1991 гг.

V.I. shary — The help of the USSR in creation of armed forces of National Republic Mozambique. 1964—1991

Н.И. КИКЕШЕВ — Всеславянский комитет — культурный и информационный центр славянского движения в годы Великой Отечественной войны

N.I. KIKESHEV — Slavic committee — cultural and information centre of Slavic movement in days of the Great Patriotic War

О.В. СОКОЛОВСКАЯ — Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897—1909 гг.

O.V. SOKOLOVSKAYA — Russia in the peace-making action of the European powers on Crite. 1897—1909

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В.В. ЗДАНОВИЧ — Партизанское движение периода Великой Отечественной войны в белорусской историографии 1990—2005 гг.

V.V. ZDANOVICH — Guerilla movement of the period of the Great Patriotic War in the Belarus historiography

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

И.А. ЗАХАРЕНКО — Амурские сплавы. К 150-летию присоединения к России «Амурской страны»

I.A. ZAKHARENKO — The Amur alloys. To the 150 anniversary of joining to Russia the «Amur country»

Е.Н. ЛЕЩЁВ — Причины создания Семиреченского казачьего войска

E.N. LESHCHEV — The reasons of creation of the Semirechensk Cossack army

ИСТОРИЯ ВОЙН

С.В. КАРТАГУЗОВ — «Сформировать на время военных действий... Уральскую казачью батарею». Участие Уральской казачьей артиллерии в Первой мировой войне

S.V. KARTAGUZOV — «To generate for the period of military operations... the Ural Cossack battery». Participation of the Ural Cossack artillery in the World War I

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Ф.П. РЕРБЕРГ — Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте

(Публикация А.В. ГАНИНА)

F.P. RERBERG — Vice-admiral Kolchak on the Black Sea Navy

(Publication of A.V. GANIN)

А.И. КОВТУН-СТАНКЕВИЧ — Венгерские записки

(Публикация А.А. ДЁМИНА)

A.I. KOVTUN-STANKEVICH — The Hungarian notes

(Publication of A.A. DEMIN)

А.И. ПОДОЛЬСКИЙ — Военный парад в Куйбышеве

(Публикация А.К. ПОДОЛЬСКОЙ)

A.I. PODOLSKY — Military parade in Kuibyshev

(Publication of A.K. PODOLSKAYA)

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

А.П. ПАВЛОВ — Вооруженцы 14-й гвардейской

A.P. PAVLOV — Armed people of 14th Guards

Научные сообщения и информация

Е.А. БОЧКОВ — 10 лет АВИА

E.A. BOCHKOV — 10 years of AMHS

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Е.Б. ПОЛЯКОВА — Победа, запечатлённая в граните. К 230-летию создания Чесменской колонны

Е.В. POLYAKOVA — The victory embodied in a granite. To the 230 anniversary of creation of Chesmen column

МОЛОДЁЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

А.Г. БРИКНЕР — Смерть Павла I. Опасность увеличивается

(Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО)

A.G. BRIKNER — Death of Paul I. Danger increases

(Publication of A.V. Ostrovsky)

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

А.Н. ГУРКОВСКИЙ — Палец на курке

(Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО)

A.N. GURKOVSKY — Finger on the cock

(Publication of V.A. GURKOVSKY)

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КОНКУРС

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

БЕЗУГОЛЬНЫЙ Алексей Юрьевич —

ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

Военно-окружная система в России в период Первой Мировой войны и революционных событий 1917 года

Многие современники отмечали, что запасные и тыловые части стали одним из главных источников распространения «революционной заразы» и разложения армии — явлений, приобретших в 1916 году катастрофический и необратимый. Этому способствовал ряд объективных факторов, связанных с затягиванием войны, большими потерями русских войск, необходимостью прибегать к непопулярным мерам для дальнейшего пополнения действующей армии. Февральская революция 1917 года в самое короткое время привела к коренной трансформации российского общества, его государственных и военных структур. Последний, самый короткий этап истории военных округов русской армии, длившийся с марта 1917 года до начала 1918-го, когда они были упразднены, как никакой другой характеризуется многочисленными структурными преобразованиями, калейдоскопической сменой командующих, интенсивным втягиванием войск Центральной России в борьбу за власть в стране различных политических сил, пытавшихся привлечь их на свою сторону. Определяющей его чертой стал стремительный процесс развала армии.

Командующие войсками округов, равно как и подавляющая часть российского генералитета и старшего офицерства, в одночасье ставшие «реакционным элементом», подверглись политической чистке уже в первые дни революции. В марте—апреле 1917 года Временное правительство уволило и сняло с должностей почти 60 проц. высших командиров и начальников, всего до 140 генералов¹. Заменены были и все без исключения главные начальники (командующие войсками) военных округов. Чаще всего они смещались на местах по решению новых органов власти — всевозможных комитетов и советов. Акт их снятия с должности был во многом символическим жестом, означавшим разрыв со старыми порядками, когда командующий войсками округа, часто исполнявший и генерал-губернаторские функции, являлся главной опорой царского самодержавия в регионах. Однако Временное правительство предпочло не организовывать каких-либо политических судебных процессов, и большинство командующих было им уволено на пенсию, как говорится «под сурдинку», с сохранением мундира. Только главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант С.С.Хабалов, безуспешно пытавшийся противодействовать революционным событиям в Петрограде в конце февраля 1917 года, был заключён в Петропавловскую крепость, правда, одновременно он состоял в резерве чинов при окружном штабе (был освобождён в октябре 1917 г.).

Вообще процедура сложения полномочий назначенными в своё время высочайшими приказами командующими проходила в подавляющем большинстве случаев мирно и без эксцессов. Иногда она приобретала анекдотические формы, что лишь подчёркивало хаос и неразбериху первых дней революции. Так, командование Минского военного округа было арестовано 3 марта по причине того, что носило немецкие фамилии (командующий барон фон Рауш, начальник штаба Мориц, его помощник Миллер и начальник Смоленского гарнизона Дунтен)². Все они вскоре были препровождены в штаб главнокомандующего армиями Западного фронта, где и освобождены.

Временное правительство изначально пыталось вести вполне определённую кадровую политику замещения высших должностей в военном ведомстве: если на высшие командные и штабные должности на фронтах подбирались наиболее способные известные генералы, то командующими войсками внутренних округов или главными начальниками

округов на ТВД становились лица, политически ангажированные, близкие по взглядам и просто лично знакомые с тогдашними лидерами — А.И.Гучковым и А.Ф.Керенским. Например, во главе Московского военного округа был поставлен подполковник А.В.Грузинов — председатель московской губернской управы, октябрист; Киевского — полковник К.М.Оберучев, социал-революционер, бывший политический ссыльный; Казанского — подполковник А.П.Коровиченко, присяжный поверенный, социалист³. Эти люди, как правило, были далеки от строя, многие надели военный мундир впервые за долгие годы.

«Политическим» назначенцем оказался и боевой генерал Л.Г.Корнилов, получивший должность главнокомандующего войсками Петроградского военного округа 2 марта, в день отречения Николая II, причём утверждённый последовательно и царём, и Временным комитетом Государственной думы. Популярность Корнилова в солдатской среде, по мысли думских политиков, должна была конвертироваться в успокоение Петроградского гарнизона.

Однако в целом фигура командующего войсками округа, как и любого другого военачальника, после Февральской революции быстро становилась номинальной (исключение поначалу составлял, пожалуй, лишь пост главнокомандующего войсками Петроградского военного округа). Командующим так и не удалось взять революционное движение в войсках под свой контроль. Их реакция на происходившие в них события и процессы, как правило, запаздывала.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Корин С.А. Офицерский корпус русской армии в период революционных событий февраля—октября 1917 года // Февральская революция: путь к демократической России: Сб. статей. Ставрополь, 2007. С. 107.

2 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1915. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.

3 Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. С.268; Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 102.

Данилов Владимир Сергеевич —

кандидат технических наук, капитан 1 ранга в отставке (Санкт-Петербург)

«не имея моря, мы принялись за постройку военного флота — для завоевания моря»

Формирование корабельных экипажей российского флота в XVIII — начале XX века

Становление морского дела в России связано как с древними отечественными, так и мировыми традициями и опытом. Но если князья-военачальники Древней Руси могли совершать морские походы на многочисленных судах, например, против могучей Византии, добываясь от нее выплаты дани, то со временем наше Отечество оказалось отрезанным от многих морей. Сетую на эту историческую несправедливость, один из исследователей истории российского военно-морского флота более 120 лет тому назад отмечал, что «не имея моря, мы принялись за постройку военного флота — для завоевания моря»¹.

В предлагаемой читателям публикации не ставится задача всестороннего освещения многовековой истории в области кораблестроения, здесь рассматриваются только некоторые вопросы, относящиеся к формированию экипажей и налаживанию взаимоотношений между членами корабельных команд.

Состав команд на военных судах европейских государств, их взаимоотношения и обязанности к началу XVIII века predeterminedелили в известной степени более совершенное устройство судов и изменения в тактике их действий. В свою очередь сложившаяся европейская практика в этой области во многом нашла своё отражение в возрождавшемся российском флоте, существенно повлияв на уклад корабельной жизни. Словом, с появлением регулярных военных флотов коренным образом изменился и характер корабельных команд, сформированных только из военных моряков.

Состав экипажей российских парусных судов определился не сразу. Окончательно и чётко он установился с одновременной формулировкой персональных должностных обязанностей². К примеру, экипаж 76-пушечного трёхпалубного корабля по штату 1718года состоял из 550 человек³.

Как и в европейских флотах, в рамках давней традиции, полномочным начальником на российском военном судне был его капитан, который, как гласил Устав морской, «имеет почтен быть на своем корабле яко губернатор или комендант крепости». Назначался он по-прежнему чаще всего из дворян, разве что, впрочем, как и другие офицеры на корабле, более образованных, чем раньше. Дворянский сын — недоросль, как тогда называли, для получения офицерского чина должен был окончить Навигацкую школу, позже — Морскую академию, а ещё поплавать на кораблях в звании гардемарина. Срок такого становления вплоть до царствования ЕкатериныII определялся, судя по разным свидетельствам, в 7лет. Некоторые избирали, что не воспрещалось, иной путь в офицерство — учёбу за границей и службу волонтером на иностранных судах. Поэтому капитан петровской поры, а тем более последующих времён, умел управлять кораблём, парусами, не полагаясь целиком на шкипера и штурмана.

Вторым лицом на корабле считался капитан-лейтенант. Являясь заместителем капитана, он обязан был уметь исполнять все его функции, если того по какой-либо причине придётся срочно замещать. Во время боя капитан-лейтенант находился в нижнем деке (палубе) корабля у больших пушек.

Третьи лица — лейтенанты. На каждом корабле их, как правило, было три, по числу вахт, т.е. они представляли из себя вахтенных офицеров, в обязанность которых входило: нести вахту; управлять кораблём, не меняя его курса без ведома капитана; осуществлять контроль за несением вахт другими членами экипажа; вести вахтенный журнал. И, наконец, четвёртые лица — унтер-лейтенанты (на каждом корабле тоже три), являвшиеся помощниками своим лейтенантам и их заместителями.

В состав экипажей помимо названных членов входили офицеры артиллерии, или констапели. На большом корабле (до 80 пушек) — это лейтенант артиллерии, на другом (до 76 пушек) — унтер-лейтенант артиллерии, на еще меньшем — просто констапель*. У всех них обязанности были примерно одинаковы: принимать оружие и организовывать уход за ним, следить за наличием и хранением боеприпасов и различного артиллерийского имущества, распределять людей по пушкам, держать орудия в готовности к бою. Когда констапель получал приказ на изготовку к баталии, он должен был в первую очередь поставить среди каждых двух пушек кадку с водой, у которой на краях должны быть вырезаны щербины для закрепления зажженных фитилей (огнём над водой)**.

К офицерам также относились секретарь, комиссар, лекарь, мичман, поп***, шкипер первого и второго ранга, констапель первого ранга.

Корабельный секретарь**** следил за всей хозяйственной деятельностью на корабле и головой отвечал за растрату казённых денег и потерю имущества. Он осуществлял контроль за приёмом из магазинов (складов) имущества и продовольствия, расходом боеприпасов, вёл табельный учёт людей, продовольствия, обязательно присутствуя при раздаче пищи, имущества шкиперскому, штурманскому, констапельскому, комиссарскому составу. Кроме того, он вычитал из персональных денежных выплат наложенные штрафы; по завершении кампании должен был дать полный отчёт по всем вопросам своей компетенции.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В.Е. Русский флот и его управление в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Исторические наброски // Морской сборник (СПб). 1882. № 8. С. 84.

2 Книга Устав морской. СПб, 1720. Кн. 3. С. 32.

3 Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб.: Тип. Демакова, 1875. Ч. I. С. 62.

* Сперва констапели считались нижними чинами, а с 1727 г. им были даны офицерские права.

** Это правило обеспечивало защиту от возможного пожара на батарейной палубе.

*** Так в петровском Уставе морском значился корабельный священник.

**** Ранее на европейских судах он назывался клерком, т.е. лицом, которое должно было блюсти интересы казны. Однако на российских кораблях роль его существенно повысилась.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ШАРЫЙ Валерий Иванович —

заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин Международной академии бизнеса и управления, полковник в отставке, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

ПОМОЩЬ СССР В СОЗДАНИИ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ МОЗАМБИК. 1964—1991 гг.

Формирование регулярной армии в Народной Республике Мозамбик (НРМ) началось сразу же после завоевания ею независимости, несмотря на то, что в стране практически не было соответствующей современному уровню развития военно-промышленной базы, отсутствовали необходимые финансовые и экономические ресурсы.

Ядро будущей кадровой армии начало складываться ещё в период борьбы против португальского колониального господства. В то время, как известно, вооружённые силы были представлены партизанской народной армией, формировавшейся с 1964года. В находившемся на территории Танзании центре военно-политической подготовки Конгва были обучены первые бойцы, осуществившие 25сентября 1964года вооружённое нападение на гарнизон колониальных войск.

Социальный состав партизанской армии оказался разнообразным: крестьянство, городская беднота, мелкобуржуазная интеллигенция. Для них участие в боях стало серьёзной школой революционного воспитания. Особую роль при этом сыграл созданный в 1965году центр военно-политической подготовки мозамбикских патриотов в Начингвеа.

На первом этапе вооружённой борьбы (до 1972г.) мозамбикские патриоты видели свою главную задачу в приобретении боевого опыта и накоплении запасов оружия и снаряжения¹. Они использовали такие методы партизанской борьбы, как действия небольших групп, осуществлявших нападения на португальские посты с целью захвата оружия и боеприпасов, и совершение диверсионных актов, приводивших к нестабильности в различных провинциях страны.

В 1972 году началось формирование регулярной народно-освободительной армии. В то же время в рамках Единого фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) активные боевые действия вели небольшие партизанские группы.

Кроме того, по мере освобождения районов страны и утверждения там народной власти, возникала необходимость их вооружённой защиты. В связи с этим на основании решения Vплenums ЦК партии ФРЕЛИМО на этой территории создавались отряды местной самообороны.

Перед армией Мозамбика ставились задачи не только завоевания национальной независимости, но и обеспечения широкого комплекса мер по проведению прогрессивных преобразований. А это означало, что лидеры ФРЕЛИМО, приступая к решению задач военного строительства, сразу же отвергли бытующий на Западе лозунг о политическом нейтралитете армии. «Бойцы Народных освободительных сил Мозамбика (ФПЛИМ), — отмечал один из лидеров ФРЕЛИМО С.Машел, — глубоко осознают политический характер освободительной борьбы. Труд на коллективных полях, участие в обучении грамоте и санитарных кампаниях, разъяснение целей борьбы и политического курса ФРЕЛИМО являются текущими задачами нашего солдата, составной частью вооружённой революционной борьбы. Наш солдат становится распространителем национальной культуры, несёт в народные массы новые революционные обычаи, новое мировоззрение и способствует тем самым формированию новой мозамбикской личности»². <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 3 декабря 1972 г. состоялся V Пленум ЦК ФРЕЛИМО, на котором была проанализирована изменившаяся военно-политическая обстановка в стране и разработаны планы реорганизации вооружённых сил, направленные на создание национально-освободительной армии. В этой связи вполне правомочно считать 1972 г. началом второго, качественно нового этапа развития вооружённой борьбы в целом и вооружённых сил в частности.

2 Noticias. 1979. 26 Setembro.

из истории Военно-политических отношений

Кикешев Николай Иванович —

председатель Международного союза общественных объединений «Всеславянский собор», полковник в отставке (Москва)

всеславянский комитет — культурный и информационный центр славянского движения в годы великой отечественной войны

Всеславянский комитет, учрежденный в Москве 5 октября 1941 года, состоял из представителей общественности славянских народов СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии и славянских земель, оккупированных Германией и Италией. Возглавил его начальник Военно-инженерной академии генерал-лейтенант инженерных войск А.С. Гундоров. Комитет внёс значительный вклад в формирование антифашистского сопротивления не только в Европе, но и в США, Канаде, Австралии, других странах. Это духовное и организационное единство братских народов было самым ярким примером боевого взаимодействия славян, пожалуй, за всю их многовековую

историю. Значимость славянского движения в борьбе против фашизма прекрасно понимал И.В. Сталин, давая «добро» на создание в Москве Всеславянского комитета.

Более того, в начале Великой Отечественной войны, когда противник стремительно двигался на восток и жизнь показала несостоятельность идеи интернационализма, И.В. Сталин в беседе с У.Гарриманом, координатором американской программы ленд-лиза, во время совещания представителей СССР, США и Великобритании, проходившего в Москве 29 сентября — 1 октября 1941 года, высказал такую мысль: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за Советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию»¹.

Эту же тему И.В. Сталин озвучил и в радиообращении к гражданам Советского Союза 9 мая 1945 года, сказав, что вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. Правда, победа эта досталась дорогой ценой. Потери только пяти славянских стран составили 35млн 200тыс. человек. Из 18млн славян, оказавшихся в немецких концлагерях, погибли 11млн человек.

Среди многообразия форм работы Всеславянского комитета хотелось бы выделить его гуманитарную роль как культурного и информационного центра славянского движения. Комитет организовывал вечера славянской культуры, лекции, выставки, встречи с партизанами и воинами-фронтовиками, готовил материалы для зарубежной прессы, торжественно отмечал славные годовщины побед славянского оружия в борьбе за свободу и независимость. Так, в Колонном зале Дома Союзов с участием представителей славянской общественности Москвы, официальных лиц, дипломатического корпуса широко отмечалась 534-я годовщина Грюнвальдской битвы, в которой объединенные польско-литовско-русские войска в июле 1410 года разгромили войска Тевтонского ордена. От имени литовцев выступил председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Юстас Палецкис, от имени русского народа — Герой Советского Союза генерал-полковник Никандр Чибисов, от украинского — генерал-лейтенант Александр Утвенко, от белорусского — Герой Советского Союза генерал-майор Георгий Исаков, от Польской армии в СССР — капитан Михаил Станкевич и от чехов — член Всеславянского комитета Ян Шверма. Было также дано слово представителю партизан Югославии генерал-лейтенанту Владимиру Терзичу. Все они говорили о несокрушимом братстве народов, о готовности добиваться полной победы и не повторять ошибок прошлого.

Большое внимание члены Всеславянского комитета уделяли Польше. Совместно с Союзом польских патриотов была разработана серия больших пропагандистских мероприятий. Одно из них — торжественное заседание в Колонном зале Дома Союзов, посвященное 150-летию Польского национально-освободительного восстания под руководством Тадеуша Костюшко, которое было связано с предстоящим освобождением Польши Красной армией и формированием с помощью советского народа Войска Польского.

Открыл заседание заместитель председателя Союза польских патриотов Анджей Витос, а с основным докладом выступил активист союза, капитан Польской армии в СССР Стефан Ендриховский. Затем выступали А.С. Гундоров, представлявший Красную армию, президент Украинской академии наук Герой Социалистического Труда Александр Богомолец, заместитель председателя Всеславянского комитета Божидар Масларич, белорусский поэт Максим Танк, майор Польской армии в СССР Герой Советского Союза Юлиуш Гюбнер, советский поэт Николай Тихонов, командир 2-й Чехословацкой бригады

подполковник Владимир Пржикрыл. Список ораторов заключил командующий Польской армией в СССР генерал-лейтенант Зигмунт Берлинг.

Дни польской культуры, белорусско-польской дружбы и многие другие мероприятия носили познавательный характер и крепили славянское единство, собирая многотысячные аудитории, завоевывали широкую популярность среди москвичей. На этих вечерах побывало также немало виднейших общественных и государственных деятелей, ученых, писателей, мастеров искусств и культуры СССР.

Следует сказать, что одной из целей создания ВСК, о чем руководство организации предпочитало особо не распространяться, было оказание помощи «советским агитационным и пропагандистским органам, ведущим работу на границу»². Именно поэтому уже в первые месяцы своего существования комитет начал активно использоваться советской пропагандистской машиной как канал передачи информации за рубеж. Так, в одном из отчетов о деятельности ВСК, составленном уже после войны, осенью 1945 года, его руководитель откровенно признавался в том, что работа комитета «была и остаётся в основном рассчитанной на границу и на славянские страны»³. Так, в записке «К вопросу о новых задачах Всеславянского Комитета» А.С. Гундоров писал: «Общественный характер организации открывал доступ материалам, посылаемым Комитетом в такие органы печати за границей, которые не помещали официальные советские материалы, и позволял привлечь к работе такие круги общественности и славянской эмиграции, которые не могли работать в государственных советских органах»⁴.

В связи с тем, что материалы Всеславянского комитета легче находили доступ в заграничную прессу, чем официоз советских органов, огромное значение приобретало снабжение иностранных газет и журналов статьями «нужного» характера. Этот вопрос был главным на III пленуме Всеславянского комитета, состоявшемся 25 августа 1942 года. С докладом выступил А.И. Лаврентьев. Он сообщил, что за границу посланы 23 приветственные телеграммы, в США и Англию отправлены 236 статей, из них 67 — югославским изданиям, 63 — украинским, 45 — чехословацким, 19 — болгарским, 17 — русским⁵.

Отдел печати Всеславянского комитета и в дальнейшем готовил много пропагандистских материалов и рассылал их в славянские газеты 13 стран, а в целом его материалы публиковались на 12 языках⁶. Так, в 1943 году Всеславянский комитет разослал 2291 статью о Советском Союзе и Красной армии. По тематике они распределялись следующим образом: на военную тему — 387; о работе советского тыла, промышленности, сельском хозяйстве и т.д. — 224; о патриотическом подъёме советского народа — 355; о партизанской борьбе советских людей в тылу врага — 355; о восстановительных работах в освобождённых районах — 168; о зверствах гитлеровцев — 644; о религии в Советском Союзе — 211; о культуре, науке, искусстве — 306; о славянском единстве и славянской солидарности — 291; о борьбе славянских народов с гитлеризмом в Югославии, Польше, Чехословакии, Болгарии, о чехословацких и польских формированиях в СССР — 139. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Досталь М.Ю. Славистика: между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941—1948) // Славяноведение. 2007. № 2. С. 18.

2 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-9564. Оп. 1. Д. 36. Л. 40.

3 Там же. Л. 16.

4 Там же. Л. 40.

5 Там же. Ф. 6646. Оп. 1, д. 1, протокол № 3. Л. 3.

6 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 38. Л. 5.

СОКОЛОВСКАЯ Ольга Владимировна —

старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук (Москва)

РОССИЯ В МИРОТВОРЧЕСКОЙ АКЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ НА КРИТЕ В 1897—1909 гг.

История пребывания миротворческих сил на Крите в 1897—1909 гг. только начинает раскрываться, и интерес к ней с конца XX века всё более возрастает. Это связано не только с появившейся возможностью ознакомиться с секретными архивами в России, Великобритании и Греции, но прежде всего с тем, что спустя столетие решение сложных международных проблем с помощью различных миротворческих акций нормой.

Крит — важный стратегический форпост Восточного Средиземноморья — весь XIX век был ареной не прекращавшейся борьбы находившихся под турецким гнётом христиан за своё освобождение и присоединение к матери-Греции. Крит считался неотъемлемой частью греческого мира и подлежал присоединению к существовавшему уже государству греков¹. Восстания 1841, 1858, 1866—1869, 1878, 1895—1896 гг. носили ярко выраженный национальный и религиозный характер.

Великие державы признавали справедливость и законность требований критян, однако сроки присоединения постоянно отодвигались по многим важным для самих великих держав соображениям. Поэтому критяне и греческие политики решили, что только вооружённая борьба против турецкого гнёта и восстание на острове могут привлечь внимание великих держав к его судьбе. Критский вопрос, в большей степени связанный с необходимостью защиты христианства и европейских ценностей на Крите и на всём Ближнем Востоке, оказался в центре пресловутого «восточного» вопроса и претворил в жизнь идею проведения первой в истории XX века миротворческой акции великих европейских держав.

В связи с событиями на Крите осенью 1896 года Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Италия, Франция и Российская империя прислали в критские воды военно-

морские эскадры. Соединёнными морскими силами и их десантами командовал, как старший по чину, начальник итальянской эскадры вице-адмирал граф Н.Канеvaro. Он принял на себя роль председателя «совета адмиралов», в который также вошли контр-адмиралы: французский — Э.Потье, русский — П.П.Андреев (затем с 1898г. контр-адмирал Н.И.Скрыдлов), австрийский — фон Гинке и британский — сэр Р.Гаррисон (затем Ноэль), а также германский капитан 1-го ранга Кельнер. Все мероприятия великих держав на острове проводились лишь с их общего согласия и носили миротворческий характер.

В связи с известными событиями возросла важность российской военной агентуры в Восточном Средиземноморье. Россия ещё в 1895году заменила русского военного агента в Афинах на опытного офицера — полковника Генштаба Э.Х.Калнина².

В начале 1897 года христиане вынуждены были спастись на военных кораблях великих держав от преследования мусульман³. Всего за два дня — 24 и 25января 1897года на иностранных судах было с Крита увезли около 3500жителей, а на русских судах — броненосце «Император НиколайI» и канонерской лодке «Запорожец» — около 1500, т.е. всего было спасено 5000 человеческих жизней⁴. В конце января вожди повстанцев собрались на полуострове Акротири, где сформировали отряд в 650человек и подняли греческий флаг. По приказу вице-адмирала Н.Канеvaro восставшие подверглись артобстрелу. Но пока державы искали оптимальное решение критского вопроса и пытались выработать проект реформ, Греция спутала своими действиями все карты и предприняла попытку захватить остров силой. В феврале 1897года с одобрения греческого короля ГеоргаI и националистов на острове высадились 1500 вооружённых греков во главе с полковником Т.Вассосом, которые приступили к военным действиям против турецких гарнизонов совместно с повстанцами. Единственной поддержкой держав стало запрещение турецким властям предпринимать наступательные действия против повстанцев.

После объявления на Константинопольской конференции великих держав (6марта 1897г.) Крита автономным военно-морские силы шести великих держав приступили к блокаде острова и высадке близ его столицы — Кане (Ханье) смешанного морского десанта в 500человек. Через три недели морской десант заменили сухопутными войсками, первые батальоны которых высадились в разных пунктах побережья в марте 1897года. За исключением Германии, сухопутных войск не приславшей (страна некоторое время держала в критских водах только одно судно), у всех остальных держав имелось на острове по два батальона, а у Англии и Италии наравне с Россией — ещё по одной горной батарее. Германия и Австро-Венгрия через год отказались участвовать в оккупации и эвакуировали свои небольшие силы с острова, не желая терять влияния в Турции. На автономном острове ввели временное управление «совета адмиралов» четырёх держав. В свою очередь, активно действовали генеральные консульства государств, которые осуществляли связь между своими правительствами, военно-морскими силами и властями Крита. Российскими генеральными консулами в 1897—1909гг. были Н.Н.Демерик, А.А.Гирс, Н.Н.фон Эттер, А.Н.Броневский, Б.П.Пелехин и А.Ф.Шебунин.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Данова Н. Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX в. София, 1980. С.267; Tatsios T. The megalí idea and the greek-turkish war. 1866—1887 / Athens, 1984.

2 Позже, в марте—октябре 1898г., Калнин посетил Крит, после чего греческий король пожаловал ему орден Спасителя командорского креста 3-й степени. В 1899г. он был переведён в ещё более важный регион — в Константинополь.

3 Соколовская О.В. Из истории умиротворения Крита и спасения православного населения в период кризиса 1897—1898гг. С приложением документальных материалов из РГА ВМФ // Славяноведение. 2008. № 2.

4 Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 1083. Л. 350об.—351.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ЗДАНОВИЧ Владимир Васильевич —

заведующий кафедрой истории Беларуси Брестского государственного университета им.А.С.Пушкина, кандидат исторических наук, доцент (г.Брест, Республика Беларусь)

Партизанское движение периода Великой Отечественной войны в белорусской историографии 1990—2005 гг.

После 1991года в изучении истории Беларуси периода Второй мировой и Великой Отечественной войн начался новый этап, имеющий специфические характеристики. Во-первых, значительно вырос в количественном и качественном отношении кадровый потенциал исторической науки. Во-вторых, более репрезентативной стала источниковая база для научных исследований. Историки получили доступ к ранее закрытым фондам государственных и ведомственных архивов, в том числе — комитета государственной безопасности, министерства внутренних дел, министерства иностранных дел. В-третьих, радикально поменялись приоритеты и акценты научных исследований.

Тема советского партизанского движения сегодня перестает быть приоритетным направлением исследований, но разработка этой проблемы продолжается. В числе наиболее активных её разработчиков — К.И.Доморад. Первая его книга, написанная на основе партийных архивов, фондов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, опубликованных источников, посвящена анализу деятельности подпольных Минского областного, городских, межрайонных и районных комитетов КП(б)Б по руководству партизанским движением. Оставаясь в целом на позициях советской историографии, исследователь вместе с тем предпринимает попытку анализа недостатков в работе партийных органов по организации партизанской борьбы¹.

Значительным шагом в отходе от прежних методологических установок, предписывавших показ только положительных сторон вооружённой борьбы с фашизмом, стала следующая книга К.И.Доморада, изданная в 1995году². Анализируя процесс становления и совершенствования структуры разведывательных и контрразведывательных органов в

партизанских формированиях, историк не только отмечает несомненные заслуги названных служб в обеспечении эффективности боевой деятельности партизан, но и показывает негативные, хотя и не типичные для всех партизанских сил моменты партизанского движения, имевшие порой тяжёлые и даже трагические последствия.

Партизанскую войну против оккупантов вели представители разных социальных и национальных групп. Существенный вклад в победу внесли и представители интеллектуального труда. Данное направление стало основным полем исследований для белорусского историка В.И.Кузьменко. Итогом его многолетней аналитической работы стали две монографии. Первая из них была опубликована незадолго до распада СССР. В заслугу автору следует поставить определение общего количества представителей интеллигенции в рядах белорусских партизан, удельного веса интеллигенции не только среди личного состава, но и среди командования отрядов и бригад, а также в подпольных партийных органах. Исследователь заостряет внимание на таких негативных моментах в жизни советского общества, как репрессии 30-х годов, нанесшие тяжёлый удар по интеллектуальным силам республики. Однако в своих выводах историк в основном остаётся на позициях советской историографии³.

Во второй монографии (2001г.) В.И.Кузьменко не только дополнительно разрабатывает сюжеты партизанской борьбы, но и раскрывает вопросы, которые раньше находились за пределами научных изысканий ввиду невозможности работы с рядом архивных документов. Способствовала этому и благоприятная общественная ситуация в Республике Беларусь, которая вызвала определённые изменения в оценках событий Великой Отечественной войны⁴.

В партизанских отрядах и бригадах Беларуси сражались и медицинские работники. Этой проблеме посвящена публикация Н.Улейчик, подготовленная на основании анализа документов санитарного отдела Белорусского штаба партизанского движения (БШПД). В ней автор делает обоснованный вывод о том, что, несмотря на небольшое количество медицинских работников (0,98проц. от общего количества партизан), они спасли жизнь 80проц. раненых и практически 100проц. больных партизан⁵.

Отдельные вопросы национальной, социальной, партийной характеристики командного состава партизанских сил затрагивались в монографиях А.И.Залесского и П.Н.Кобринца. В частности, авторы отмечают важную роль военнослужащих в партизанской борьбе, показывают партийную прослойку среди командного состава, дают национальную характеристику командиров бригад. Однако в целом в книге приводятся сведения, которые уже раньше стали достоянием советской историографии.

Показ борьбы польского населения в тылу германских войск является основной целью исследования⁷ В.В.Барабаша. История борьбы поляков в рядах советских партизан и подпольщиков стала предметом изучения и описания в одном из разделов его диссертации, положенной в основу одноимённой монографии. Заметим, что отдельные сюжеты данной проблемы были раскрыты в кандидатской диссертации⁸ Б.Венцека. Однако существовавшие в начале 90-х годов ограничения не позволили диссертанту выйти за рамки официальной советской историографии. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области. 1941—1944. Минск: Навука і тэхніка, 1992.
- 2 Доморад К.И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941—1944гг. Минск: Навука і тэхніка, 1995.
- 3 Кузьменко В.И. Советская интеллигенция в партизанском движении в Белоруссии. 1941—1944 гг. Минск: Навука і тэхніка, 1991.
- 4 Кузьменко В.И. Интеллигенция Беларуси в период немецко-фашистской оккупации (1941—1944 гг.): Монография. Минск: БГПУ им.М.Танка, 2001.
- 5 Улейчик Н. Медицинские кадры партизанских формирований Белоруссии в годы Великой Отечественной войны // 55гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы: Матэрыялы навук.-тэарэт. канф., 4—5мая 2000 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т і інш.; пад рэд. А.А. Кавалені: У 2 ч. Ч. 2. Мінск, 2000.
- 6 Залесский А.И., Кобринец П.Н. О национальных отношениях в Советской Белоруссии. Исторические очерки. Гродно: ГрГУ им.Я.Купалы, 1992.
- 7 Барабаш В.В. Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941—1944гг.). Гродно: ГрГУ, 1998; он же. Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941—1944гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск: Беларус. гос. педагог. ун-т, 1999.
- 8 Венцек Б. Участие поляков в борьбе советского народа с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Белоруссии (1941—1944гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1991.

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ЗАХАРЕНКО Игорь Антонович —

доцент Военной академии Республики Беларусь, докторант Института истории естествознания и техники РАН, полковник, кандидат географических наук (г. Минск, Республика Беларусь)

АМУРСКИЕ СПЛАВЫ

К 150-летию присоединения к России «Амурской страны»

Первые пограничные контакты между Россией и Китаем, имевшие место уже в начале XVII века, свидетельствовали, что стороны ещё не были готовы к взаимовыгодному диалогу. Конфронтационная закономерность в геополитических отношениях между Россией и Китаем на этапе становления границы, а затем между Россией и Англией объективно была неизбежным явлением. Процесс экспансивного расширения границ мировых империй должен был привести к столкновению интересов, амбиций, культур, мировоззрений. В этом контексте не случайными выглядят вооружённые столкновения в дальневосточном трансграничном регионе во второй половине XVII века и в ближневосточном трансграничном регионе в середине XIX века. Эту закономерность описал А.Н.Куропаткин: «Две волны, русская с запада и китайская с востока, захватив несколько миллионов людей, двигаются навстречу одна к другой, приходя в многообразное трение. Чем ближе к востоку, тем это трение заметнее по напряжению и опаснее по вероятному результату. Этот результат — неизбежное осложнение отношений между Россией и Китаем, разрыв этих отношений и война»¹.

В середине XIX века обстановка на Дальнем Востоке коренным образом изменилась. Вторжение западных держав в Китай и насильственное открытие его морских портов для иностранной торговли после первой «опиумной войны» 1840—1842 гг. нарушило имевшееся равновесие сил в этом районе и стало серьёзно угрожать экономическим интересам России. Появление у русских берегов военно-морских судов Англии и Франции, а также китобойных судов США могло привести к занятию богатейшей и по существу никем не контролируемой части Дальнего Востока — Приамурья и Приморья. Обнаруженный на о.Сахалине каменный уголь мог привлечь внимание иностранных держав, которые весьма остро нуждались в нём для развития судоходства в районе Тихого океана. Тем более что они намеревались установить контроль в дальневосточном пограничном пространстве после того, как расправятся с Китаем и заключат союз с Японией. Англия призывала своих союзников — Францию и США — к активным действиям против России в Приамурье. Так, английский дипломатический чиновник в Китае Мидоуз призывал правительства Англии, Франции и США использовать реку Амур для навигации судов этих стран «независимо от того, будет ли на это предоставлено право или нет»².

Поведение сторон в значительной степени стал определять геополитический фактор. Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н.Муравьев был вынужден форсировать разрешение «амурского вопроса» из-за присутствия в Восточной Азии западноевропейских держав и США. Появление американских китобоев в Татарском проливе в 1852 году, нападение английской эскадры в марте 1854 года, в разгар Крымской войны на Петропавловск, укрепление позиций Великобритании, Франции и США при дворе богдыхана — всё это с очевидностью предвещало складывание новой международной и геополитической ситуации в регионе³.

К вопросу об Амуре русское правительство вновь вернулось, когда судоходство по этой реке стало приобретать для России военно-стратегическое значение. Амур стал необходим России как наиболее близкий и дешёвый путь для снабжения своих сил, обеспечивающих охрану русских владений в Охотском море, на Сахалине, Камчатке и в Северной Америке.

Сам ход формирования нового пограничного пространства с освоением низовьев Амура и занятием Амурского лимана, а также распространение влияния России на острове Сахалин сделали дальнейшие шаги по занятию левого берега реки необходимостью. Решение важнейшего для российской политики на Дальнем Востоке «амурского вопроса» было инициировано экспедиционным плаванием Г.И.Невельского из Охотского моря в устье Амура через открытый им пролив между материком и Сахалином. В июле 1850 года

недалеко от устья Амура Г.И.Невельским был заложен форт Николаевск, ставший военно-административным центром Нижнего Приамурья. Обнаружение того факта, что устье Амура открыто для кораблей с моря, утвердило Россию в статусе великой тихоокеанской державы.

Смелые действия Г.И.Невельского, во многом предпринятые вразрез с существовавшими инструкциями, были решительно поддержаны Н.Н.Муравьевым, который уже в 1851 году поставил перед китайскими властями вопрос о пересмотре линии русско-китайской границы на Дальнем Востоке и совместном владении течением Амура. Для переброски на Камчатский полуостров войск и продовольствия генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев с 1854 по 1857 год организовал военные экспедиции — сплавы вниз по Амуру. Задолго до начала сплавов, в 1851 году для их организации Н.Н.Муравьев командировал военных моряков П.В.Казакевича и А.С.Сгибнева, а в 1852 году и корабельного инженера М.П.Шарубина в г.Сретенск на реке Шилке. Там началась постройка первого на Амуре парохода «Аргунь», барж, баркасов, лодок и плотов для осуществления задуманного сплава.

Все приготовления хранились в тайне от правительства и могли привести к обвинению Н.Н.Муравьева в превышении власти. Но его поистине героическая настойчивость в «амурском вопросе» дала положительные результаты. В январе 1854 года была утверждена инструкция генерал-губернатору Восточной Сибири для руководства в действиях и сношениях с правительством китайского императора, в которой указывалось, что «главный предмет, который должен в настоящее время обращать на себя внимание, есть совершающийся в Китае переворот, учреждающий падение Маньчжурской династии». Инструкция гласила: «...Только в тех случаях, когда от промедления предвидится явный вред России, генерал-губернатор может входить в сношения с китайским правительством в смысле с настоящей инструкцией, не ожидая указаний из Санкт-Петербурга». Н.Н.Муравьев тут же использовал это исключительное право и указал начальнику Пекинской духовной миссии отцу Палладию, что «в настоящих обстоятельствах Вам совершенно необходимо принять в Пекине положение Политическое» и дал ему право ссылаться на его распоряжения в официальном порядке4. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.

2 Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений. М., 1974. С. 233.

3 Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике (XVI—XX века). М.: Наука, 2004. С. 49, 50.

4 Государственный архив Иркутской области (ГА ИО). Ф. 24. Оп.11/1. Д. 21. Л. 10—15.

ЛЕЩЁВ Евгений Николаевич —

начальник кафедры Московского пограничного института ФСБ России, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ СЕМИРЕЧЕНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Правительство Российской империи, признав казачество наиболее способным элементом для военного прикрытия государственной границы, особенно на южных, юго-восточных и дальневосточных рубежах, в XIX веке принимало меры к совершенствованию уже существовавших и созданию новых казачьих войск. На создание Военным министерством Семиреченского¹ казачьего войска (1867) повлияли два важнейших фактора. Основным являлся внешнеполитический (геостратегический), сущность которого заключалась в территориальном размежевании с Китаем, претендовавшим на часть территорий Семиречья, и англо-русском соперничестве за сферы влияния в среднеазиатском регионе, что в конечном итоге послужило установлению российско-китайской государственной границы. Вторым фактором стал экономический: следовало заменить дорогостоящую внешнюю службу сотен Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск, участвовавших в охране новой границы России, местным — Семиреченским казачьим войском.

До середины XVIII века границы между Россией и Китаем в Центральной Азии не было, так как существовало Джунгарское ханство — геополитический буфер между двумя великими империями. Россия за всю свою историю не имела с Джунгарией не только договора о границах, но и какого-либо полноценного международного соглашения. Китай же отказывал джунгарам в полноправном сотрудничестве по причинам их «варварства» и «дикости». Хотя Буринский договор о российско-китайской границе от 20 августа 1727 года* обозначал линию прохождения государственной границы, фактически она находилась под контролем джунгар.

Граница Джунгарского государства с Россией на западе проходила по реке Иртыш до впадения в неё реки Бухтармы, далее — по правому берегу Бухтармы в направлении на северо-восток до известного пограничного знака Шабинь-Дабага. Граница эта оказалась весьма условна, не закреплена и не подтверждена никакими юридическими документами². Готовясь к войне с Джунгарией, в 1731—1732 гг. Китай впервые прислал в Санкт-Петербург своих послов, которые в обмен на невмешательство России в центрально-азиатские дела предложили поделиться джунгарскими землями. Однако коллегия иностранных дел Российской империи осталась верна позиции — никаких совместных с китайцами договоров о расчленении Джунгарии не подписывать, стараться сохранить последнюю в качестве естественного буфера с Китаем.

После победы Китая над Джунгарией в войне 1756—1759 гг. под власть богдыхана окончательно перешла территории современного Синьцзян³-Уйгурского автономного района КНР.

На покорённой китайцами территории, переименованной в Бей-лу, было образовано 7 административных округов, объединённых в так называемое Илийское наместничество. Три округа — Или, Тарбагатай и Кур-кара-усу частично занимали земли Семиречья и Алтая.

В августе 1760 года император Цяньлун объявил своим указом все джунгарские кочевья китайской территорией. Узнав о появлении в горах Тарбагатай прикочевавших казахов, богдыхан повелел направить туда войска, которые должны были объявить казахам, что это земля Китая, и прогнать их за границу.

С этого времени китайские власти фактически начали необъявленную войну против казахов Семиречья, «нарушающих границу». Указом от 18 декабря 1762 года цинское правительство обязывало синьцзянского наместника Минжуя задерживать любого нарушителя, вплоть до самого хана Аблая. Но натиск кочевников сдерживать с каждым годом становилось все труднее, и 24 мая 1766 года богдыхан разрешил казахам пользоваться кочёвками в Джунгарии, но только с осени по весну, пока лежит снег, а линия временных караулов сворачивается. На указанную территорию казахи допускались зимовать за особую подать — сотую часть скота. Весной казахов опять изгоняли⁴.

Китайские власти считали многих казахских султанов и биев, особенно в приграничье, своими подданными. Это выражалось в присвоении казахским султанам чинов китайской государственной службы, во вручении им наград и подарков. Русская администрация активно боролась с подобными явлениями, тем не менее они сохранились вплоть до 1880-х годов⁵.

С постепенным присоединением Семиречья к Российской империи перед российским императором Александром II встал вопрос о дальнейшей политике в отношении новых среднеазиатских соседей — Хивы, Бухары, Коканда. Известно, что главную роль в расчётах российских государственных деятелей изначально играли политические и военно-стратегические соображения. Утвердившись в Средней Азии, Россия рассчитывала установить контроль над важнейшим перекрёстком путей в Индию, Персию и Китай, а также использовать среднеазиатские ханства в качестве плацдарма для отражения враждебных действий на своих южных рубежах (в Петербурге особенно опасались английского проникновения в Среднюю Азию). И, наконец, вместо трудной для защиты из-за характера местности границы в Киргиз-кайсацких степях она намеревалась получить естественные труднопреодолимые рубежи в горах, окаймляющих регион с юга и востока.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Семиречье — историко-географическая область, расположенная между озёрами Балхаш на севере, Сасык-коль и Ала-коль на северо-востоке, Джунгарским Алатау на востоке и бассейном верхнего течения р. Нарын на юге. Своё название получило от семи рек, впадающих в оз. Балхаш: Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан, Сарканд. Один из древних центров земледелия, основанный на искусственном орошении. В 1219—1221 гг. земледельческие оазисы и города данного региона были разрушены монголами. В XVI веке на его территории образовались и проживали племена киргизов Старшей, части Средней и Дикокаменной орд — предки нынешних казахов и киргизов (см.: Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909. С. 1—3).

2 Бабков И.Ф. Записки о моей службе в Сибири. СПб., 1912. С. 144.

3 Синьцзян в переводе с китайского языка — новая граница, территория.

4 Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983. С. 110.

5 Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV—XIX). Алматы, 1995. С. 160.

ИСТОРИЯ ВОЙН

КАРТАГУЗОВ Сергей Васильевич —

офицер Главного управления Генерального штаба ВС РФ, полковник (Москва)

«Сформировать на время военных действий... Уральскую казачью батарею»

Участие Уральской казачьей артиллерии в Первой мировой войне

Жестоко подавив крестьянскую войну под предводительством Е.И.Пугачёва, которого активно поддержало Яицкое казачье войско, почти в полном составе вступившее в ряды бунтовщиков, императрица Екатерина II повелела «...для совершенного забвения сего на Яике последовавшего несчастного происшествия реку Яик, по которой как оное войско, как и город его название своё донныне имели, по причине той, что оная река проистекает из Уральских гор, переименовать Уралом, а потому и оное войско наименовать Уральским и впредь Яицким не называть, равно и Яицкому городку называться отныне Уральским...»¹. Заодно у яицких, теперь уже уральских, казаков была отобрана артиллерия, которой принадлежала основная заслуга во всех победах Пугачёва².

Почти полтора столетия после пугачёвского бунта Уральское казачье войско (УКВ), непрерывно неся тяжёлую «государеву службу» в киргизских степях, участвуя в походах в Италию, Швейцарию, Германию, Польшу и Бессарабию, Грузию и Венгрию, в битвах под Дрезденом, Лейпцигом, Гамбургом, Пфальцбургом, шашкой, винтовкой и пикой покорив Туркестан, не имело своей артиллерии. Без своих пушек выступили уральцы и на Первую мировую войну 1914—1918 гг. Пушки, конечно, имелись, но принадлежали они донским казакам: в штат сформированной Уральской казачьей дивизии (4, 5, 6, 7-й Уральские казачьи полки) вошел 7-й Донской казачий артиллерийский дивизион (командир — полковник В.Греков) в составе 14-й (войсковой старшина И.Филиппов) и 15-й (войсковой старшина Н.Кучеров) Донских казачьих батарей³. По различным фронтам были разбросаны девять Уральских казачьих полков, две особые конные сотни и лейб-гвардии его императорского величества уральская казачья сотня.

1-й Уральский казачий полк (УКП) до войны входил в состав 9-й кавалерийской дивизии Киевского военного округа и дислоцировался в городе Кременец недалеко от Киева, командовал полком полковник Бородин Георгий Кондратьевич⁴. В угрожаемый период полк в составе дивизии был сосредоточен на границе с Австро-Венгрией, а 27 июля 1914 года⁵, после объявления Австро-Венгрией войны России, перешёл границу у местечка Ново-Алексинец и сразу вступил в бой, захватив Заложнеб.

3 сентября 1914 года при преследовании отступавшего в беспорядке противника разъезды 1 УКП у деревни Липовец обнаружили четыре брошенных австрийских орудия, при осмотре которых оказалось, что два вполне исправны и пригодны к стрельбе. По инициативе командира полка, с разрешения командующего 9-м армейским корпусом (9 АК) генерал-адъютанта Д.Г.Щербачёва⁷ и после согласования 5 сентября 1914 года с командующим 3-й армией (ЗА) генералом от инфантерии Р.Д.Радко-Дмитриевым⁸ при 1 УКП началось формирование двухорудийного конно-артиллерийского взвода с четырьмя зарядными ящиками⁹.

Командиром взвода стал сотник Акутин Николай Владимирович¹⁰, помощником — хорунжий Донсков Георгий Иванович¹¹, личный состав набрали, исходя из расчета по 2 урядника и 9 казаков от каждой из 6 сотен. Упряжных лошадей временно взяли из полкового обоза. За покупкой артиллерийских лошадей в город Уральск был откомандирован урядник Карпов¹².

Для обучения казаков артиллерийскому делу к взводу был прикомандирован офицер 16-й конно-артиллерийской батареи поручик Бадиков¹³.

22 сентября, встав на боевые позиции западнее дер. Радохонце у высоты 306, близ позиций 3-й батареи 31-й артиллерийской бригады, уральская артиллерия получила боевое крещение¹⁴.

Обучение казаков проходило в боевых условиях. В своём рапорте начальнику штаба походного атамана Н.В. Акутин докладывал, что «артиллерийские учебные стрельбы происходили под крепостью Перемышль. Мишенями служили австрийские войска, окопы, батареи, ходы сообщения. Такие стрельбы благодаря своему разнообразию были не только поучительны, но и заинтересовывали казаков»¹⁵. 24 сентября ко взводу в качестве инструктора был прикомандирован уроженец гор. Уральска поручик Н.А.Околович¹⁶ из 31-й артиллерийской бригады. В составе полка взвод принял участие в 1-й и 2-й блокадах крепости Перемышль.

<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Карпов А.Б. Памятник казачьей старины. Уральск, 1992. С.51.

2 Муратов Х.И. Крестьянская война 1773—1775 гг. в России. М., 1954. С. 67.

3 См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 79. Л. 54.

4 Бородин Георгий Кондратьевич (1860—1920), из потомственных дворян УКВ. В 1878г. окончил Оренбургское казачье юнкерское училище с производством в хорунжий и назначении в Уральскую учебную сотню. Участник Русско-японской войны. 20 апреля 1904г. переведен в 4УКП на должность штаб-офицера полка. 31 марта 1905г. «за отличия в делах против японцев» произведен в войсковые старшины. Награжден орденами Св.Станислава 2ст. с мечами, Св.Анны 4ст. с надписью «За храбрость», Золотым оружием «За храбрость». С 10января 1907г. — в 1УКП. За отличие по службе 2сентября 1908г. был произведен в полковники и назначен командиром 1УКП. 19апреля 1910г. награжден орденом Св.Анны 2ст. с мечами. На фронт Первой мировой войны выступил во главе своего полка. В феврале—марте 1915г. — комендант г.Перемышля. «За отличия в делах против неприятеля» 5апреля 1915г. награжден орденом Св.Владимира 3ст. с мечами. Завгуста 1915г. назначен командиром 30 Донского казачьего полка. С 30сентября 1915г. — командир 2 бригады 1 Оренбургской льготной казачьей дивизии. Генерал-майор с 28 мая 1917 г. Приказом по Военному ведомству от 3 июня 1917 г. уволен со службы «по домашним обстоятельствам» с мундиром и пенсией. Участник Гражданской войны. Офицер Отдельной Уральской армии. Попал в плен к красным в апреле 1920 г. в Форте Александровском. Расстрелян в 1920 г. в Москве, по другим данным, в 1921 г. на Северной Двине.

5 Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

6 См.: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 65. Л. 21.

7 Щербачёв Дмитрий Григорьевич (1857—1932). Образование получил в Орловской Бахина военной гимназии и Михайловском артиллерийском училище (1876). Выпущен в 3-ю конно-артиллерийскую батарею. В 1884г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, с 24января 1907 г. — её начальник. 29 ноября 1908 г. произведён в генерал-лейтенанты. С 14 декабря 1912 г. команд. 9 АК, с которым вступил в Первую мировую войну. За бои под Львовом и Равой-Русской награждён орденом Св.Георгия 4ст. 5 декабря 1914 г. произведён в генералы от инфантерии. С 5 апреля 1915 г. — командующий 11 Армией. За успешные сражения в районе р. Стрыпа в августе 1915 г. награжден орденом Св.Георгия 3 ст. С 19 октября 1915 г. — командующий 7 Армией, генерал-адъютант. После февральской революции принял пост помощника Августейшего Главнокомандующего армиями Румынского фронта. В феврале 1918 г. заключил перемирие с германским командованием и добился сохранения румынской армии. С января 1919 г. возглавлял в Париже представительство по снабжению белых армий. С 1920 г. из-за разногласий с генералом П.Н. Врангелем покинул пост. Умер 18января 1932 г. в Ницце (Франция).

8 Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (1859—1918). Родился в селе Гадец (Болгария). В 1876 г. участвовал в национально-освободительном движении. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. зачислен в состав лейб-гвардейского Уланского полка русской армии. Окончил военное училище в Софии, в 1884 г. — Николаевскую академию Генерального штаба в Петербурге. С 1887 г. — на русской службе. В 1898 г. вернулся на службу в Болгарию. Отличился в 1-й и 2-й Балканских войнах. 26июля 1914 г. принят на русскую службу в чине генерал-лейтенанта и назначением командиром 8 АК 8-й армии. С 3 сентября 1914г. — командующий 3-й армией, генерал от инфантерии. С 3 июня 1915 г. — командир 2 Сибирского АК, позднее 7 Сибирского АК. С 20 марта 1916 г. —

командующий 12 Армией. 20июля 1917 г. снят с командования армией. Уехал на Юг России для лечения. В сентябре 1918 г. расстрелян красными в Пятигорске.

9 См.: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 65. Л. 12.

10 Акутин Николай Владимирович (1887—?). Родился в станице Бородинской УКВ в семье казачьего офицера. В августе 1908 г. окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и направлен в казачью сотню Николаевского кавалерийского училища. С 21 сентября 1908 г. — юнкер, а с 5 сентября 1909 г. — урядник. Училище окончил в 1910 г. по 1-му разряду. Высочайшим приказом от 6 августа 1910 г. произведён в хорунжий и направлен в 1 УКП. С 17 января 1913г. на должности младшего офицера 3 УКП. 5 октября 1913 г. произведён в сотники и командирован с 10 октября на обучение в Санкт-Петербургскую главную гимнастическо-фехтовальную школу. В 1914 г. — младший офицер 1 УКП. С 1 января 1915 г. — командир 1-й Уральской казачьей батареи. 30 июля 1915 г. ранен в бою у дер. Шупарка (Галиция). В есаулы произведен 16 января 1916 г. Награжден с начала войны орденами Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св.Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св.Станислава 2 ст. с мечами (17 мая 1915 г.), Св. Анны 2 ст. с мечами, мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3 ст. (26 мая 1916 г.), орденом Св.Анны 3ст. с мечами и бантом (17 мая 1915 г.). Участник Гражданской войны. В апреле 1919 г. командир 2-го конно-артиллерийского дивизиона Отдельной Уральской армии, войсковой старшина. 15июня 1919 г. назначен инспектором артиллерии Илецкого конного казачьего корпуса Уральской Отдельной армии.

11 Донсков Георгий Иванович (1892—?), сын полковника УКВ, потомственный дворянин. 1 сентября 1911 г. окончил Неплюевский кадетский корпус по 1-му разряду, постановлен в казаки и зачислен в казачью сотню Николаевского кавалерийского училища. 6 августа 1913 г. окончил училище, был произведен в хорунжий и направлен в 1 УКП на должность младшего офицера. С 1 мая по 1августа 1914 г. находился в командировке в г.Киеве на специальных инженерных курсах «для обучения инженерному делу». Участник Первой мировой войны. Младший офицер 1 УКП. Ранен 20 октября 1914 г. в бою у дер. Мизинец (Галиция) и 1июля 1915 г. у дер. Шупарка (Галиция), остался в строю. 20января 1915 г. переведен на должность заведующего хозяйством 1Уральской казачьей батареи с зачислением по артиллерии. 7апреля 1916 г. произведен в сотники, 19 июля 1916 г. — в подъесаулы. Награжден с начала войны орденами Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св.Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св.Владимира 4 ст. с мечами и бантом (5 августа 1915 г.). Участник Гражданской войны. С 1 сентября 1918 г. — старший офицер 1-й батареи Уральского мортирного дивизиона Уральского казачьего войска, есаул. 1 ноября 1918 г. утвержден в должности командира 2-й батареи Уральского мортирного дивизиона. В апреле 1919 г. — помощник командира артиллерийского дивизиона Отдельной Уральской армии.

12 РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 65. Л. 12.

13 Там же. Л. 256.

14 Там же.

15 Там же.

16 Околович Николай Алексеевич (1888—?), из дворян Могилевской губернии, сын чиновника, уроженец гор. Уральска. Окончил Уральское Войсковое реальное училище. На

военную службу поступил 28 августа 1907 г. в Константиновское артиллерийское училище юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. 6 августа 1910 г. успешно окончил училище и был произведён в подпоручики с назначением в 31-ю артиллерийскую бригаду. Участник Первой мировой войны. Старший офицер 1-й батареи 31-й артиллерийской бригады, поручик. 20 января 1915 г. назначен старшим офицером 1 Уральской казачьей батареи с производством в сотники. 26 января 1916 г. произведен в подьесаулы, 13 февраля 1917 г. — в капитаны. Награждён с начала войны орденами Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами (17 мая 1915 г.), Св. Анны 2 ст. с мечами (17 мая 1915 г.), Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. Участник Гражданской войны. 10 июля 1918 г. переведён из 48-й гаубичной батареи в Уральский мортирный артиллерийский дивизион с назначением командиром 1-й батареи. 1 мая 1919 г. назначен командиром отдельного гаубичного взвода. Участник похода в Форт Александровский.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Публикация: Ганин Андрей Владиславович —

редактор отдела военной истории журнала «Родина», кандидат исторических наук (Москва)

Ф.П. Рерберг

вице-адмирал колчак на черноморском флоте

Департамент полиции обеспокоился описанным проявлением бунтарских наклонностей матросов и в секретном порядке передал это донесение (в котором было сказано, что об изложенном доложено командующему флотом и командующему крепости) на «усмотрение» морскому министру. Адмирал Григорович¹ переслал эту переписку «на распоряжение» адмиралу Колчаку, а последний распорядился самым энергичным образом, дабы на будущее время подобных случаев не могло повториться! Он тотчас потребовал полковника Редрова к себе на корабль, накричал на него и разнёс как мальчишку, не желая слушать никаких ни докладов, ни возражений, и раз навсегда (вопреки всяким законам) воспретил полковнику Редрову доносить куда бы то ни было на «его матросов»!

С этой минуты матросы Колчака могли говорить и проделывать, что им угодно, и департамент полиции был лишён возможности что-либо об этом уведомить². Если и другие

начальники так действовали, то немудрено, что государь ничего не знал о надвигавшейся опасности, и революция свалилась на нас... «как снег на голову».

Этот почтенный, немолодой, преданный делу служака полковник Редров прямо от Колчака приехал ко мне на квартиру, в глазах у него были слёзы. Он приехал ко мне посоветоваться, что ему делать, так как он поставлен в безвыходное положение: если он не будет доставлять департаменту надлежащие сведения, то департамент вправе предать его суду за укрывательство преступной деятельности революционеров, если же он будет продолжать свои донесения согласно закону, то он рискует быть преданным военному суду за неисполнение приказа высшего начальника в крепости, находящейся на осадном положении.

Ко времени этого разговора я был уже предупреждён, что, по имеющимся сведениям, Колчак поручил своему «жандармскому» офицеру следить за полковником Редровым и ротмистром Крахотиным, чтобы они не посылали каких-либо депеш жандармским шифром в департамент. Таким образом, полковник Редров был поставлен в такое положение, что был лишён возможности донести по телеграфу, что ему воспрещено исполнять его прямые обязанности по службе.

Я посоветовал Редрову составить краткое об этом донесение, положить на шифр и с надёжным унтер-офицером послать по железной дороге для отправления телеграммы с какой-нибудь станции вне пределов Крыма. Редров так и сделал и послал телеграмму со станции Мелитополь, но оба мы упустили из виду, что ведь может последовать ответ. И ответ последовал, а департамент полиции, получив донесение Редрова, запросил объяснения у морского министра, а последний запросил Колчака, а последний, действительно бесстрашный воин, ничтоже сумняшеся, приказом по флоту отрёшил полковника Редрова за неисполнение приказа командующего флотом от должности, а, когда Редров, донося о последнем, просил разрешения департамента прибыть немедленно в Петроград для личного доклада всего случившегося, за последнее преступление полковник Редров был признан Колчаком нежелательным элементом в пределах крепости, находящейся в осадном положении, и предписанием штаба флота полковник Редров, как элемент вредный, в трёхдневный срок был выселен из Севастополя!

Виданное ли это дело? Жандармский полковник, стоявший на страже интересов государя и России, за добровольное исполнение своего долга отрешается от должности, признаётся неблагонадёжным и в трёхдневный срок выселяется из крепости!

Редров поехал в Петроград, где в департаменте полиции, конечно, был признан совершенно правым, но министр внутренних дел³ в интересах государственных спасовал, побоялся побеспокоить командующего флотом, не имел гражданского мужества поставить вопрос ребром и отстоять своего подчинённого, и Редров был назначен куда-то на Кавказ, а вместо него к нам прибыл полковник Дукельский.

Шила в мешке не утаишь, а тем более не упрячешь концов в таком громком деле, как изгнание в экстренном порядке за донесение на матросов жандармского полковника, и в тёмных массах популярность Колчака, нанёсшего⁴ такой удар и оскорбление честному жандармскому полковнику, возвысилась в значительной степени.

Как понять этот страшный поступок адмирала? Действительно ли среди высшего командного элемента и высших чинов Российского государства существовал в то время вполне определённый «великий заговор» против государя, или это теперь кем-то придумано и пущено в монархическую печать? Надо признать, что по мере течения

времени против наших генералов и некоторых высших чинов улик набирается довольно много, и дело беспристрастной истории (если таковая может существовать) вывести миру правдивое заключение. В деле свержения полковника Редрова, по моему мнению, играли роль другие обстоятельства. Уже много лет тому назад в среде русской интеллигенции начался скрытый поход против нашего самодержавия, но чтобы свалить его, надо было сначала дискредитировать, оклеветать, оплевать организацию, охранявшую в России как основы собственно самодержавия, так и вообще уважения к Закону. Таковой организацией был, между прочим, корпус жандармов⁵...<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Григорович Иван Константинович (1853—1930) — адмирал (1911). На военной службе с 1871 г. Окончил Морское училище (1874) и Артиллерийские курсы (1877). Командир крейсера «Разбойник» (1895), монитора «Броненосец» (1895—1896), минного крейсера «Воевода» (1896). Военно-морской атташе в Англии (1896—1898). Командир эскадренного броненосца «Цесаревич» (1899—1904). Командир порта Порт-Артур (1904). Начальник штаба ЧФ, командир порта Либава, главный командир Кронштадтского порта (1905—1909). Товарищ морского министра и представитель Морского министерства в Государственной думе (1909—1911). Морской министр (1911—1917). С осени 1924 г. за границей, умер во Франции.

2 Так в документе.

3 По всей видимости, речь идёт о министре внутренних дел А.А. Хвостове.

4 В документе несогласованно — «нанёсшему».

5 Далее опущен фрагмент воспоминаний о достойной военной службе А.Д. Ковалинского — сына жандармского офицера.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Публикация: ДЁМИН Анатолий Анатольевич —

старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН имени С.И.Вавилова, кандидат технических наук (Москва)

А.И. Ковтун-Станкевич

ВЕНГЕРСКИЕ ЗАПИСКИ

26 ноября 1944 г., НП Галга-Хевиз*.

Предпринятая утром атака не ожидалась. Немцы и мадьяры укрепили рубеж перед Асодом основательно. Да и позиция у них выгодная. Между нами протекает речушка. Асод как на ладони. Он на вершине плато, скаты которого спускаются к реке Галга.

Это была наша последняя атака на Асод.

Сегодня получен приказ: дивизия снимается с позиций и уходит в Тисафельдвар в резерв 2-го Украинского фронта, которым командует маршал Малиновский.

Сейчас, пока происходит смена войск, я делаю свои записи. Что нас ожидает в Тисафельдваре — не знает никто, даже наш командир корпуса генерал Сефиулин. Он-то, обязательно бы мне сказал.

Назавтра у меня намечено много дел. Дивизию в новое место поведёт мой заместитель полковник Булыгин, а я должен заехать к Сефиулину, а потом и к командующему нашей армией генералу Шумиллову, надо попрощаться. Он очень хорошо относится к дивизии и ко мне лично...

В соседней комнате начальник штаба Преображенский и начальник политотдела Гальперин о чём-то спорят. Слышу, как Гальперин говорит: «Пойдём к комдиву, он разберёт». Мне не хочется, чтобы они застали меня пишущим. Свои записи я скрываю от всех, неудобно как-то. Подумают, что занимаюсь посторонними делами, когда столько серьёзных хлопот по дивизии. Но я не могу не делать записи. С первого дня войны начал вести нечто вроде дневников. Вначале неохотно, а сейчас это превратилось в своеобразную страсть. Погибну, пусть семья читает, для неё это будет воспоминанием обо мне. Никто так не переживает боль утраты, как семья.

Жалко, конечно, погибнуть на исходе войны. Очень жалко. Но «сие от нас не зависит». Только бы не нелепая смерть в тылу. В бою, в жарком бою хотелось бы, если уж суждено, сложить свою голову, и сложить так, чтобы враг это почувствовал на своей шкуре. Пусть узнает, что коммунисты дорого продают свою жизнь...

Выхожу сам к Гальперину и Преображенскому. Разговор у них о месте политотдела в колонне. Гальперин настаивает, чтобы редакция дивизионной газеты и партучёт ехали раньше других, вместе с квартирьерами. Тогда к нашему приходу он успеет развернуть работу. Преображенский возражает: это в какой-то степени свяжет квартирьеров. Спор прекращаю, дав разрешение политотдельцам ехать. Преображенский доволен.

Начальник оперативного отделения Орлов Юра докладывает: смена войск заканчивается. Акты сдачи-приёма готовятся. Для их подписи приедут командир и начальник штаба заступающей дивизии. На фронте спокойно. Это очень хорошо, никаких претензий не будет. По опыту знаю, как тяжело приходится сменять войска в боях. Смену 303-й дивизии под Фёдоровкой у Кировограда никогда не забуду. Занимать рубеж приходилось атакой. Никто не предвидел, что немцы перейдут в наступление, да ещё ночью, и потеснят 303-ю дивизию. К счастью, всё обошлось благополучно, немцев сбили и заняли позиции.

28 ноября, Тисафельдвар.

Дошли до Тисафельдвара без происшествий за две ночи. По приезду явился с докладом к начальнику штаба фронта генералу М.В.Захарову. Он принял рапорт и направил меня к начальнику оперативного управления генералу Н.О.Павловскому. Дивизия поступала в его непосредственное подчинение.

Павловский ввёл меня в круг обязанностей, основной из которых было несение службы по охране штаба фронта. Одновременно дивизия будет укомплектована по штатам военного времени, что крайне необходимо, так как в минувших боях из-за понесённых потерь ряды её основательно поредели.

Вчера мы с начальником политотдела Гальпериным нанесли прощальные визиты командиру корпуса Сефиулину в посёлке Тура и командарму Шумилову в Ясберени. Генерал Шумилов принял исключительно тепло. В моём присутствии он позвонил маршалу Малиновскому и просил, чтобы дивизию не забирали. Что он ответил, не знаю. Но по тому, как Шумилов сказал, что он готов отдать две дивизии, отказ был очевиден.

— Не соглашается командующий оставить дивизию в армии. Что ж поделаешь? Жалко, но приходится расставаться, — сказал он мне после разговора с командующим, — ничего, авось снова придёшь к нам.

Мы простились.

Начальник штаба армии генерал Лукин также тепло простился, предварительно угостив завтраком.

Мне жалко было уходить из этой армии. В ней дивизия имела неплохие успехи. С благословения Шумилова дивизией был совершён глубокий обход противника со взятием Кировограда; был прорван фронт противника и под Мухортовкой, когда основная группировка на главном направлении не смогла пробить оборону. И, наконец, здесь, в Венгрии, дивизия первой форсировала Тису и к подходу армии обеспечила ей плацдарм вот у этой самой Тисафельдвар, а потом пробивала путь к Асоду через Абонь, Надькага...

Да, жалко оставлять армию, в которой дивизия получила и наименование, и ордена...

1 декабря, Тисафельдвар.

Полки начинают принимать пополнение. Разворачивается боевая подготовка. Командиров частей смущает, что среди пополнения много уроженцев Молдавии. Их почему-то считают неважными солдатами — равноценными румынам. Но мне кажется, что боеспособность зависит от тех, кто их обучает, и как они понимают цель войны.

Согласившись с моим мнением, Гальперин развернул большую работу по политическому воспитанию молдаван. Что же касается командиров частей, то с ними тоже пришлось провести «воспитательную» работу, чтобы не дать возможности распространению пессимистических взглядов. Кажется, это помогло. Плохо, что молдаване слабо знают русский язык.

3 декабря, Тисафельдвар.

Основной упор в боевой подготовке делаем на тактические занятия с боевой стрельбой. Хотелось бы в эти занятия втянуть и артиллерию, но нет места. Стреляя из винтовок, автоматов, пулемётов, мы имеем прекрасные пулеуловители в виде дамб по берегам Тисы. Бить туда снарядами мы не могли без риска повредить их, что могло вызвать затопление местности при сравнительно небольшом поднятии уровня воды в реке выше ординара и принести огромное бедствие населению. Бывалые солдаты исправно несут службу по охране, жалоб и нареканий нет. Павловский доволен. Дивизия, которая несла службу до меня, причиняла немало забот и ему, и генералу Захарову. Об этом мне рассказал в дружеской беседе Николай Осипович, как просил называть себя Павловский.

Павловский, насколько я узнал его за эти дни, был обаятельным человеком. Скромный, простой, располагающий к себе, и все вопросы, касавшиеся дивизии, я старался решать только с ним. М.В.Захарова я просто побаивался, хотя знал его больше, чем Павловского. Для меня Захаров был грозным начальником, которому лучше не попадаться на глаза. Но в то же время хотелось бы отметить его справедливость. Это мне было известно по прежней работе начальником оперативного отдела армии. Зря он никогда никого не обижал и не наказывал, хотя порой был и грубоват...

Познакомился я здесь, в штабе фронта, со многими начальниками. Познакомился как-то сразу со всеми на вечеринке, устроенной по случаю женитьбы порученца маршала — Кузьмина, с которым был знаком ещё по Северному Кавказу. Хорошее впечатление произвели на меня генерал Фомин — командующий артиллерией фронта и инженер фронта генерал Цирлин. Они попросту зашли поздравить молодую чету и выпить по стакану вина. Такое отношение старших к младшему, царившее в штабе фронта, мне понравилось.

14 декабря, Тисафельдвар.

Сегодня мы последний день при штабе фронта. Днём вызвал меня Павловский и вручил приказ: дивизии передислоцироваться в район Цеглед — Цегледберцел, где, находясь в резерве фронта, продолжать боевую подготовку.

Части дивизии уже на марше. Час назад они проходили через Сольнок. К утру туда же выедет и штаб дивизии. Мы не знаем, сколько будем там находиться, но у всех почему-то возникла уверенность, что пойдём на Будапешт.

Будапешт — наша мечта. Мечта всех офицеров от мала до велика, мечта всех бывалых солдат. Она не просто возникла, а имеет серьёзное обоснование.

Ещё в октябрьских боях, когда наши войска завязали бои на территории Венгрии, дивизия в направлении Сенташ удачно прорвала фронт, на второй день наступления вышла к Тисе, форсировала её и утром четвёртого дня завязала бои за город Кечкемет, что в восьмидесяти километрах от Будапешта. Это было 11 октября. Путь дивизии на Будапешт был открыт. Но случилось непредвиденное. Соседние дивизии и справа, и слева Тису не перешли, и мы оказались одни далеко впереди. Немцы тогда бросили против нас дивизию СС и две мадьярских. Силы оказались неравны, и нас окружили. Но мы пробились, вернули назад город Чонград и удержали за собой плацдарм, который потом передали 3-му Украинскому фронту. Поддержки нас тогда, Будапешт был бы взят ещё в октябре. Генерал Манагаров, командовавший армией, в которую мы входили, тоже страшно ругал меня, почему я не донёс ему, что взял Кечкемет. Но какое я имел право доносить ему?

Мои донесения шли командиру корпуса. Мой разговор по радио с начальником штаба корпуса, который я вёл с НП на аэродроме Кечкемета, был зафиксирован начальником связи армии. Почему этот разговор не был доложен Манагарову — неизвестно. Но факт остаётся фактом: Кечкемет был взят. Его некому было защищать, кроме юнкеров артиллерийского училища, в большинстве словаков. Они сдавались нам, как сдавались и гонведы 2-й мадьярской кавдивизии, рассеявшейся после небольшого боя под Уй-Кечке.

На аэродроме садились гитлеровские самолёты, не зная, что он занят нами. По шоссе Будапешт — Сегед через Кечкемет шли, как ни в чём не бывало, автомашины. В Будапеште никаких регулярных войск не было, кроме полиции и фашистских отрядов.

Мы предвкушали взятие Будапешта, но... к вечеру нам стало ясно, что никаких наших войск ни справа, ни слева нет, что они за Тисой, что через Кишкуйфеледхаза к нам в тыл идут части дивизии СС «полицай», 8-я и 12-я пехотные дивизии мадьяр.

Отразив полком второго эшелона попытки фашистов перерезать нам пути отхода у стыка дорог Сегед — Будапешт и Чонград, мы были вынуждены отводить дивизию на Чонград, уже занятый немцами. Свыше тысячи пленных затрудняли наше движение.

Сутки дрались мы, пробиваясь к Чонграду, навстречу брошенному Манагаровым в бой запасному полку... Взяв обратно Чонград, мы закрепились на плацдарме. Захват Будапешта с хода был возможен, и не удался он не по нашей вине.

Итак, дивизия слишком выдвинулась вперед. Восемьдесят километров отделяло нас от штаба корпуса. Видимо, не случайно Манагаров тогда серьёзно говорил, что для глубокого рейда одной стрелковой дивизии недостаточно, хотя она и была посажена на повозки... Так что наша мечта попасть под Будапешт вновь становилась реальной.

16 декабря, Цеглед.

Дивизия в районе Цегледа. Полк полковника Следь расквартировался в немецкой деревне Цегледберцел, остальные — в городе и его окрестностях.

Странное впечатление производят деревни, где живут представители иной национальности, расположенные среди основного населения страны. Вот и Цегледберцел. Она как бы застыла в своём развитии. Это видно даже по фасону одежды, особенно у женщин. Они носят платья конца XVIII века, а может быть, и ещё более старинные. Ну точь-в-точь как рисуют немецких бюргеров времён наполеоновских войн. От их быта также веет стариной. Всё же — чем это вызвано? Стремлением сохранить свою национальную самобытность и противостоять ассимиляции? Аналогичное наблюдали мы и в районе Жэмбок, где жили остатки какой-то национальности, но только не немцы. И это в радиусе сотни километров от Будапешта. Велико же у людей стремление сохранить национальные черты...

Офицеры штаба разыскали между Цегледом и Цегледберцелом во владениях, кажется, Эстергази, прекрасное место для тактических занятий с боевой стрельбой и привлечением миномётов и артиллерии. Мы проводим всё светлое время в поле, учим солдат подниматься в атаку с началом артиллерийского огня, под прикрытием которого подбираться к переднему краю противника, а не ожидать окончания артподготовки. Это новшество я вводил в дивизии, чтобы избежать укоренившегося шаблона — вначале

артподготовка, а потом атака. Успех атаки, по моему методу, зависел от умения артиллеристов вовремя перенести огонь.

Командующий артиллерией дивизии полковник Косихин отлично справлялся с этим. Это был прекрасный человек, по образованию инженер, ставший артиллеристом по призванию. Но его губил алкоголь. Стоило большого труда удерживать его от этой пагубной страсти.

Раз заговорил об одном, надо охарактеризовать и дивизию в целом, главным образом её офицерский состав.

Наша дивизия своеобразная. Формировалась она в числе так называемых послеочерёдных. В своём большинстве офицерский состав был из числа тех, кто длительное время имел отсрочку. Среди офицеров немалое количество лиц, связанных с искусством, с кино. Командир полка Баскин, например, инженер-химик и музыкант, окончивший Московскую консерваторию. Его начальник штаба — кинооператор Прозоровский. Командир другого полка Комиссаров — учитель; на батальонах, ротах и батареях — учителя, артисты театра «Ромен», Московской оперетты и Ленинградского джаза Скоморовского. Есть юристы и адвокаты. Из таких же лиц состоит и политотдел во главе с Гальпериным, работавшим в Ленинградском горкоме комсомола.

Словом, офицерский состав никак нельзя отнести к кадровому, за исключением небольшого числа, влившегося при формировании дивизии из дальневосточной бригады.

К слову, сам я призван в армию в сороковом году, не имея военного образования.

Возможно, что «дилетантский» состав офицеров и позволяет нам сравнительно легко отказываться от шаблона и избегать рутины. Хорошо, что начальство не докучало проверками хода боевой подготовки.

21 декабря, Цеглед.

Политотдел, пользуясь передышкой, устроил смотр самодеятельности. Сегодня третий день Цегледский театр, где солдаты, сержанты и офицеры на сцене показывают свое искусство, полон народа. Двери сюда открыты для всех. Население города, страны, находящейся в состоянии войны с нами, особенно молодёжь, с утра толпится у театров, и как только открываются двери, вливается в зал.

Глядя на них, с неподдельным интересом смотрящих и изучающих нас, невольно забываешь, что это враги. Да и враги ли они? Нет, народ Венгрии не враг. Враг где-то там, в верхах, в правительстве. Эстергази, Хорти, Салар — это наши враги. Они враги и венгерского народа. Белла Илеш, Матэ Залка, произведения которых я читал до войны, умели показать, что из себя представлял венгерский народ, и к нему я знал подход.

Венгерская Советская республика, просуществовавшая недолго и, погибшая под штыками интервентов, показывала, что народ не забыл свою власть, власть рабоче-крестьянскую.

Тяга к нам изумительная. И не удивительно: фашистская пропаганда разрисовывала нас кровожадными, не знающими пощады. Кое-где на стенах домов до сего дня сохранились

обрывки красочных плакатов, при взгляде на которые чувство омерзения охватывает каждого из нас. Этой дрянью пичкали народ Венгрии.

Но пришли мы, и от пропаганды ничего не осталось. Жители Цегледа в частых беседах говорят, что такой тишины, такого порядка в городе ещё ни разу не было за время войны. Это великая заслуга нашей партии, учившей нас, как вести себя среди народа, пусть даже той страны, которая находится с нами в состоянии войны.

25 декабря 1944 г. Цеглед.

Наша передышка окончена. Сегодня из штаба фронта привезён приказ. Дивизия выступает под Будапешт. Конечный пункт — Монор, там мы поступаем в подчинение 18-го корпуса генерала Афонина.

Желание наше осуществилось, мы будем драться за столицу Венгрии. Мы знаем, что Будапештская группировка противника окружена, но этого мало — нужно уничтожить врага.

Как хорошо, что за период отдыха провели несколько учений по борьбе в городах. Бойцы и командиры знают основы боя в населённых пунктах. В этом помог опыт борьбы в Севастополе, Одессе, Кировограде.

Роли штабных офицеров распределены. Создана оперативная группа, которая постоянно будет при командире дивизии. В группу входят офицеры оперативного отдела, разведки, связи, артиллеристы, начальник политотдела, дивизионный врач и охрана. Сделано всё с расчётом возможности принятия мер на месте. Словом, проделана вся подготовительная работа. Марш рассчитан на ночь, а к утру мы будем на месте. Жалко, что часто меняются корпуса и армии. Другие дивизии всё время в одном корпусе и почти всегда в одной армии, а мы действительно какая-то «рейдирующая» дивизия, как назвал нас командарм 53-й Манагаров. Долго не засиживались ни в корпусе, ни в армии.

27 декабря, Монор.

Сегодня представлялся командиру корпуса генералу Афонину. Мы с ним немного знакомы. В 1940 году он принимал 25-ю Чапаевскую дивизию в состав Одесского военного округа. Я в то время был начальником 4-го отделения штаба дивизии.

Узнав меня, Афонин был удивлён:

— Интересно, как ты командуешь дивизией. Вот никогда бы не подумал, что из «дивизионного писаря» можно стать командиром дивизии, — полушутя, полусерьёзно сказал он.

Его начальник штаба генерал Соседов в ответ на это заметил:

— Звонили из штаба фронта и предупредили, что они считают дивизию одной из лучших.

Афонин скептически улыбнулся:

— Посмотрим, посмотрим. В бою видно будет...

Переговорив обо всём, я уехал с тяжёлым осадком. Сколько раз приходилось молча переносить недоверие старших начальников, стоит им только узнать, что я с 1927 года до сорокового был на гражданской службе, к тому же не имел военного образования. Как будто аттестат об окончании военного училища определяет качества командира.

30 декабря, Ракошерестур.

Афонин поставил дивизию на правый фланг корпуса. Правее нас румынские части. С ними у нас связи ещё нет. Полки сегодня сменяют стоящие впереди войска. К утру всё будет готово. Завтра короткий зимний день на рекогносцировку, а там ждём приказа о наступлении.

Солдаты и офицеры рвутся в бой. Этому в немалой степени способствовала и звериная расправа фашистов с нашими парламентарями. Сегодня днём к немцам штабом фронта были направлены парламентарии с предложением о капитуляции. Но фашисты, в нарушение всяких соглашений и международных конвенций, злодейски их убили. Гитлеровские изверги ещё раз показали всему миру, что для них никакие законы не писаны.

Весть об этом убийстве с быстротой молнии разнеслась по войскам. На стихийно возникавших митингах надо было видеть скорбь и гнев, чтобы понять стремление солдат быстрее уничтожить фашистскую гадину.

31 декабря, Ракошерестур.

Смена войск прошла хорошо. Офицеры и солдаты задачу поняли прекрасно. Завтра, 1 января 1945 года в 11 часов 30 минут дивизия переходит в наступление. Как поведут себя молодые солдаты? В боях ещё не были, а подготовка по установившимся традициям по времени явно недостаточна.

Со своего наблюдательного пункта, расположенного в холле мадьярского офицерского госпиталя, где сапёры Лисянского соорудили высокий помост к верхнему венецианскому окну, даже без бинокля смотрю на Будапешт...

Он лежит перед нами в грохоте разрывов, в пороховом дыму, превращённый фашистами в огромное поле битвы. Вот она, столица Венгрии, один из красивейших городов Европы с полутора миллионным населением. Неужели и ему суждено превратиться в развалины? Пожалуй, ни один крупный город Европы не таит в себе такой обособленности эпохи феодализма и капитализма. Буда, возникшая в XIII веке во времена короля Бела IV и особенно развившаяся в конце XV столетия, — город типично феодальной аристократии — административный центр страны.

Пешт — молодой город, родившийся в эпоху капитализма. Это торговый и промышленный центр. Расширяясь, оба города объединились в один, в последующем столицу Венгрии Будапешт.

В Будапеште сосредоточено более двух третей венгерской промышленности, в том числе и военной. С точки зрения оперативной Будапешт был своеобразными воротами в Братиславу и Вену.

Таково было новое поле боя...

На НП сбегалось довольно много представителей штаба фронта и корпуса. Разговор шёл о порядке артиллерийского обеспечения атаки. Приучив своих солдат подниматься в атаку одновременно с началом артиллерийской подготовки, мы были озабочены тем, что длительность подготовки может нарушить привычное движение. Поэтому мы настаивали перед командующим артиллерией фронта генерал-полковником Фоминым, чтобы на участке дивизии произвести только один артиллерийский налёт в течение десяти минут.

— Пусть, — говорили мы, — артподготовка по всему фронту начинается вовремя и длится столько, сколько утверждено, но на участке дивизии артналёт просим дать только один раз и в последние десять минут.

И Фомин, и его заместитель генерал Кумелан, и заместитель командира корпуса генерал Орель долго не соглашались с таким предложением, и только вмешательство командующего фронтом маршала Малиновского решило спор в нашу пользу. Но какая ответственность ложилась на нас!

Завтра — Новый год. Хотелось созвать командиров полков и дружной семьёй за столом встретить сорок пятый год, четвёртый год войны. Но этого делать нельзя. Все сейчас в войсках, а тут ещё противник что-то учуял, и его самолёты начинают бомбить, правда, их мало, но это ничего не значит. Бомбы ложатся в селении, где, к счастью, войск нет, кроме полковых обозов.

По телефону поздравили друг друга, и на этом встреча закончилась. Да иначе и быть не могло. С утра — бой, голова должна быть свежей.

(Продолжение следует)

* «Венгерские записки» являются продолжением серии публикаций А.И. Ковтуна-Станкевича «Румынские записки». См.: Воен.-истор. журнал. 2008. № 7, 9, 10.

Публикация: ПОДОЛЬСКАЯ Алла Константиновна —
пенсионер (Москва)

А.И. Подольский

Военный парад в Куйбышеве

Теперь мало кто знает, что 7ноября 1941года наряду с военным парадом в столице нашей Родины был проведён военный парад и в Куйбышеве.

В это время шло великое сражение с фашистскими ордами под Москвой, и всё же 7ноября в нашей столице был проведён парад войск — предвестник грядущих побед советского народа над фашизмом. В этом параде должны были принять участие и Военно-воздушные силы, но из-за плохой погоды воздушный парад не состоялся.

Я получил приказ подготовить не менее 45экипажей на самолётах Ил-2 для участия в параде в Куйбышеве. Легко сказать: подготовить такое количество! А где взять столько машин? У нас и места базирования запасных авиаполков не были точно определены, а лётный эшелон, состоящий главным образом из лётчиков-инструкторов, ещё в пути.

За лётчиков я не беспокоился, был уверен, что если эшелон скоро прибудет, никакой проблемы с ними не возникнет: все они пилоты экстра-класса, поэтому на слётанность им много времени не потребуется. А вот с самолётами Ил-2 дело сложнее: в то время они имели много дефектов. А здесь ещё перелёт из Воронежа на Волгу... Маршрут большой. Какими придут к нам самолёты?

Мы знали, что на параде будут присутствовать члены правительства во главе с председателем Президиума Верховного Совета СССР Михаилом Ивановичем Калининим, а также послы иностранных государств, которые уже обосновались в Куйбышеве. Таким образом, парад в Куйбышеве должен был явиться своего рода филиалом Московского, его цель — демонстрация непобедимости Советского государства, включая и Военно-воздушные силы. Только бы погода не подвела!

Уже начался ноябрь, а нашего лётного эшелона всё нет и нет. Другие авиационные части активно проводили тренировки на слётанность. Мы же ходили по аэродрому и поглядывали в небо, в ту сторону, откуда должны появиться Илы.

И вот наконец, это было 3ноября, на горизонте показались малозаметные точки, которые, приближаясь к нам, постепенно увеличивались. Опытный глаз уже мог определить, что летят штурмовики. Последовал запрос на посадку.

Точки увеличивались на глазах, расстояние между ними и землей стало заметно сокращаться, затем и полностью исчезло. Создавалось впечатление, что самолёты не летят, а скользят по земле. Местность в районе аэродромов равнинная, степная, и потому самолёты отлично просматривались издалека.

Вполне понятно, посмотреть на диковинный самолёт, о котором успели наговорить немало всяких чудес, высыпали все, кто был на аэродроме. И вдруг раздался оглушительный грохот.

На высоте примерно 15метров пронеслась девятка самолётов Ил-2. Пролетев над аэродромом, группа довольно энергично произвела «горку», и у первого разворота был совершён роспуск на посадку. Каждый лётчик занял своё место для захода на посадку. В это время я стоял рядом с финишером у посадочного знака «Т» и, готовый прийти на помощь лётчику в случае неточности, наблюдал за посадкой. Все лётчики, как один, «притёрли» самолёты у знака «Т». Помощи не потребовалось.

Итак, все группы прилетели. Почерк прилёта у всех одинаковый. Здорово получилось! На лётчиков с других самолётов это произвело потрясающее впечатление. Особенно поразил их полёт на малой высоте и выход на «горку», и Вов се не потому, что наши лётчики показали высокий класс лётной подготовки (многие из стоявших на аэродроме пролетели бы не хуже), а потому, что штурмовикам дозволен такой полёт. Раздались голоса:

— Ну, у нас за такую дерзость посадили бы на гауптвахту...

Кстати, и теперь имеются свехосторожные командиры, которые сдерживают разумную инициативу лётчиков в полёте, чем наносят вред боеготовности. Опыт Великой Отечественной войны подтвердил этот вывод.

Все самолёты зарулили на стоянку, выстроились, словно по шнурку. Ведущий доложил о прилёте и сообщил, что в пути никаких происшествий не произошло.

Объявив лётчикам благодарность, я сказал, что на отдых времени нет и что надо немедленно приступать к подготовке самолётов к параду.

Для участия в параде выделили 47 самолётов: девять пятёрок и два запасных, которые должны находиться в воздухе, чтобы, при необходимости, вовремя заменить любой самолёт.

К работе приступили с энтузиазмом. До парада нам удалось провести на слётанность всего два полёта. Но нашим лётчикам этого было вполне достаточно.

Лётчики проходили штурманскую подготовку под руководством главного штурмана бригады, большого специалиста своего дела, майора Курдюмова. Инженеры и механики рылись в самолётах и моторах, готовя их к весьма ответственному полёту. Все шло своим чередом, но вдруг произошла заминка.

О самолёте Ил-2 уже гремела слава. Немцы, испытавшие силу удара штурмовиков по стальным колоннам Гудериана на реке Березине, окрестили его довольно метко: «чёрная смерть». Я знал, что на параде будут присутствовать послы зарубежных стран, в том числе и враждебных тогда нам Японии, Турции и других. У меня возникла одна идея.

Эффект того, что я задумал, мог получиться только при полёте над площадью на малой высоте. Поскольку для всех самолётов была установлена высота 1000метров, я обратился к командующему ВВС округа с просьбой разрешить полёт самолётов Ил-2 на высоте 300метров, но полковник В.А.Судец категорически запретил это делать, опасаясь возникновения чрезвычайных обстоятельств. Я пытался убедить командующего, что ничего не случится, но если... ведь рядом река. Командующий был неумолим.

Решила всё встреча с Маршалом Советского Союза К.Е.Ворошиловым. После доклада о ходе дел в бригаде я попросил у него разрешения произвести на параде полёт на высоте 300метров. Осмотрел меня маршал с головы до ног, подумал немного и отрубил:

— Разрешаю на высоте 500метров.

А я про себя решил: где 500, там и 300. Кто будет замерять? Но я ошибся: замерили. И кто? Никогда бы не подумал, что у Всесоюзного старосты М.И.Калинина такой зоркий глаз!

Лётчики по каким-то каналам узнали о моём замысле, вслух не говорили, но про себя одобрили, об этом я узнал перед парадом. И это ещё более спаяло их, они прониклись особой ответственностью за полёт.

В параде участвовала наряду со старыми типами самолётов часть новых: пикирующий бомбардировщик Пе-2, истребители Як-1 и штурмовик Ил-2. Таким образом, воздушный парад показал, что Военно-воздушные силы Приволжского военного округа представляли главный арсенал страны, именно отсюда на протяжении всей войны непрерывным потоком шли на фронт авиационные резервы на самолётах новейших конструкций. Командующие ВВС округа полковник В.А.Судец, впоследствии маршал авиации, Герой Советского Союза, и генерал-майор авиации К.Н.Смирнов, ставший позднее генерал-лейтенантом авиации, по праву могли гордиться тем, что они в разное время возглавляли этот главный воздушный арсенал страны, который внёс достойный вклад в дело разгрома фашистских полчищ.

И вот воздушный парад, который лётчики ждали с нетерпением, стал реальностью. Командовал парадом командующий ВВС округа полковник В.А.Судец. Общий парад принимал К.Е.Ворошилов.

7 ноября. Отличная погода. На аэродроме шум, словно в потревоженном улье. Лётчики заняты своим делом, механики — своим. Взлёты и сбор групп производились по графику, утверждённому командующим парадом. Группы собирались в общую колонну, которая брала курс на парад.

Армада боевых самолётов появилась над площадью, где проходил парад, совершенно неожиданно для присутствующих.

На лицах одних восторг, на лицах других, дипломатов, удивление сменилось недоумением: откуда? Ведь гитлеровская пропаганда, а вместе с нею и реакционные круги наших союзников утверждали, что советская авиация уничтожена и больше не возродится. А тут неба не видно из-за летящих самолётов...

Общую колонну должны были замыкать штурмовики. Над площадью пролетели все, а штурмовиков нет. Что случилось? Куда пропали Илы? И вдруг, оглушая грохотом 45 мощных моторов, появились штурмовики и пронеслись над площадью и изумлённой публикой на малой высоте, почти на бреющем полёте. Что же произошло? А вот что. После взлёта я, ведущий первой пятерки, набрал высоту, как было задумано, 300метров, собрал все пятерки в колонну «клин пятерок» и точно в установленное время привёл группу на исходный пункт маршрута. Всё шло хорошо. Пятерки держали строй отлично. Несколько в стороне летела пара запасных.

Вдруг у меня по спине забегали мурашки. Передо мной город, и я почти втыкаюсь в него, настолько мала высота. Оказалось, что я забыл учесть превышение Куйбышева над аэродромом взлета. А это значит, что у моей пятерки высота менее 300метров, у следующей еще на 15метров ниже, чтобы просмотр был лучше, у летящей за ней еще на 15метров ниже и т.д. ...Набирать высоту было поздно: мог рассыпаться строй, и тогда пропал мой замысел, что равносильно срыву! Я быстро прикинул в уме, на какой высоте пролетит последняя пятерка. Получилось метров сто. Я облегчённо вздохнул: минимально безопасная высота обеспечена — и я продолжал полёт, не внося никаких коррективов. Вот почему колонна штурмовиков появилась над площадью неожиданно, ведь взоры всех были устремлены вверх, а мы появились снизу. Когда штурмовики проносились на столь

малой высоте, земля содрогалась от грохота моторов. Эффект, как мне потом рассказали заводские товарищи, был потрясающим.

Было рассказано и такое. Михаил Иванович Калинин спросил:

— На какой высоте пролетели эти отважные лётчики?

Ему ответили:

— 500 метров.

Михаил Иванович хитровато улыбнулся и, показывая на собор, проговорил:

— До чего же высокий собор... Лётчики летели ниже.

Всем стало ясно. Так была определена высота полёта, которую я пытался тщательно скрыть.

Друзья восторгались, а я не очень, так как знал высокую требовательность своего командующего. Пролетев над площадью, развернул колонну влево и, снизившись над Волгой до бреющего полета («семь бед — один ответ»), взял курс на аэродром посадки. Посадку произвели на редкость точно. Радости лётчиков не было предела. Приятно возбуждённые, перебивая друг друга, они называли, кого успели рассмотреть на трибуне. Оказалось, что каждый из них видел Михаила Ивановича Калинина, и каждый утверждал, что тот смотрел, улыбаясь, именно на него. Кое-кто подшучивал:

— А руку он тебе не пожимал?

Настроение у всех было приподнятое, праздничное.

На построении я объявил благодарность лётчикам и всем, кто принимал участие в подготовке к параду в столь сложных условиях. Разумеется, не забыл и заводских товарищей, без которых мы не смогли бы выполнить такую огромную работу из-за малочисленности механиков. Все, кто стоял в строю, на одном дыхании громко ответили:

— Служим Советскому Союзу!

По случаю торжественного дня я приказал выдать участникам парада по две порции селёдки (другого «деликатеса» у нас в то время не было). Но праздники, наверное, без сюрпризов не бывают, вот и нас ожидала приятная неожиданность. Вместо селёдки на столе было мясо, да так красиво поджаренное! Откуда? Об этом известно только представителям продовольственной службы, которые старались изо всех сил, чтобы как можно лучше отметить праздник.

Конечно, были и речи, и клятвы — не жалея сил, громить врага, вот только бы отпустили на фронт... Радовались лётчики, радовался и я, что мы показали «чёрную смерть» всем дипломатам, друзьям и недругам во всей её красе и устрашающей мощи. Но недолго пришлось радоваться. Когда наступила темень, в моей маленькой землянке раздался звонок полевого телефона. Признаться, я с дрожью в душе взял телефонную трубку, так как ничего хорошего не ожидал. Предчувствие не подвело меня.

— Говорит начальник штаба ВВС округа. Командующий приказал вам немедленно прибыть к нему.

— А на чём? — начал было говорить я, но в трубке уже раздались гудки. Что же, думаю, делать? Приказ есть приказ, но как немедленно прибыть, если нет машины, а пешком и до утра не дойдешь? Пожалуй, есть одна возможность, это У-2.

Но ведь совсем темно. Ночного старта ни на аэродроме взлёта, ни в Куйбышеве не было. Взлететь-то я взлечу, а вот как сяду? В сплошной темноте мне не приходилось производить посадку.

Над аэродромом раздался рокот мотора. Мой У-2 пошёл на взлёт. Лётчики высыпали из землянок, и, как мне потом рассказали, кто-то воскликнул:

— Кому это жить надоело?

Но ирония быстро исчезла, как утренний туман под лучами жаркого солнца, когда стало известно, что взлетел полковник Подольский.

— Нет, наш командир лихой лётчик, но хулиганства не допустит. Видимо, заставила нужда.

Пошли пересуды: что бы это могло быть? Самолёт как будто взял курс на Куйбышев, а это значит... И стали лётчики высказывать различные предположения. Одни с восторгом:

— Полетел за наградой.

Другие с тревогой:

— Полетел на «ковёр».

В одной группе звучало осуждение: и зачем ему надо было лезть на рожон? Полетели бы как все — и никаких «ковров». Во второй группе раздавались голоса в мою поддержку:

— Молодец, правильно поступил. Пусть друзья и враги получше запомнят наш Ил, мы им предоставили хорошую возможность. А то ведь в газетах шумят по-разному. Теперь будут писать конкретнее.

Словом, мнения разошлись. Каждая группа стояла на своём, и — как это ни странно — обе оказались правы.

Посадку я произвел нормально, осторожно подводил самолёт к земле, как бы прощупывая её: далеко ли до неё, матушки. Почувствовал, как колеса коснулись земли. Порядок!

И вот я у командующего. Вижу: густые длинные брови нахмурены, взгляд суровый.

— За преступное нарушение приказа, что могло повлечь за собой тяжёлые последствия, будете преданы суду военного трибунала, — сразу, без разминки, объявил своё решение командующий.

У меня от этих слов внутри похолодело, словно там ледник образовался.

— Товарищ командующий, так ведь ничего не случилось, за что же под суд?

Но полковник Судец меня будто не слышал. Я пытался ещё что-то говорить, но только обострил обстановку.

— Он ещё оправдывается, — довольно едко заметил комиссар ВВС округа и спросил меня:

— А если бы случилось, тогда что?

— Ясно что: под трибунал! — уже задиристо ответил я.

С тем я и ушёл в гостиницу, где занимал небольшую комнату, служившую во время моих наездов в город штабом. Ночь прошла без сна. Сознание сверлила мысль: «будешь предан суду военного трибунала».

Я пытался как-то оправдать себя, вслух рассуждал сам с собой: ну, нарушил высоту, допустил ошибку, не учёл превышения Куйбышева, что усложнило обстоятельства, не выполнил приказ. Да-а-а, многовато. И снова пытался найти себе оправдание. Подошёл к свершившемуся с другой стороны: но ведь ничего не случилось, все прошло хорошо, даже здорово! За что же под суд? Наказать, конечно, можно. Ну, скажем, объявить выговор и подержать суток пять на гарнизонной гауптвахте. И тут же: можно бы и не сидеть на гауптвахте, а работать, ведь работы непочатый край. Вот и была бы двойная выгода: и наказание, и работа.

А к утру решил: трибунал, так трибунал. Осудят и отправят на фронт, сам же добивался отправки туда, правда, не таким путём. Приняв решение, малость прикорнул. Но долго спать не пришлось, разбудил адъютант — старшина Дугашвили.

— Что случилось? Командующий вызывает? — с тревогой спросил я.

— Нет, — спокойно отвечает Дугашвили.

— А что же? — никак не могу понять спросонья, хотя спать почти и не пришлось.

— Товарищ полковник, докладываю: вечером прибудет эшелон с людьми.

— Вот незадача: надо эшелон встречать, а тут трибунал.

— Какой трибунал? — удивлённо спрашивает адъютант. — Кого под трибунал?

— Гм... Меня под трибунал.

У Дугашвили глаза на лоб полезли

— За что вас под трибунал? Вы что, не доспали? Ой, простите, товарищ комбриг. — И, добавив виноватым тоном: — Вообще-то вы действительно спите очень мало, — запнулся.

Пока я приводил себя в порядок, завтракал, зазвонил телефон. Это было 8 ноября.

— Алексей Ильич, к командующему, — коротко отрезал начальник штаба округа.

Снова по коже пробежал легкий морозец. Так быстро под суд? — удивился я про себя, а сам решительно спросил:

— Кому сдавать дела и что с собой брать?

И к Дугашвили:

— Суши, Фарна, сухари.

В телефонной трубке прозвучало:

— Приезжайте, тут узнаете всё, — как-то неопределённо проговорил начштаба, но голос был мягче, чем вчера.

— За что же вас под трибунал? — с беспокойством спросил Дугашвили.

— Был вчера на параде? Был. Видел, на какой высоте проползли Илы? Видел. Вот за то и под трибунал. Понял?

— Ничего не понял, — растерянно произнёс адъютант. — О пролёте штурмовиков столько восторженных разговоров, вы герой дня и вдруг... под трибунал!

— Посмотрим, каким героем буду выглядеть через несколько часов, — буркнул я и начал собираться к командующему.

У него снова застал комиссара и начальника штаба.

— Вот прочтите, — говорит командующий и протягивает мне бланк Наркомата обороны СССР. Меня словно молнией пронзило от мысли: трибунал!

Быстро читаю и чуть не подпрыгиваю от радости. В приказе объявлялась благодарность всем участникам воздушного парада, в том числе и мне.

— Поздравляю, товарищ полковник, с успехом, — улыбаясь, торжественно произнёс В.А.Судец и крепко пожал мне руку.

Полковой комиссар произнес с назиданием:

— Учтите на будущее.

А начальник штаба поздравил меня с откровенной радостью.

— Служу Советскому Союзу! — радостно, встав по стойке «смирно», ответил я.

Может возникнуть вопрос: почему командующий поздравил меня лично, ведь были и другие ведущие? Только потому, что я оказался в районе Куйбышева, да ещё в особых условиях.

Публикация: ГУРКОВСКИЙ Владлен Анатольевич —

референт Фонда содействия кадетским корпусам им. А.Йордана, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. Гурковский

ПАЛЕЦ НА КУРКЕ

Утром я с Трачом прибыл в Одессу, а вечером того же дня отбыл в Первомайский уезд с заданием и полномочиями губкома партии и губчека по ликвидации банды Кошевого. В Первомайске застал созданный для этой цели истребительный отряд под командованием уездвоенкома, бывшего питерского рабочего Д.А.Вереника.

К моей радости в отряде я встретил Шуру Литвинова. Во главе группы комсомольцев он был послан губернским комитетом комсомола тоже на борьбу с бандитизмом.

Как раз в день моего приезда поступило тревожное донесение о занятии Кошевым волостного центра — Великой Мечетни, где бандиты зверски расправились с партийными и советскими работниками. При этом уничтожили склады с заготовленным для фронта продовольствием, сорвали мобилизацию в Рабоче-крестьянскую Красную армию.

Поднятый по тревоге отряд форсированным маршем отправился на ликвидацию банды. На окраине села он был встречен сильным оружейным огнём, а в центре — пулемётным. Наши цепи припали к земле, наступление застопорилось. В этот момент к вражескому пулемёту ужом пополз Шура Литвинов. Пули роились вокруг него, но он неудержимо двигался к цели. Метко брошенная им граната вывела из строя огневую точку. Бойцы отряда снова рванулись вперёд, а бандиты дрогнули и побежали. Прижатую к Бугу банду полностью разгромили. Главарю и нескольким его приближённым удалось скрыться.

Шура ходил героем дня. Да и в дальнейшем он полюбился бойцам как пламенный и неугомонный агитатор. В мало-мальски подходящей обстановке он завязывал беседы, проводил их горячо и убеждённо. Острых вопросов не обходил, отвечал на них смело, без увёрток.

В Великой Мечетне Шура получил задание организовать бедняцкую молодежь, с чем он быстро справился, сколотив вооружённую группу.

Между тем из агентурных данных стало известно, что в деревне Секретарке, расположенной вблизи Великой Мечетни, пребывает вновь собравший банду Кошевой, с тем чтобы внезапным ночным налётом оттуда уничтожить наш штаб, а с ним и отряд. Вовремя предупреждённые, мы скрытно ночью заняли все подступы к Секретарке, намереваясь неожиданно окружить место дислокации противника, чтобы затем, по условленному сигналу нашего человека, находящегося в селе, начать действовать и

осмотрительно, и внезапно, и решительно. Одну из позиций со своими ребятами занимал Шура Литвинов. Вскоре деятельному, подвижному и нетерпеливому юноше надоели часы томительного ожидания. Выяснив у местного парня, где примерно мог остановиться Кошевой и где могут сосредоточиться его люди, Шура решил проявить инициативу. Пренебрегая планом боевой задачи, забыв о дисциплине, он со своими бойцами проник в деревню, где сразу же... нарвался на патруль. Завязалась непредвиденная для нас перестрелка, что в конечном счёте сорвало всю операцию, лишив её элемента скрытности и внезапности. Командир роты приказал обезоружить и арестовать Литвинова, но тот не подчинился его приказу. Заявил, что оружие ему дала революция, и никто не вправе его у него отнимать. Тогда Шуру силой обезоружили и связанного заперли в амбаре.

Утром потрясённый, с опущенной головой любимец красноармейцев стоял перед строем отряда. Я напомнил, что сила Красной армии в дисциплине, оценил поступок Литвинова как тягчайшее преступление, сурово караемое революцией. Затем спросил мнение отряда. Послышались горячие обвинения и даже призывы расстрелять Шуру. И всё же пересилило мудрое стариковское слово бывалых воинов, заметивших, что боец Литвинов совершил свой проступок по незрелости, что парнишка он хороший, что к стенке ставить его несправедливо, что пусть он в бою кровью искупит вину и промашку. Отряд дружно поддержал этот приговор.

Я приказал вернуть Шуру оружие. Он остался в волостном центре для работы с молодежью, а отряд уже без него стал преследовать вспугнутую им банду.

В одну из ночей Кошевой вновь ворвался в Великую Мечетню, когда отряд находился в 15 километрах от неё, в деревне Красненькое. Однако возглавляемые Литвиновым комсомольцы были настороже, держали, как говорится, палец на курке и не дали застать себя врасплох. Отступая с боем от укрытия к укрытию, уходили к каменным строениям на окраине села, где в полуразрушенном доме и заняли оборону. Тем временем другие парни по поручению Литвинова подымали село против банды. Озлобленные мужики, кто с обрезом, кто с охотничьим ружьём, кто с косой или топором ринулись на выручку молодёжи и в свою очередь окружили нападавших.

Скоро о событиях в Великой Мечетне донесли в отряд, и я с Вереником и группой кавалеристов примчались к «слоёному пирогу». К нашему появлению уже около тридцати бандитов сложили оружие, но Кошевой и несколько его приближённых забаррикадировались в каменном погребе. Легкораненый Литвинов со своими друзьями надёжно обложил это убежище, ожидая нашего появления.

Кошевому я предложил сдаться, в противном случае угрожал забросать гранатами. В ответ последовали один за другим pistolетные выстрелы. Бандиты сами кончали с собой. Когда же их трупы извлекли на поверхность, я к немалому своему удивлению в одном из них узнал Левадного. Бывший белогвардеец, спасая жизнь после побега из ЧК, вступил в первую попавшую банду и сложил здесь свою голову.

В нескольких словах хотелось бы поведать о дальнейшей судьбе Шуры Литвинова.

После ликвидации банды я выехал в Одессу и на долгое время потерял его из виду. Но вот после окончания Гражданской войны, а точнее в 1923 или 1924 году, в составе военной делегации, возглавляемой легендарным Котовским, мне довелось участвовать в приветствии съезда комсомола Украины. После торжественной части в перерыве ко мне бросился с объятиями юноша. Да, это был он, неистовый Литвинов. Нас окружили, а он, не замечая этого, с волнением всё вспоминал и вспоминал о боевом содружестве со мной.

Не забыл и о том самом случае, который стал ему уроком на всю жизнь. Как оказалось, Литвинов закончил войну политруком и по призыву комсомола был направлен на восстановление «Всесоюзной кочегарки» — Донбасса. В условиях невиданной разрухи, лишений шахтёрская бригада Литвинова показывала чудеса героизма. Комсомольцы по достоинству оценили его труд, активную политическую деятельность и избрали своим вожаком. На съезде он присутствовал как вожак донецких комсомольцев.

В декабре 1927 года в числе военных делегатов XV съезда партии я был гостем ЦК ВЛКСМ и здесь, к своей радости, вновь встретил Шуру, который являлся уже одним из руководящих работников молодежного ЦК. После этого из газет мне стало известно, что советскую делегацию, отправившуюся в Англию, возглавлял Александр Литвинов. В тридцатые годы центральные газеты сообщили о смерти слушателя Института Красной профессуры А. Литвинова.

Но возвращусь к более давним дням и событиям.

Как-то после бессонной, полной напряженного труда ночи я зашел в чекистскую столовую — бывшее кафе «Канарейка». За одним из столов завтракали мои друзья. Подсев к ним, вовлекся в оживленный разговор о везении в жизни и удаче. Бороци утверждал, что есть люди, которым в работе сопутствует удача. В качестве примера он сослался на мои чекистские успехи. Подтрунивая, Корш просил меня назвать то «петушиное» слово, которое помогло мне без боя пленить банду. Шутил и Струков:

— Анатольева контра, — говорил он, — действует и поступает, как в детективных романах. Ими интересно заниматься, отсюда и удача.

На это я ответил, что удачником смогу считать себя только тогда, когда доберусь до «корня» и извлеку его. Друзья направились на работу, а я, мечтая о сне, медленно шагал к дому. Вдруг на Дерибасовской улице я увидел известную и чрезвычайно нужную мне особу. «Вот так везение! Мало того — счастье, лучшего не придумать!» — мысленно продолжил я разговор с друзьями.

А увидел я у фотовитрины грандиозных похорон популярной и красивой киноактрисы Веры Холодной, якшавшейся с интервентами, помещицу Флоринскую, жену того самого Флоринского, который являлся активным участником помещичьей контрреволюционной организации и который держал на коротком поводке некоего Николая Жмыхова и многих других, ему подобных.

Времени вроде прошло немного, всего два года, но крепковато барыньку жизнь помяла. По-иному, холеной, молодой и дородной она, мадам Флоринская, выглядела летом семнадцатого года, когда я, босой, оборванный и замученный, пришёл в кабинет её мужа с требованием и протестом от тех подростков, которых он за гроши нанял убирать урожай «во имя победы над Кайзером». Заставлял он нас потеть от зари до зари, а кормил тухлой мамалыгой, что в горло не лезла. Встретили меня супруги-баре с презрением и как только не стыдили за моё и моих друзей желание быть хотя бы сытыми.

Несмотря на изрядную полноту, Флоринская без натуги повернулась и направилась к Соборной площади. Я последовал за ней. Пройдя площадь, она повернула направо и вошла в парадный подъезд одного из домов. Я шёл за ней почти вплотную, не настораживая её: какое подозрение может вызвать студент?

На первом этаже в глаза бросилась массивная, окованная медью дверь. На звонок мадам появилась горничная, точно взятая на прокат из спектакля или кинокадра. Я — тут как тут. Не позволив захлопнуть перед своим носом бронированную препопу, раньше, чем горничная и Флоринская успели что-либо промолвить, очутился в обширной прихожей. С ходу, ориентируясь на мужские голоса, юркнул в одну из открытых дверей и, оказавшись в обширной, по-барски обставленной столовой, увидел сидящих за кофе троих ананьевских помещиков: Флоринского, отпустившего клинообразную бородку, Адольфа Краузе, с лицом учёного и в очках в золотой оправе, и сухопарого, седобородого генерала Милианта. Как потом выяснилось, квартира, в которой нашли приют контрреволюционеры, принадлежала брату генерала, адвокату, ставшему «красным», чтобы надежнее было бороться с ненавистной властью.

Опомниться, прийти в себя всполошенные подпольщики не успели. Да и ни к чему им это было: два пистолета со взведёнными курками смотрели на них в упор, а громкий стальной голос командовал:

— Встать! Руки вверх! Ни с места! За неповиновение — убью! Вы — арестованы!..

И тут же для острастки я выстрелил в потолок. Смертельно бледные, с искаженными лицами, они стояли с поднятыми дрожащими руками.

Повелев горничной сбежать за милиционером, а кухарке — за дворником, я в ожидании подкрепления поддерживал у арестованных дух паники и смятения, требуя для собственной безопасности не двигаться, стоять ровно, смотреть только на меня...

Первым явился здоровенный милиционер, затем дворник. Стало легче, и я уже чувствовал себя удачником и победителем. Дворник под мою диктовку по телефону связался с ЧК, и вскоре прибыла оперативная группа чекистов.

Из карманов Флоринского и Милианта я изъём браунинги. В кабинете адвоката на полке книжного шкафа лежал роскошный портфель, принадлежащий Флоринскому и заполненный ценными бумагами, деньгами и чековыми книжками. Здесь же на кресле покоился саквояж Краузе, содержимое которого говорило о том, что его владелец или только приехал, или собирался уезжать.

Флоринского я доставил в кабинет Акулова и в ожидании начальства повел с ним непринужденную беседу. Сообщил ему, что мне известно его преступное сотрудничество с Жмыховым, и предложил назвать адрес сообщника. Арестованный заверил, что сделать это не может, так как Жмыхов часто меняет местожительство и обычно сам устанавливает нужный ему контакт. Напомнил я Флоринскому и о нашей встрече в его имении Малая Боярка. Внимательно, точно впервые меня видит, он взгляделся в моё лицо и сказал, что ему трудно в студенте узнать того паренька, что заходил к нему с претензией.

Перед глазами возникли детали прошлого, и я, сдерживая смех, сказал Флоринскому, что мне всё понятно: и почему он упрекал меня в непатриотичности — война, мол, требует жертв, и с какой целью предложил десять целковых — ясно, чтобы жожака подкупить, и что означали его указания управляющему улучшить питание, ни к чему не приведшие. Но одного в толк, признался я, не возьму: из каких соображений он снизошёл до того, что на прощание пожал руку, и почему в своей ладони я тогда ощутил всего два пальца? По рангу, что ли, у знати полагается для рукопожатия давать кому пятерню, кому два пальца, а кому и комбинацию из трёх?

Пока смущённый Флоринский собирался с мыслями, чтобы что-то внятное ответить, появился Акулов, и беседа прервалась. Акулов же сел за стол, подвинул к себе портфель Флоринского и внимательно стал изучать его содержимое. Особое внимание он уделил двум царским денежным купюрам. После тщательного осмотра их при помощи увеличительного стекла он сказал Флоринскому:

— Один из ваших сподвижников квартирует на Екатерининской улице, а другой — на улице Петра Первого. Как номера домов, так и квартиры устанавливаются. Вам остается назвать фамилии. Не пожелаете, настаивать не буду, через несколько часов сами выясним.

Флоринский растерялся, но всё же сделал удивлённый вид и промямлил:

— На основании каких данных вы устанавливаете адреса неизвестных мне сподвижников и требуете их фамилии?

Акулов, прищурился и улыбаясь, ответил:

— Флоринский, не делайте из себя простака и наивного человека! Не выставляйте и нас такими. Вы, господа, всем существом своим не только ненавидите нас, но и считаете глупцами. Ваш класс — творец преступного и бездарного царского режима. Даже в борьбе со своим исконным и смертельным врагом вы не в состоянии проявить находчивости и изобретательности. Кое-кто из ваших соратников своё гимназическое увлечение Шерлоком Холмсом перенёс на борьбу против нас. Они, надо полагать, рассчитывали кое-какими приёмами из детективных сочинений поддерживать у сообщников уверенность в надёжности конспирации, а нас поугагать, да за нос поводить. Кто-то из ваших не то приказчиков, не то руководителей свои преступные документы скрепляет таинственным знаком, взятым из математики, а то использует словари для передачи распоряжения при помощи примитивного шифра. Однако, как и в данном случае, это несостоятельно, в чём нетрудно убедиться.

— При просмотре отобранных у вас денег и ценных бумаг, продолжил Акулов, — я обратил внимание на две купюры: сторублёвку с портретом Екатерины Второй и пятисотку, где изображён Петр Первый. В их номера красным карандашом вписан, правда, еле заметно, ваш таинственный знак. Но это ведь не случайно, и сделано для того, чтобы сторублёвка означала Екатерининскую, а пятисотка — улицу Петра Первого. Не вызывает сомнений, что знак вписан в номер кредитного билета, дабы обозначить номер дома и квартиры. Не правда ли? Так как вы изблещены, то извольте ответить на два вопроса: во-первых, кем переданы вам зашифрованные деньги, во-вторых, чьи адреса в них указаны?

— Я понимаю вас, — залебезил Флоринский. — Упорство моё бесполезно, и я не намерен так поступать. Деньги на Николаевском бульваре переданы мне капитаном Жмыховым, который известен присутствующему здесь вашему сотруднику. Адрес Жмыхова мне не известен. В деньгах зафиксированы адреса наших друзей — братьев Корень-Павловских.

Наступила пауза, Акулов тер лоб и о чём-то думал. Вскоре с весёлой ноткой он произнес:

— Теперь всё ясно. Математический знак « $\sqrt{\quad}$ » — первая часть фамилии. Буква «Р» означает вторую её часть, а двойка — свидетельство того, что действуют братья.

— Корень-Павловские, — включился я, — братья-близнецы. Они значатся в списке и разыскиваются нами. Братьев, крупных помещиков и бывших офицеров, знает весь Ананьевский уезд. В империалистическую войну они неимоверно нажились на восстановлении для армии конского состава. В штабе армии гетмана Скоропадского Корень-Павловские занимали крупные посты и вместе с гетманом и немцами бежали в Германию, а затем появились в Одессе и, по всей видимости, руководили диверсионно-террористической работой в помещичьей затее. Ведь я не ошибаюсь и правильно говорю, не так ли, господин Флоринский?

Но тот, опустив голову, молчал. В данном случае это, безусловно, означало согласие со сказанным. Акулов предложил времени не терять и немедленно отправиться за братьями-близнецами. Братьев я не раз видел в Ананьеве, чаще всего в экипаже, запряжённом парой великолепных серых рысаков. Аполлонами, атлетами, гигантами, гвардейцами — так называли в городе необычных близнецов. Корша, Бороци и Струкова я предупредил, с кем придется иметь дело, чтобы предусмотреть любую неожиданность.

Один Корень-Павловский, с Екатерининской улицы, в домовая книга значился под фамилией Литвинского, а другой — под фамилией Тараненко. Оба выступали юрисконсультантами страхового общества.

Сначала мы явились на Екатерининскую улицу. На стук (звонок не работал) дверь открыл мальчик лет пятнадцати. Когда я, Бороци и Струков оказались в прихожей, из комнаты в приоткрытую дверь выглянула мощная фигура Корень-Павловского. В какую-то долю секунды он сообразил, с кем имеет дело, и немедленно захлопнул дверь, повернув ключ в замке. Сгоряча мы попытались дверь взломать. В ответ последовали выстрел за выстрелом. Пуля задела ухо Бороци, и с него ручейком потекла кровь. Не обращая на это внимание, Коля, в прошлом опытнейший слесарь, отстранил нас от дверей, прислонился к стене и пустил в ход отмычку. В считанные секунды дверь распахнулась, и тогда же щёлкнул ключ в двери, ведущей в кухню и дальше к чёрному ходу.

Перед золотыми руками слесаря без задержки открылся и второй замок. Надо было торопиться — нельзя же дать уйти матерому хищнику. Мы без оглядки ринулись вперёд. Но в кухне никого не было, а дверь на лестничную клетку оказалась прикрытой. С площадки, где на страже стоял Корш, доносились хрипы и возня. Сильным ударом, как выяснилось позже, Корш вышиб из руки вылетевшего Корень-Павловского револьвер и схватился с ним. Я очутился на лестничной площадке чёрного хода в тот момент, когда нашего товарища озверелый враг подмял под себя. Шла ожесточённая борьба. Володя бесстрашно отбивался и цепко удерживал противника. Раздумывать некогда. Ударом рукоятки нагана я охладил пыл Корень-Павловского, затем приставил к его виску дуло, приказав подчиниться и следовать за нами. Он так и поступил.

На улице Петра Первого Бороци своевременно применил своё блестящее искусство слесаря, и в квартиру мы проникли бесшумно. Второго Корень-Павловского рука чекистов настигла в постели.

Под давлением многочисленных неоспоримых доказательств братья-близнецы признали, что в контрреволюционной организации они возглавляли диверсионно-террористическую деятельность, что идея знака « $\sqrt[p]{\quad}$ » принадлежит им. В подходящих случаях этим знаком и пользовались.

Биография арестованного нами Адольфа Краузе была необычна.

Ананьевский уезд хорошо знал одно из крупнейших имений немца-помещика Краузе. Славилось оно не только тем, что занимало огромный массив прекрасной земли, но и хорошим ведением хозяйства, лучшими, чем у других поместий, условиями жизни батраков, а также покладистостью помещика во взаимоотношениях с крестьянами. В годы империалистической войны Краузе делал все, что могло способствовать военным усилиям России. Он, в частности, охотно шёл навстречу солдатским и осиротелым семьям. Когда для восполнения убыли рабочей силы в сельское хозяйство направили военнопленных австрийцев, он отказался их принять. Поэтому и во время войны отношение к нему не изменялось.

Весной 1917 года в момент мощного роста крестьянских требований решить земельный вопрос, при резком отрицательном отношении к этому Временного правительства, Краузе пошёл на такой шаг, который поразил все слои населения уезда. По его просьбе состоялся сход крестьян примыкающих к имению сёл, на котором он безвозмездно отказался от земли, скота, построек, сельхозорудий и всего содержимого амбаров. Для себя и сына-студента попросил лишь средняцкую норму земли, пару лошадей, корову и разрешение построить обычную крестьянскую хату. Так всё и было сделано.

Поступок Краузе свора помещиков и многоземельных кулаков встретила с озлоблением. Зато доброжелательно оценили его труженики. Краузе-середняк повел обычный для крестьянина образ жизни. В хозяйстве работали и он сам, и его сестра, и сын-студент. Последний помогал ему в этом в каникулярное время. С захватом Украины немцами Краузе отказался от предложения оккупантов вернуть ему имение. Все осталось, как и прежде, только сын в это время к отцу не приезжал, а находился в Одессе.

Историю Краузе, как и его самого, я знал. Поэтому было непонятно, как и почему он очутился в Одессе да в такой компании. Краузе довольно вразумительно объяснил, что приезд в Одессу вызван крайней необходимостью проконсультироваться с врачами. Медицинские документы и справка ананьевской больницы подтверждали такое объяснение. У адвоката Милианта он остановился, как у товарища по гимназии и университету. Встреча же с Флоринским и Милиантом-генералом — простая случайность.

Однако от этой версии Краузе вскоре пришлось отказаться. Саквояж помещика вызвал подозрение, и его пришлось распороть. В обнаруженном втором дне находились ценные бумаги, иностранная валюта, чеки на шведский и берлинский банки. Такая находка подсказала необходимость тщательно проверить одежду и обувь Краузе. В результате обыска появились дополнительные трофеи — бумажки, лоскутки материи с тайнописью. Адольф Краузе оказался в таком положении, когда пришлось взяться за перо и изложить правдиво свою историю. Вкратце она сводилась к следующему.

В течение многих лет Адольф вместе с отцом ежегодно ездил и в Германию и Австро-Венгрию, где старший Краузе лечился на водах. Так за пределами России у Адольфа образовался большой круг знакомых. По сложившимся правилам и традициям после смерти отца и окончания университета молодой помещик по-прежнему ездил за границу. В одну из таких поездок во время пребывания в Германии ему предложили сотрудничать с немецкой разведкой. Были причины, по которым возражать он не мог. С этого времени Краузе стал чаще навещать в Одессу, Москву, Петербург. Безукоризненные связи и конспирация позволили ему спокойно перенести бурные годы войны.

С возникновением и развитием великих революционных событий обозначилась угроза того, как бы волны революции не смели помещика-шпиона. В такой обстановке от него требовали сделать все возможное и удержаться на месте. Любые убытки разведка брала на

себя. Тогда-то Краузе и осуществил так поразивший всех акт передачи крестьянам своего имени. Эксперимент удался, его положение упрочилось и стало надежным при любой ситуации. Шквал революции разметал помещиков России по всему свету, а он жил, работал, невзирая на частую смену власти.

Осложнение возникло неожиданно и с той стороны, откуда он меньше всего ожидал. В период хозяйничанья на Украине немецких оккупантов сыну Краузе не по душе пришлась отцовская жизнь. Он поселился в Одессе, связался с немецким командованием, разведкой и развернулся во всю ширь. Участие в многочисленных арестах советских патриотов, карательных экспедициях по селам Одесской губернии создали ему такую известность, что он вынужден был со своим начальством убираться с Украины и бежать в Германию.

Неосторожность, опрометчивость молодого сына Краузе скомпрометировала отца. Заболевание же пищевода (подозревался рак) сделало Адольфа Краузе еще менее ценным и совсем не перспективным шпионом. Вот почему ему дали разрешение оставить Украину и создали необходимые условия для перехода через границу. Одесса явилась одним из этапов бегства шпиона. Затем явочная квартира в Тирасполе, где определялся пункт переправы через Днестр.

На всякий случай Краузе располагал документами на имя инспектора губнаробраза, командированного в Тираспольский уезд по служебным надобностям. В Одессе предстояла встреча с племянником-студентом, который должен был его сопровождать в столь опасном путешествии.

После написания Краузе показаний, Акулов в беседе с ним выяснил явочные пароли, а также о некоторых деталях, по которым встречающие могли его признать: он — в очках в золотой оправе; вместе с ним — юноша в студенческой форме.

Операцию по ликвидации шпионской явочной квартиры и переправочного пункта возглавил Акулов. Он же взял на себя роль Адольфа Краузе, а мне поручил сопровождать его в качестве студента. После такого решения Акулов пригласил меня в гостиницу Лондонскую на встречу с его товарищем по одесскому подполью и обещал, что встреча будет весьма интересной. В просторном, хорошо обставленном номере гостиницы, расположенной на Дерибасовской улице, нас встретил по-военному одетый красавец богатырь. Любуясь им, я невольно подумал: сколько же дано одному силы, ловкости и, несомненно, ума и отваги.

— Котовский, — назвался он, подавая мне руку.

Григорий Иванович в это время в Тирасполе формировал бригаду, так что в Одессу приехал по делам нового формирования. К нему за консультацией, как к знатоку Бессарабии да коварных приемов румынской разведки, и обратился Акулов. Котовский с большим вниманием и интересом выслушал своего соратника по подполью, одобрительно отозвался о плане, но предупредил, что пункт переправы может оказаться крепким орешком. Он обещал лично помочь в этой операции, поскольку успешное ее проведение как-то дезорганизует и внесет смятение в работу румынской разведки, которая следит за каждым его шагом.

Успех задуманной операции требовал быстроты и скрытности действий. Племянник Краузе на свидание с дядей явился на квартиру Милианта, попал в засаду и незаметно, без шума был доставлен в ЧК. Утренним поездом, переполненным мешочниками, мы с Акуловым выехали в Тирасполь, где уже находился для связи с Котовским и ЧК Корш.

Там, как и следовало, мы явились на квартиру инспектора народной школы. У беседки, сплошь увитой виноградом, нас встретил крупный, пожилой, легко одетый человек.

Акулов к нему обратился со словами:

— Если не ошибаюсь, имею честь видеть Христофора Карловича Венца?

Тот внимательно посмотрел на Акулова, его очки, затем перевел взгляд на меня, на мою студенческую фуражку и ответил:

— Да, я Венц, но не Христофор Карлович, а Карл Христофорович.

— Простите, память не стала изменять. Но вас мы нашли, а это главное.

Это был пароль, раскрытый нам Краузе. По нему мы попали на явочную квартиру. Через день на бричке нас повезли берегом Днестра вверх по течению реки. Незаметно по пятам следовали котовцы, одетые под молдаванских крестьян. За деревней мы оставили бричку и пешком направились к бескрайним селам, окаймлявшим днестровский берег. Чтобы не оторваться от своих, шли медленно, присаживались и отдыхали в тени. Среди согнувшихся от обильных плодов деревьев увидели сверкающий белизной дом — конечный пункт и цель поездки.

С крыльца к нам навстречу поднялся высокий русский старик, стриженный под скобку, с широкой седой бородой. Весь его вид свидетельствовал о том, что он старообрядец. Видимо, не случайно был подобран и пароль для установления связи с ним.

— Спаси Христос, — поздоровался Акулов.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — последовал ответ.

— Дай бог, — заключил я.

— Без бога ни до порога, — завершил старик.

После этого он пригласил нас в дом и предложил располагаться на отдых. Малоречивый хозяин дал понять, что переправа через Днестр последует ночью в неопределенный час. Смеркалось. Я вышел в сад. Побродил вокруг дома и дал условный сигнал. Последовал ответ. Ребята здесь, и на душе стало спокойнее и легче. Не раздеваясь, мы легли, сделали вид, что намерены спать, но было не до сна.

С ночной темнотой пришла никем не нарушаемая, но волновавшая нас тишина. После долгого томительного ожидания закрипела дверь, и ночной покой нарушили шаги и негромкий разговор. Мой слух уловил очень знакомую речь одного из переступивших порог. Мы уже были на ногах и в боевом положении. Вошли трое. Впереди хозяин с фонарем «летучая мышь», за ним — не только слышу, но хорошо вижу — Давидович.

Лишь только третий оказался в комнате, раздалось беспрекословное требование Акулова: «Руки вверх, вы арестованы!» Давидович метнулся к выходу, но его перекрывал Котовский, который обычным, но внушительным голосом сказал:

— Бесполезно! Не беспокойтесь! С давнишним знакомым — Котовским вам не вредно встретиться.

Давидович, увидев Котовского и услышав его голос, до того растерялся, что не в состоянии был вымолвить и слова. Оказывается, еще до революции он как агент кишиневской полиции наряду со многими другими охотился за Котовским. Матерый шпион-диверсант под видом коммуниста-подпольщика, бежавшего из румынской тюрьмы, был переброшен на советский берег. Здесь легализовался, вошел в доверие и работал в уездном ревкоме. Естественно, что положение советского работника облегчало ему возможность вести шпионскую и диверсионную работу.

С арестом Мунтяну, переправа которого была делом его рук, Давидович спасся от разоблачения, скрылся в Бесарабии. Отсюда он продолжал вести свою преступную деятельность, не раз переправляясь на советскую сторону.

Когда Давидович и его помощники оказались в наших руках, Котовский быстро направился к Днестру, и вскоре взвилась выпущенная им ракета. С сигналом ракеты началась операция по ликвидации вооруженной группы, прикрывавшей и осуществлявшей переправу через реку. Девять человек, разделившиеся на тройки и залегшие впереди и по бокам переправы, оказались захваченными подползшими бесшумно, без единого выстрела котовцами. Вторая группа на самой переправе, правда, оказала вооружённое сопротивление и пыталась скрыться, но Котовский и её лишил такой возможности.

Окончание следует

Продолжение. Начало см.: «Воен.-истор. журнал». 2008. № 1, 3, 6.

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

Павлов Александр Петрович —

полковник в отставке (пгт.Колпна Орловской обл.)

Вооруженцы 14-й гвардейской

Что и говорить, озадачил меня водитель своим обращением:

— Товарищ гвардии полковник! Рядовой Арнаут...

А смутил он меня тем, что я не был гвардейцем.

Это я и попытался объяснить солдату после короткой заминки.

— Нет, вы уже гвардеец, — поправил меня мой заместитель гвардии подполковник Сучков. — С момента подписания приказа о вашем назначении на должность начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения нашей 14-й гвардейской армии вы автоматически стали гвардейцем...

«Как это автоматически?» — мысленно возразил я. Мне казалось, что существует целый ритуал посвящения в гвардию: зачитка приказа, торжественное вручение гвардейского значка, целование знамени... Как потом выяснилось, ничего подобного уже нет, и причисление к гвардии — лишь простая формальность, а сама гвардия, видимо, утратила своё значение.

Жаль, что тут ещё скажешь.

Путь от Одессы до Кишинёва, где находился штаб армии, в которой мне предстояло продолжить службу, долгий, так что времени для более близкого знакомства со встречавшим меня моим заместителем было вполне достаточно.

Валентин Иванович Сучков в 14-й гвардейской тоже недавно. Приехал он в Кишинёв два месяца назад по прямой замене из Группы советских войск в Германии, где служил во 2-й гвардейской танковой армии.

— Досталось мне, как медному котелку, — делился он воспоминаниями, красочно живописуя поучительные примеры своей военной биографии.

Словом, мой заместитель, как говорится, — тёртый и битый вооруженец. А это значило, я по себе знал, что такой специалист, проверенный и наученный горьким опытом, стоит троих небитых. Получив жестокий урок, пройдя несколько серьёзных испытаний, он и сам не допустит пережитых ошибок, и не позволит это сделать менее опытному, предъявляя к ним жёсткие, но справедливые требования. Вот и прибыв в Кишинёв, упредив меня, Валентин Иванович развернул бурную деятельность.

— Застал я здесь полную спячку, — рассказывал он, вводя меня в курс дела. — Склады боеприпасов в запущенном состоянии, обваловку хранилищ никто делать и не думал...

Начал же, как водится, с объезда войск, знакомства с обстановкой и личным составом. Первое соединение, которое навестил, — 86-я мотострелковая дивизия, стоявшая в Бельцах. Попал туда утром. Не зная города, стал высматривать военнослужащих, чтобы спросить дорогу к штабу дивизии. Вскоре на углу заметил толпившихся у пивной бочки мужиков, а среди них несколько прапорщиков. Узнав у них, куда ему дальше идти, Сучков поинтересовался:

— А вы где служите?

— На дивизионном складе боеприпасов.

— Значит, мои подчинённые, — заметил внешне спокойно, но возмущённый до глубины души Валентин Иванович.

Представившись, потребовал у прапорщиков документы, записал в блокнот их фамилии и... вынес приговор:

— Считайте себя уволенными. Кто распивает пиво в рабочее время, да ещё с утра — вооруженцем быть не может.

— На сегодняшний день, — сообщил Сучков, — всего по армии уволены человек десять бездельников. Остальные, похоже, взялись за ум. По крайней мере стараются не попадаться мне на глаза праздно шатающимися. Правда, на меня посыпались жалобы, и приходится заниматься отписками. Но зато наведён относительный порядок...

За разговором мы проехали территорию Украины и остановились на её административной границе. Выйдя из машины, подошли к пограничному столбу с надписью, извещавшей, что дальше простирается земля Молдавской Советской Социалистической Республики.

Конечно, какие там границы в СССР между братскими республиками. Хотя разница между ними всё же ощущалась. Например, по качеству дорог. В Молдавии они содержались в хорошем состоянии, а вот на украинской стороне, мягко говоря, не очень. Даже у пограничного столба на проезжей части приличных размеров яма. На ней мы, как помнится, неоднократно набивали себе шишки, раскатившись по добротному молдавскому полотну и позабыв об опасности. А ездить приходилось много, так как войска 14-й гвардейской армии дислоцировались и там, и там.

Насколько Молдавия по своей территории небольшая и компактная, настолько и разнородная. Взять Приднестровье, где проживает в основном русскоязычное население. Здесь сосредоточены промышленные предприятия, много военных пенсионеров, оставшихся в этом прекрасном обильном краю после увольнения со службы. На центральной площади Тирасполя возвышается памятник Суворову, напоминающий не только о блестящих воинских подвигах гениального полководца в прошлом, но и о присутствии здесь русского духа в настоящем.

Перекурив на границе, мы поехали дальше, теперь уже по Молдавии, продолжив наш разговор.

— Труднее всего было сдвинуть с мёртвой точки обваловку складов боеприпасов, — посетовал Сучков.

В качестве примера он припомнил эпизод по Тираспольскому гарнизону, где нужно было развернуть обваловку на артиллерийских складах 59-й мотострелковой дивизии.

Зайдя в кабинет к командиру соединения и представившись чин по чину, как говорится, сразу же взял быка за рога, спросив, почему не выполнен приказ министра обороны. Сроки, дескать, прошли, а боеприпасы не обвалованы...

— Вы кто такой? — прервал его, возмущившись, генерал Нестеренко.

— Заместитель начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения 14-й гвардейской армии подполковник Сучков, — ещё раз представился Валентин Иванович.

— Хорошо. Мы примем меры. Можете идти.

Видя, что его выпроваживают из кабинета, Сучков попросил разрешения позвонить по телефону. Комдив великодушно разрешил, не ожидая подвоха.

А Валентин Иванович уже докладывал командарму:

— Генерал Нестеренко не желает выполнять приказ министра обороны...

— Ты что делаешь? — вскинулся опешивший Нестеренко и нажал на рычаг телефонного аппарата, прервав разговор.

Но мудрый командарм, видимо, сразу понял ситуацию и через некоторое время перезвонил сам. Снявший трубку комдив выдержал нелёгкий разговор с генерал-лейтенантом Востровым.

— Что от меня требуется? — спросил совсем другим тоном он Сучкова, положив трубку и вытирая вспотевший лоб.

— Поехать вместе со мной в горком партии.

Когда секретарю горкома неожиданные визитёры подробно доложили насущные требования по повышению живучести артиллерийских складов и обвалованию хранилищ с боеприпасами, а также расчёт сил и средств, необходимых для выполнения трудоемкой работы, тот, откликнувшись на изложенную просьбу, тут же дал команду выделить из народного хозяйства дефицитную землеройную технику (экскаваторы, грейдеры, бульдозеры), а также направить к военным необходимым специалистов.

— Таким образом, работа на складах боеприпасов закипела по всей армии и сейчас находится в самом разгаре, — сообщил довольный Сучков. — Но постоянно нужно всех контролировать и подталкивать.

В Кишинёв приехали поздно вечером, направились в гостиницу.

На следующий день, облачившись в отутюженный парадный мундир, я вместе с Сучковым поехал в штаб армии.

Было ещё рано, и мы сначала пошли в службу ракетно-артиллерийского вооружения (РАВ). Она занимала две комнаты: в одной — кабинет начальника, в другой — офицеры службы. Через несколько минут я и познакомился с ними: майор Кокорин — направленец на подвижную ракетно-техническую базу (ПРТБ); майор Власенко — на зенитную техническую ракетную базу (ЗТРБ); майор Кепич — наземная артиллерия и танковое вооружение; майор Гуреев — боеприпасы; подполковник Шаров — наземное оборудование ракетных комплексов «земля — земля»; капитан Чуваев — стрелковое оружие, военные приборы; подполковник Сучков, естественно, должен владеть всеми вопросами как заместитель начальника службы.

Какая всё-таки разница между корпусом, откуда я перевёлся, и армией! Из шести офицеров службы — половина ракетчики, что оправдано объективным объёмом работы: ведь здесь помимо трёх мотострелковых дивизий есть ещё так называемый армейский комплект, включающий в себя ракетную и армейскую артиллерийскую бригады, полк связи и инженерно-сапёрный полк, а также ракетно-технические и многочисленные мелкие части армейского подчинения. Получается, что в корпусе я ходил «налегке» и не совсем заслуженно носил приставку «ракетно» к пышному названию своей должности.

В армии ракетные дела сразу и тяжело легли на мои плечи. Забегая вперёд, приведу только один эпизод с ракетами. Буквально через несколько дней после моего вступления в должность меня вызвал командарм.

— Нужно срочно проверить ГВМ, — повелел он. — Вот приказ главкома Сухопутных войск, выполнение которого будет проверять московская комиссия. Времени мало, но нужно успеть.

Я слушал командарма со всем вниманием, запоминая каждое слово. Но что такое «ГВМ»? Не подав и виду, что мне незнаком этот термин, я ответил «есть» и поспешил в свою службу.

— Что такое ГВМ? — спросил у Сучкова.

— Грузо-весовой макет ракеты 8К14.

Ба! Как же я сам сразу не догадался. Видимо, сказалась длительная служба в отделе боеприпасов и в корпусе, а ведь ещё во время службы в ракетной бригаде в лейтенантские годы мы сами предлагали к внедрению этот самый макет, равный по весу боевой ракете.

Дело в том, что все тренировки во время комплексных занятий тогда проводились на лёгкой незаправленной ракете, и когда дело доходило до боевой работы на заправленной, когда грузовые тросы начинали потрескивать под тяжестью многотонной махины, расчёты начинали нервничать, опасаясь, что ракета вот-вот может упасть. Чтобы снять этот психологический стресс и приблизить учебные тренировки к условиям боевой работы, и был принят позднее на вооружение грузо-весовой макет ракеты.

Принесли приказ главкома Сухопутных войск. Оказалось, что из-за этого ГВМ случилось ЧП в войсках Дальневосточного военного округа с гибелью людей, когда из-за несоблюдения правил хранения макет взорвался. Причиной послужили взрывоопасные газы, скопившиеся в корпусе ракеты при испарении остатков учебной жидкости — заменителя ракетного топлива. Предписывалось, во-первых, срочно проверить все ГВМ, во-вторых, обеспечить их безопасное хранение путём размещения в отдельных изолированных кирпичных боксах, запираемых металлическими воротами. В приказе фигурировала и фамилия моего однокашника полковника Килимкина — ему объявлялся выговор.

В войсках 14-й гвардейской армии ГВМ находились в двух местах: в ракетной бригаде и в подвижной ракетно-технической базе. Мы распределились: майор Кокорин поехал в ПРТБ, а я в ракетную бригаду.

Она стояла в Бендерах в старой крепости, построенной ещё турками. В этой крепости, говорят, укрывался Карл XII после разгрома шведов под Полтавой. Теперь же в хорошо сохранившейся цитадели высотой с девятиэтажный дом ракетчики проводили комплексные занятия, никуда не выезжая за пределы части.

Вместе с главным инженером бригады подполковником Дроновым мы осмотрели ГВМ. Оказалось, что учебная ракета-макет была сухая, то есть не представляла собой взрывоопасности. Но хранилась она практически на открытом воздухе под примитивным навесом. Обойдя техническую территорию, мы не нашли подходящего изолированного бокса для её хранения в соответствии с требованиями приказа главкома Сухопутных войск. Что делать?..

Была суббота, конец рабочей недели, когда деловая активность повсеместно замирает в преддверии выходного, но мне отступать некуда — нужно выполнять приказ. Посоветовавшись, решили пристроить к торцу кирпичного хранилища укрытие из

железобетонных плит. Таких плит в бригаде не было, и мне пришлось ехать за ними в Тирасполь на армейский автомобильный ремонтный завод и выпрашивать их там. К счастью, плиты на заводе имелись, требовалось лишь разрешение на их вывоз начальника автослужбы армии. Нужно отдать должное ему, полковнику Морозову, который откликнулся на мою просьбу и выручил в трудную минуту. Так что за субботу и воскресенье мы успели не только вывезти громоздкие и тяжёлые плиты, но и смонтировать из них укрытие для ГВМ. Впрочем, все три технические службы (ракетно-артиллерийского вооружения, бронетанковая и автомобильная), подчинявшиеся непосредственно командующему армией, жили дружно, постоянно взаимодействовали между собой и пользовались высоким авторитетом у командования.

Однако вернёмся к первому дню моей службы в 14-й гвардейской.

После знакомства с офицерами РАВ я вместе с подполковником Сучковым пошёл представляться командующему армией. В этот ранний час в приёмной никого не было, но генерал-лейтенант Владимир Андреевич Востров уже находился на рабочем месте и сразу принял нас. Это был крупный мужчина с простым крестьянским лицом, мягким выражением глаз и изрядной сединой на висках. Я представился по всей форме, после чего между нами состоялась деловая беседа. Командарм, поблагодарив подполковника Сучкова за проделанную работу в должности исполняющего обязанности начальника службы РАВ, напутственно обратился ко мне:

— Надеюсь, что вы энергично продолжите начатую работу в войсках...

В армии время на раскачку не даётся: вопросы нужно решать быстро и всё сразу, поэтому уже на следующий день с раннего утра я выехал в Бельцы, где стояла 86-я мотострелковая дивизия. Добираться туда — несколько часов, так что глазеть по сторонам довелось долго. Впрочем, делал я это с любопытством, поскольку в Молдавии бывать мне ещё не приходилось. Прежде всего, конечно, меня порадовали дороги — отличные, без ям, колдобин и трещин, с хорошей разметкой, чёткими дорожными знаками и облагороженными обочинами. Слева и справа — обширные, ухоженные бескрайние виноградные плантации.

В штабе дивизии начальник службы РАВ 86 мсд майор Пильщикова кратко доложил о состоянии дел, после чего мы вместе с ним отправились по частям.

Дивизия дислоцировалась в трёх гарнизонах: большинство частей разместились в Бельцах, один мотострелковый полк находился во Флорештах, танковый — в Кишинёве. Так что знакомство с ними заняло почти два дня.

На складе боеприпасов все прапорщики были на местах. Они с опаской посматривали на меня: урок, преподанный им подполковником Сучковым, видно, пошёл на пользу. Хотя я не сторонник драконовских мер, но в нашей строгой службе, сопряжённой со взрывоопасностью боеприпасов и сохранностью оружия, либерализм не уместен, поэтому контроль и жёсткий спрос должны присутствовать постоянно и повсеместно. Так что и метод Сучкова полезно применять время от времени в качестве крайней меры для избавления от нерадивых.

На дивизионном артиллерийском складе велись работы по обвалованию хранилищ с боеприпасами, о чём уже говорил Сучков и что должно было бы радовать. Однако первое же впечатление от увиденного осталось негативным. Ну какая радость от того, если вся

артиллерия хранится на открытом воздухе, склады запущены, много мест хранения стрелкового оружия с массой недостатков?

В лучшую сторону выделялся мотострелковый полк во Флорештах. Начальник местной службы РАВ майор Благовистный, трудолюбивый, требовательный вооруженец, поддерживал порядок в своем заведении на должном уровне. В дальнейшем я опирался на него, зачастую поручая ему те или иные задачи, а позже, когда он приехал по замене в Афганистан и мы встретились там с ним на КП 40-й армии, то ощутили родственные чувства. На таких вот людях и держится наша служба, жаль только, что эти скромные труженики в большинстве случаев уходят из армии в звании майор с минимальной пенсией.

Следующий пункт моего маршрута — Унгены, где сосредоточена вся армейская артиллерия. Картина неблагоприятная: сотни стволов стоят под открытым небом в зарослях травы, обвалование боеприпасов только разворачивается... Вместе с тем что может сделать, к примеру, начальник артвооружения майор Боронин, когда артиллерийская бригада, — кадровая до крайней, можно сказать, степени, а объём работы и с орудиями, и с боеприпасами — огромный? По-человечески каждого, конечно, можно понять, но у меня вызрело твёрдое убеждение: даже в таких частях офицеры должны работать с полной отдачей и быть ответственными. А ведь кроме них есть ещё командиры батарей, дивизионов и других подразделений. Так что, разве некому наладить обслуживание материальной части, отдать приказание выкосить траву?.. Словом, обо всём пришлось доложить командарму. Не учёл одного — не поставил прежде всего в известность начальника ракетных войск и артиллерии армии полковника Мешкова, что вызвало его крайнее недовольство.

— Сначала ты доложил бы мне, — возмутился Анатолий Семёнович, мой сослуживец ещё по 32-му армейскому корпусу.

Мне было неудобно: Мешков прав, да и с артиллеристами мы тесно взаимодействовали, тем более кабинеты наши с ним располагались рядом.

59-я мотострелковая дивизия стояла в Тирасполе и, по отзывам, отмечалась в лучшую сторону. Мы приехали в ее расположение рано утром и сразу же направились к командиру соединения. Комдив, уже упоминавшийся генерал Нестеренко, высокий красивый мужчина лет сорока пяти, принял меня настороженно. Видимо, ему запомнился эпизод с подполковником Сучковым, и теперь он внимательно присматривался и прислушивался ко мне.

Я представился, доложил о цели приезда в дивизию, упомянув, что мне известно о большой работе, развёрнутой на артиллерийском складе. В дальнейшем с генералом у меня установились добрые и уважительные отношения, что облегчало решение различных непростых задач. К тому же на базе 59 мсд часто проводились различные сборы.

Знакомство с положением дел начал с осмотра объединённого дивизионного склада, обходя одно хранилище за другим. Даже беглого взгляда хватало, чтобы заметить большое количество недостатков, относящихся к сохранности оружия: отсутствовала или была неисправной охранная сигнализация, решётки и запоры — ненадёжные, в ограждении то тут, то там зияли лазы, через которые можно запросто проникнуть в хранилище...

Аналогичная картина предстала глазам и в 180-й мотострелковой дивизии, дислоцированной в Белгород-Днестровском, куда мы приехали во второй половине дня. За оставшееся время удалось познакомиться с командованием соединения, офицерами РАВ и одного мотострелкового полка.

Последним пунктом моей поездки по войскам было местечко Шабо, где стоял танковый полк. Он расположился отдельным гарнизоном, поэтому у него имелся свой склад боеприпасов. Туда мы вместе с комполка подполковником Бильским и отправились.

Вооруженцы иногда обходят командиров стороной и проводят работу лишь с начальниками служб. Этого делать не следует. Полезно при каждом удобном случае привлекать командиров и к осмотру оружия, и к проверке складов, что, кстати, они обязаны делать согласно уставу, но, к сожалению, зачастую не делают.

При осмотре склада боеприпасов было выявлено около двух десятков различных недостатков, пополнивших мой и без того распухший блокнот: в изгороди лазы, трава не выкошена, кустарник и бурьян в рост человека и даже выше, периметр не опахан, отмостки вокруг хранилищ разрушены, стёкла в окнах разбиты, грозозащита не проверена, а место вокруг грозомачт от травы и мусора не очищено, щели в воротах и дверях хранилищ не заделаны, хранилища с боеприпасами не обвалованы, механизация погрузочных работ отсутствует, раскладка боеприпасов по формированиям запутана, сверка учётных данных не делается, карточки учёта полностью не заполнены, реестр на них отсутствует, недостаточно запасов воды для пожаротушения, сигнализация не работает, начальник склада прапорщик Колесов не знает эшелонирование боеприпасов...

Нехитрый анализ как этих, так и других упущений позволяет сделать вывод, что их устранение на 55 проц. зависит непосредственно от начальника склада, на 40 — от начальника службы РАВ и только на 5 — от командира полка.

В самом деле, заделать лазы в изгороди, выкосить траву и бурьян, выправить столб освещения, отремонтировать отмостки, вставить стёкла и навести порядок с учетом — прямая обязанность начальника склада, и всё это исполнить он может без всякой посторонней помощи.

Другое дело — раскладка боеприпасов по формированиям. Она — объект мобилизационной готовности, и тут, конечно, всё зависит от начальника службы РАВ полка, который, разумеется, прежде всего сам должен хорошо знать эти вопросы и учить своих подчинённых. Сюда же нужно отнести и грозозащиту, и противопожарную безопасность, и механизацию погрузочных работ.

Что касается обвалования хранилищ, то здесь без помощи командира полка не обойтись, так как нужно выполнить большой объём земляных работ с привлечением землеройной техники.

Теперь о вспашке периметра — вечном недостатке на всех складах боеприпасов. Действительно, служба ракетно-артиллерийского вооружения не имеет своих тракторов, своих плугов и других пахотных средств, но в танковом полку об этом говорить смешно: объехал вокруг склада несколько раз на танке — и периметр вспахан.

Почему же большинство недостатков своевременно не устраняется? Почему идёт постепенное их накопление?... Тут безусловный недосмотр со стороны начальника склада, прапорщика, получившего специальную подготовку и не нуждающегося в разъяснении

азбучных истин. Но если он практически знает, что и как делать на складе, то выходит, что всё упирается в неисполнительность...

Завершив знакомство с войсками армии и состоянием вооружения, я стал готовить доклад командарму по итогам своей почти недельной поездки.

Как же составить доклад? Можно представить всё в действительном, в большей мере мрачном свете, делая акцент на многочисленные недостатки. Но в этом случае можно вызвать только раздражение командарма: дескать, явился умник, всё ему плохо; посмотрим, на что сам способен. С другой стороны, если сгладить острые углы и составить благополучный доклад, а завтра случится хищение или пожар, — головы не сносить... Очевидно, нужно искать золотую середину, но как её найти?

Для удобства и краткости доклада результаты проверки я обобщил в виде таблички, отметив клеточками уже устранённые недостатки. Выходило, что их больше половины, а на остальные — определён срок исполнения.

Докладывая командарму о проделанной работе, хотел обойтись, что обычно практиковалось, краткой формой, но, к моему удивлению, генерал-лейтенант Востров стал вникать во все подробности.

Мне стало понятно, что он просто продолжает изучать меня — новичка в своём штабе: насколько полно выполнено задание, что конкретно сделано... Тогда я достал свою табличку и подробнейшим образом шаг за шагом доложил и все недостатки, и что успели устранить.

— Вы хорошо поработали, спасибо, — сказал Владимир Андреевич, когда я закончил свой доклад.

Что ж, наверное, правильно, когда начальник столь обстоятельно изучает офицеров, стремится досконально знать их сильные и слабые стороны, чтобы опираться на первые и нейтрализовать вторые...

Вот уже прошёл месяц моей службы в новой должности. По сравнению с корпусом нагрузка здесь ощутимо больше, но и зарплата выше: там я получал 394 рубля, а здесь — 513.

Постепенно жизнь вошла в привычное русло: планирование эксплуатации вооружения на 1979 год, подготовка к сборам руководящего состава на базе 59-й мотострелковой дивизии, отчётно-выборные партийные собрания в ПРТБ и ЗТРБ — вот далеко не полный перечень вопросов на ближайшее время. Конечно, если не случится чего-нибудь чрезвычайного...

А ЧП не заставило себя долго ждать: с дивизионного склада 59 мсд были похищены пистолеты. Пропажа обнаружилась сразу же, и командарм, как только узнал о хищении, поступил неординарно: не стал вызывать вооруженцев на ковёр и устраивать разнос, назначать комиссию для расследования, а сел в машину и поехал в дивизию.

Ознакомившись с обстановкой на месте, генерал-лейтенант Востров убедился, что пистолеты мог похитить только часовой, охранявший склад.

Вызвали часового. Закрывшись с ним в кабинете наедине, Владимир Андреевич обратился к солдату по-отечески:

— Отдай пистолеты! Даю слово, что не буду привлекать тебя и судить. Поступи умно: пожалей мои седины и не губи себя...

Такое человеческое обращение ошеломило солдата, и он признался:

— Из уважения к вам признаюсь: пистолеты действительно взял я... Закопал их под вышкой...

Похищенное оружие вернули на склад. Но в душе остались горький осадок и чувство собственной вины за случившееся. В самом деле, часовой отыскал лазейку и легко проник в хранилище. Между тем вооруженцы, несмотря на многочисленные указания и проверки, ходили вокруг словно с завязанными глазами, ничего не замечая и проявляя элементарное ротозейство.

Один изобретательный электрик сказал мне однажды, что существует сто способов воровства электроэнергии и столько же способов борьбы с этим злом. Наверное, способов хищения оружия не меньше, и мы должны все их знать и упреждать. Но по первости нужно срочно в корне переломить ситуацию с сохранностью оружия. Для этого нужен какой-то мощный рычаг. По моему мнению, им мог стать военный совет армии, на заседание которого и необходимо вынести этот вопрос.

Моя просьба удивила члена военного совета генерала Цветкова на ежемесячных заседаниях этого органа пряники не раздают, а «ошкуривают» докладчиков вплоть до снятия с должности. А тут явился чудаки и добровольно суёт свою голову под разнос...

Но я рассуждал по-иному: пусть лучше мне достанется на орехи, но зато дело выиграет и может быть удастся поправить ситуацию с сохранностью оружия. Да и отвечать в конце концов не только мне одному.

Выслушав мои доводы, генерал Цветков согласился включить в повестку очередного заседания военного совета вопрос о сохранности оружия и боеприпасов, назвав конкретную дату. Времени на подготовку оставалось меньше месяца, поэтому все офицеры службы сразу же включились в работу.

С недостатками у нас была полная ясность — их в разных актах, блокнотах и записных книжках накопился целый мешок. Но как лучше всё это преподнести, чтобы было наглядно, доходчиво, убедительно и конкретно?

Мы поступили так: для наглядности все склады вооружения и боеприпасов как текущего довольствия, так и НЗ, по каждой части изобразили в виде квадратиков на большом плакате. По количеству недостатков, выявленных на каждом складе, квадратики закрасили в три цвета: зелёный, жёлтый и красный. Первый уведомлял, что склад соответствует всем требованиям руководящих документов и обеспечивает сохранность оружия и боеприпасов; второй предупреждал о необходимости принятия мер; третий же прямо кричал об опасности хищения или пожара. Кроме того, внутри каждого квадратика написали цифры в виде дроби, где в числителе значилось общее количество упущений на складе, а в знаменателе — уже с учётом устранения.

В войсках больше всего боятся угрозы наказания, чем самого наказания, поэтому, инструктируя своих офицеров перед командировкой, я всякий раз говорил им:

— Побольше пугайте всех военным советом. Дескать, если недостатки не будут устранены, плохо придётся...

Таким образом, параллельно с проверками и перепроверками мы развернули настоящую пропагандистскую кампанию, что позволило общими усилиями расшевелить и вооруженцев, и командиров частей, мобилизовать их на устранение недостатков. Для нас же наступила самая настоящая страдная пора, и мы, не жалея сил, стремились как можно эффективнее использовать благоприятное время для максимального улучшения положения дел. Собственно, это и было конечной целью всего мероприятия.

Когда собранные данные по складам были отображены на плакатах, картина получилась впечатляющая и предельно наглядная: 60 проц. квадратиков оказались покрашенными в красный, предупреждающий цвет, 30 — в жёлтый и только 10 — в зелёный. На случай, если бы кто-нибудь стал оспаривать наши оценки и отпираться, по каждому складу имелись предписания с конкретными недостатками и отметками об их устранении.

И вот наступил день заседания военного совета. В переполненном зале — начальники родов войск, служб и отделов, командиры соединений и частей, я же с указкой в руках — на сцене, возле своего плаката. Тот был вывешен заранее, и командиры частей уже успели с ним познакомиться. Они знали свои оценки, и теперь их мучила одна неизвестность — реакция командующего армией.

Докладывал я без бумажки, эмоционально, на одном дыхании, называя фамилии и перечисляя конкретные факты, а в заключение сказал:

— Нужно по-пластунски проползти каждый склад, чтобы перекрыть все лазейки и щели и тем самым исключить случаи хищения оружия и боеприпасов.

— Именно проползти по-пластунски, — повторил мою фразу командарм, и подведя итог докладу, и ставя задачу войскам.

В качестве одной из мер по исключению хищения оружия я предлагал укрыть все пистолеты, хранящиеся на складах, в металлические сейфы, металлические шкафы или малые железнодорожные контейнеры. И первым на эту рекомендацию отреагировал... командарм.

Действия генерал-лейтенанта Вострова после заседания военного совета были просто удивительными: он сам, никому не говоря ни слова, поехал к начальнику Одесско-Кишинёвской железной дороги и попросил у него списанные контейнеры. Железнодорожники сразу пошли навстречу, и вскоре каждый мотострелковый полк получил по два малых контейнера, остальные полки и части — по одному импровизированному хранилищу, а на дивизионные склады пришлось по два малых и одному большому пятитонному контейнеру. Собственно, они, эти ёмкости, изначально предназначаются для обеспечения сохранности имущества: прочные металлические стенки, дно и крыша, надёжные запоры, замыкаемые на замок и опечатываемые; можно их и опломбировать.

Вскоре все пистолеты в войсках армии удалось укрыть в контейнеры от посторонних глаз: ящики с оружием загрузились внутрь контейнера, на дверках которого с внутренней

стороны вывешивались опись с пономерным учётом, а также график контроля. Кроме контейнеров — подарков железнодорожников, в войсках стали появляться изготавливаемые своими силами металлические шкафы для ручных гранат.

Осталось в моей памяти довольно чётко и знакомство ПРТБ. Стояла она отдельным гарнизоном, который включал в себя жилую зону и техническую территорию. Штаб части размещался на первом этаже казармы. Встретивший меня полковник Кривцунов стал подробно знакомить с положением дел. Он, не только многоопытный командир, но и отличный хозяйственник, подлежал увольнению, что я считал невосполнимой потерей для нашей службы.

— Послужите ещё немного, — просил я его.

— Нет, это дело решённое. Все документы уже оформлены.

— Кого же вы рекомендуете вместо себя?

— Начальника штаба подполковника Павленко, исключительно добросовестного, исполнительного офицера.

К сожалению, замена оказалась далеко не равноценной...

С технической территорией меня знакомил главный инженер ПРТБ подполковник Сорокалет. Это во многом его заслуга, что ракеты содержались в безукоризненном состоянии с достаточным запасом носителей, боеголовок к ним, наземного оборудования. Нареканий не вызвала и специальная подготовка расчётов, натренированных до степени отличных специалистов. Как всё это достигалось и каким трудом далось, я догадывался в определённой мере по собственному опыту и прежней службе в ракетной бригаде.

Пройдя через КПП, мы очутились на технической территории — объекте каждодневных забот и трудов всего личного состава части. Территория тщательно убрана, трава выкошена, внутренние дороги заасфальтированы и размечены, бордюры побелены...

— Пойдёмте дальше, — предложил Сорокалет, видя, что я стою на одном месте. Но как ему объяснить, что я просто отдыхаю душой, устав от бесконечных недостатков.

Мы подошли к хранилищу с запасами ракет-носителей. Оно — железобетонное, арочного типа, с насыпанной сверху земляной подушкой; перед входом — просторная площадка с твёрдым покрытием для проведения погрузочно-разгрузочных работ. Массивные тяжёлые двери, очевидно, способные выдержать взрывную волну большой силы, с внутренней стороны занавешены плотными брезентовыми шторами; внутри хранилища — яркое электрическое освещение, чистота, порядок.

Ракеты 8К14, теперь больше известные из средств массовой информации как ракеты «Скад», хранились загруженными на грунтовые тележки, плотно занимая всю полезную площадь хранилища.

— Мыши — вот наш главный враг, — сказал сопровождавший меня командир технической батареи майор Балым.

— Какие мыши?

— Самые обыкновенные. Грызут, негодницы, изоляцию электропроводки и таким образом выводят ракеты из строя...

Оказалось, что в хранилище имеется целая система защиты от мышей: инструкция с описанием повадок грызунов и способов борьбы с ними, ловушки, приманки, защитные канавки, уплотнения. Мыши не могут преодолевать препятствия в виде встречного пучка проволочек, поэтому все стойки грунтовых тележек обвязаны этой преградой.

Следующий пункт знакомства — зал регламентных работ, напоминающий больше операционную: яркое освещение, белоснежные стены и потолок, никелированные подставки на колёсиках для приборов, аккуратные лотки для многочисленных кабелей, специальная разметка жёлтой краской по полу, предупреждающие надписи и различные таблички... Наверное, и здесь тоже можно сделать какие-нибудь замечания, но у меня их не нашлось. По всей видимости, за время службы в пехоте мой уровень технической культуры снизился.

Знакомство с технической территорией завершилось посещением её святой святых — спецхранилища с боеголовками, расположенного на обособленной, дополнительно выгороженной местности. К моему удивлению, внутри хранилища я увидел обыкновенные бочки, опломбированные с двух сторон. Так хранились боеголовки к ракетам в ядерном снаряжении.

— Регламентные работы с боевыми частями мы проводим в присутствии специалистов из центра, — пояснил Сорокалет.

— А что же тогда достаётся на вашу долю?

— Мы головой отвечаем за поддержание в хранилище строго определённого температурно-влажностного режима. Вот приборы круглосуточного контроля за этими параметрами.

— А что делать, если в хранилище влажность меньше нормы?

— Ставим на пол открытые ёмкости с водой.

Доступ в хранилище крайне ограничен, все посещения фиксируются в специальном журнале с указанием кто, когда и сколько времени находился в хранилище с точностью до минуты. Из руководящего состава армии сюда имеют допуск лишь командарм, член военного совета и начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения.

Расписавшись в журнале, я с облегчением покинул режимный объект — радиоактивный фон здесь, несомненно, присутствует, и нечего торчать тут без дела.

Ясно одно: самым слабым звеном здесь является строгое обеспечение температурного режима, который, в свою очередь, зависит от исправной работы котельной.

Продолжение следует

Бочков Евгений Анатольевич —

начальник кафедры общественных наук и военно-гуманитарных дисциплин Военной академии тыла и транспорта имени генерала армии А.В.Хрулёва, полковник, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

10 ЛЕТ АВИН

В 2008 году научная общественность России отметила десятилетие создания в Санкт-Петербурге Академии военно-исторических наук (АВИН), объединившей в своих рядах многих военных историков страны.

Ныне академия, имеющая 15 региональных отделений, проводит активную работу по изучению отечественной военной истории, пропаганде военно-исторических знаний и военно-патриотическому воспитанию молодёжи. В её рядах трудятся 128 докторов и 267 кандидатов наук, 86 профессоров.

Создание АВИН в Санкт-Петербурге не является случайностью. Санкт-Петербург (Ленинград) на протяжении всей своей трёхсотлетней истории по праву считается военной столицей России, здесь накоплен богатый опыт практической деятельности военных историков по изучению Второй мировой войны.

У истоков создания академии стояли такие видные учёные-историки, как начальник Санкт-Петербургского высшего военного училища радиоэлектроники ПВО профессор генерал-майор И.П.Горелов; заведующий кафедрой истории Ленинградского областного государственного университета профессор Н.Д.Козлов; профессор кафедры истории Ленинградского областного государственного университета доктор исторических наук М.И. Фролов; доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пушкинского высшего военного училища радиоэлектроники ПВО кандидат исторических наук Н.Я.Гребенёв; а также Б.П.Белозёров, Ю.И.Колосов, Н.И.Барышников, В.С.Шломин и др.

Большую работу по пропаганде героических традиций Вооружённых сил России и содействию в подготовке и становлении молодых военных историков проводят региональные отделения академии: Адыгейское (руководитель — доктор исторических наук, профессор Е.М.Малышева); Алтайское (доктор исторических наук, профессор В.И.Бураков); Верхневолжское (доктор исторических наук, профессор В.Т.Анисков); Волго-Вятское (доктор исторических наук, профессор Г.В.Серебрянская); Калининградское (кандидат военных наук, адмирал запаса В.П.Валуев); Карачаево-Черкесское (доктор исторических наук, профессор А.Д.Койчуев); Карельское (кандидат исторических наук, доцент В.Г.Макуров); отделение Республики Коми (доктор исторических наук, профессор И.Л.Жеребцов); Кузбасское (доктор исторических наук, профессор Н.П.Шуранов); Санкт-Петербургское (доктор исторических наук, профессор М.В.Ежов); Средневолжское (доктор исторических наук, профессор В.Н.Майн); отделение Республики Татарстан (доктор исторических наук, профессор А.А.Иванов); Уральское (доктор исторических наук, профессор А.В.Сперанский); Южнороссийское (доктор

исторических наук, профессор П.Д.Тепун); Южноуральское (доктор исторических наук, профессор А.В.Фёдорова).

Важнейшим направлением деятельности АВИН являются научные исследования по проблемам отечественной военной истории, прежде всего истории Второй мировой (1939—1945гг.) и Великой Отечественной (1941—1945гг.) войн. Особый интерес в этом плане представляют публикации участников войны Н.И.Барышникова, А.И.Бурлакова, Л.А.Виноградова, А.П.Гаврина, Ю.И.Колосова, В.Д.Мелентьева, А.В.Пыльцына, В.И.Сиротинкина, И.Д.Ходановича и других. Серьёзное внимание привлекла к себе монография Н.И.Барышникова «Финляндия и блокада Ленинграда» (Хельсинки; СПб., 2002). В ней на большом фактическом материале, с использованием отечественных и финских архивных документов раскрываются малоизвестные страницы участия Финляндии в войне против СССР в 1941—1944гг. В книге М.И.Каратуева и М.И.Фролова «1939—1945: взгляд из России и Германии» (СПб., 2006) проведён анализ российских и германских публикаций о событиях Второй мировой войны, показана несостоятельность попыток извратить факты и оценки прошлого. Значительный вклад в объективное освещение событий Великой Отечественной войны вносит книга в прошлом командира штрафной роты, а ныне генерал-майора в отставке А.В.Пыльцына «Штрафной удар, или как офицерский штрафбат дошёл до Берлина» (СПб., 2003). В работах Б.П.Белозёрова «Фронт и тыл: проблема безопасности» (СПб., 1999) и «Фронт без границ» (СПб., 2001) освещается деятельность войск НКВД в годы войны по охране важных государственных объектов, борьбе с диверсионно-разведывательными группами противника, обеспечению правопорядка в тылу и прифронтовой полосе. В монографии Н.Т.Напса «На чужой стороне: восточные легионы вермахта в годы Великой Отечественной войны» (Краснодар, 2006) исследуется проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны.

В проведении научных изысканий, подготовке и публикации материалов по итогам этих исследований АВИН самым тесным образом сотрудничает с Институтом военной истории Министерства обороны РФ, Департаментом истории Стокгольмского университета, ведущими российскими научными изданиями, в том числе «Военно-историческим журналом», «Вопросы истории», «Исторический архив», «Клио», «Ориентир» и другими средствами массовой информации. Представители академии В.М.Арутюнян, Б.П.Белозёров, С.Н.Ковалёв, М.И.Каратуев, С.Н.Полторак, И.Д.Ходанович и другие регулярно выступают по телевидению и радио, печатаются на страницах газет. Следует отметить и такой факт: в 2005году в Великобритании вышла книга «Lif and Death in Besieged Leningrad, 1941—1944»*. В работе над ней приняли участие Б.П.Белозёров, И.Д.Дзенискевич, Ю.И.Колосов, М.И.Фролов (Санкт-Петербургское отделение АВИН).

За прошедшее десятилетие академией накоплен солидный опыт организации и проведения различных военно-патриотических мероприятий: конференций, поездок по местам боевой славы, конкурсов военно-исторических работ, встреч с ветеранами войны и военной службы и др. Эта работа проводится в тесном взаимодействии с органами государственной власти и местного самоуправления, военно-учебными заведениями, гражданскими вузами и школами. Большую помощь академии в организации и проведении подобных мероприятий оказывают администрация Пушкинского района (главы администрации: М.И.Каратуев (2002—2007); В.Г.Коржов (с 2007г.) и муниципальный совет г.Пушкина (глава муниципального образования — Н.Я.Гребенёв, его заместитель — Л.Н.Северина). Особый резонанс получили научно-практические конференции «2-я ударная армия в годы Великой Отечественной войны 1941—1945гг.» (2006г.), по итогам которой был издан сборник статей, поступивший в библиотеки военно-

учебных заведений Санкт-Петербурга и школ г.Пушкина, и «Патриотическое воспитание подрастающего поколения на примерах истории» (2008г.).

Кроме того, за прошедшее десятилетие академией было проведено более тридцати международных, всероссийских, региональных и межвузовских научных конференций, посвященных различным аспектам отечественной и мировой военной истории, объективному освещению Великой Отечественной войны, борьбе с фальсификаторами истории. Так, в Санкт-Петербурге с большим успехом прошли научные конференции «Вторая мировая война: история и современность» (2000), «60лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой: актуальные проблемы военной истории» (2001), «Победоносное завершение Сталинградской битвы: начало коренного перелома в Великой Отечественной войне» (2003), «К 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне» (2005).

Большую военно-патриотическую работу ведёт действительный член АВИН Ю.И.Колосов. Под его руководством во Дворце творчества юных ежегодно проводится конкурс школьных рефератов на тему «Ленинград, война, блокада».

За активную и плодотворную деятельность по патриотическому воспитанию молодёжи решением Законодательного собрания г.Санкт-Петербурга А.И.Бурлакову объявлена благодарность. Почётными грамотами Всероссийского общества «Знание» награждены Н.И.Барышников, Г.Л.Соболев, Н.Я.Гребенёв и М.И.Фролов.

Значительный вклад в формирование объективного знания о событиях Великой Отечественной войны вносят региональные отделения АВИН. Следует отметить, что учёные Казани регулярно проводят научные конференции и круглые столы, на которых обсуждаются самые разнообразные проблемы современной исторической науки. Ими изданы десятки монографий, опубликованы сотни статей, посвящённых военной истории нашего Отечества и вкладу народов Татарстана в достижение Великой Победы, а также ведётся большая поисковая работа в районах боевых действий на территории Ленинградской и Новгородской областей. Только в «Долину смерти» было организовано более двадцати экспедиций. Поисковиками подняты и захоронены с воинскими почестями сотни солдат 2-й ударной армии. В 2006году М.В.Черепанов написал книгу «Зачем живым “Долина смерти”?» (Казань, 2006). В ней он обобщил 25-летний опыт поисковой работы, поднял вопрос ответственности общества и государства перед памятью павших защитников Отечества.

Академия военно-исторических наук с оптимизмом смотрит в будущее. В её планах — расширение проблематики исследований, совершенствование научной и методической работы, создание новых региональных отделений и приобретение статуса Всероссийской организации.

* Жизнь и смерть в осаждённом Ленинграде. Лондон, 2005.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ПОЛЯКОВА Елена Борисовна —

главный специалист аппарата мэра и правительства Москвы (Москва)

ПОБЕДА, ЗАПЕЧАТЛЁННАЯ В ГРАНИТЕ

К 230-летию создания Чесменской колонны

В шестом номере нашего журнала за 2008 год мы уже рассказывали о победе русского флота 26 июня (7 июля) 1770 года в Чесменской бухте, которая имела для Российской империи важное стратегическое значение. Сегодня мы продолжаем эту тему, знакомя читателей с историей создания одного из знаменитых памятников, посвящённых победе российского оружия.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. показала всей Европе растущую мощь русской армии и флота. Особенно славным был разгром турецкого флота в бухте Чесма в Хиосском проливе Эгейского моря 26 июня (7 июля) 1770 года в ходе 1-й Архипелагской экспедиции под командованием графа А.Г.Орлова. Екатерина II, много сделавшая для становления в Российской империи изобразительного, в том числе монументального искусства, архитектуры и в целом развития градостроительства на европейских началах, приняла решение увековечить в граните и мраморе блестящие победы русского оружия. Так, в её резиденции, в Царском Селе, появляются Морейская колонна (1771), Кагульский (Румянцевский) обелиск (1772), Крымская колонна (1778) и Чесменская колонна (1778). Их автором являлся знаменитый итальянский зодчий Антонио Ринальди (ок.1709—1794), который, прибыв в 1754 году в Россию, стал, как бы теперь сказали, генеральным архитектором столицы, обогатив её наряду с В.В.Растрелли, К.Росси, Д.Кваренги бессмертными творениями — дворцами, храмами, театрами и иными сооружениями.

При этом А.Ринальди проявил себя и как создатель прекрасных дворцово-парковых ансамблей в Ораниенбауме и Гатчине, и как крупный градостроитель, сооружения которого стали доминантами композиционного развития центральных районов Санкт-Петербурга.

В 1770-е годы архитектор работал в основном в Царском Селе, создав уникальный ансамбль сооружений, посвящённых прославлению русского воинства. Не случайно один из современников А.С.Пушкина назвал Царское Село «пантеоном российской славы». Самым значительным мемориалом в этом пантеоне стала Чесменская колонна. Её проект был разработан Ринальди в 1771 году, а установка осуществлялась с 1774 по 1778 годы. Можно сказать, что её возведение как бы завершило собой посвящённый блистательной победе русского флота грандиозный мемориальный ряд, в который, наряду с ней, вошли Чесменский дворец (1774—1777), Чесменская церковь святого Иоанна Предтечи (1777—1780) в Санкт-Петербурге и Чесменский обелиск в Гатчине (1775). О неравнодушии императрицы к победе русской эскадры под командованием генерал-аншефа А.Г.Орлова при Чесме говорит и то, что на её портрете, написанном В.Л.Боровиковским в 1794 году, Екатерина II изображена на фоне знаменитой колонны.

Хотя мемориал посвящён победе российского флота при Чесме, его пьедестал украшен бронзовыми барельефами, посвящёнными также успеху нашего флота 24 июня в Хиосском

проливе, — первой фазе Чесменского сражения, и окончательному разгрому морских сил Турции в ноябре 1770 года, когда русский флот, находившийся в Средиземном море, занял остров Митилини (Лесбос). Таким образом, Чесменская колонна стала памятником трёх побед: Хиосской, Чесменской и Митилинской.

Возведение памятника велось параллельно с углублением и изменением очертаний Большого пруда. Архитектор удивительно верно выбрал масштаб сооружения и его местоположение.

Совершенная по архитектонике дорическая колонна, выполненная из трёх блоков белого розового мрамора, удивительно гармонирующего с водой и зеленью, украшенная роострами, символизирующими морские победы России, была установлена на гранитном стилобате в виде усечённой пирамиды, поднимающейся прямо из воды. Венчала колонну отлитая из тёмной бронзы скульптура могучего орла, обращённого на восток, что символизировало Россию. Правой лапой орёл попирает полумесяц — эмблему побеждённой Турции. Скульптура бронзового орла, как и барельефы, были выполнены И.Шварцем.

По центру восточной стороны колонны шла полуциркулярная арка, забранная решёткой, за которой находилась каменная лестница, ведущая к пьедесталу. Постамент из синего, с разводами, мрамора покоился на базе, состоявшей из двух прямоугольных частей: нижней — из красного гранита, и верхней — из красного олонецкого мрамора.

К сожалению, первоначальный вид творения А.Ринальди увидеть мы уже не сможем. Сохранённое в бурное революционное время, Царское Село разорили и сожгли немецко-фашистские оккупанты, хозяйничавшие здесь с сентября 1941-го до января 1944 года. Очень сильно пострадала и Чесменская колонна. Были безвозвратно утрачены бронзовые барельефы, саму колонну, опоясав тросами, фашисты пытались свалить танками, но, к счастью, сделать это им оказалось не под силу: колонна, хотя и обезображенная, осталась гордо стоять на своём месте.

Проходили годы. Екатерининский парк г.Пушкина постепенно возрождался — восстанавливались дворцы, памятники и ландшафт. В 1954 году была частично восстановлена и Чесменская колонна. Окончательно же реставрация сооружения закончилась только в июне 1996 года к 300-летию Военно-морского флота России, когда на его постамент, на свои исторические места, установили воссозданные архитектором А.Кедринским под руководством скульптора В.Козенюка барельефы по проекту И.Шварца. Однако незаслуженно долго мемориал ждал своего открытия. А ведь смысл, заложенный в архитектурно-исторические памятники этого парка, запечатлевшие военную славу русского народа, был именно в пробуждении в посетителях глубокого интереса к истории своей Родины, к рождению чувства национальной гордости.

В последние десятилетия военная история нашего Отечества трактуется по-разному, но остаётся бесспорным тот факт, что у страны существуют победы, которые не могут подвергаться сомнениям в угоду конъюнктуре. Именно такой победой, навечно запечатлённой как в бронзе и граните, так и в одной из белых полосок на синем воротнике матросской форменки, гюйсе, была и останется победа при Чесме. Чесменская же колонна и поныне считается одним из выдающихся русских национальных памятников, олицетворением морской мощи России и неприкосновенности её рубежей.

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

А.Г.БРИКНЕР

СМЕРТЬ ПАВЛА I

4. Опасность увеличивается

По уверениям современников в характере императора можно было заметить ухудшение за четыре года его царствования. Вместе с прогрессирующей манией величия опасность для государства, для подданных и для лиц, окружавших Павла, возрастала до невероятных размеров. Являлся вопрос, можно ли терпеть ещё дольше в ожидании худшего или можно подумать о том, чтобы искать какой-нибудь выход.

Розенцвейг в своих записках пишет по этому поводу: «Страшно подумать, как быстро развёртываются недостатки императора Павла после его восшествия на престол. Каждый неудачный опыт увеличивает его суровость. К тому же лица, окружавшие императора, всячески потворствовали его странным капризам в расчёте на разные выгоды по службе, связанные с переменой лиц. Умственные способности императора давно уже внушали опасения, но по временам на него находило просветление, когда он проявлял здравый рассудок, много снисходительности и справедливости. Однако в последние годы его царствования такие счастливые моменты становились всё реже; он проявлял ещё большую строгость, чем раньше. Его окружали исключительно такие люди, которые никаких законов не признавали и считались исключительно со своими личными интересами, влияние же императрицы, его супруги, совершенно пало».

Пален следующим образом охарактеризовал положение дел в разговоре с Ланжероном в 1804 году: «Я не могу вам сообщить ничего нового, дорогой Ланжерон, ни о характере Павла, ни о его сумасбродных причудах; вы от них страдали не меньше нашего. Но вас в последнее время его царствования не было в Петербурге, и вы не могли наблюдать его в течение двух последних лет. Вы и не можете поэтому знать, как далеко ушла в своём развитии его быстро прогрессирующая ненормальность. Она привела бы его к кровавым расправам. Такие случаи, впрочем, и бывали. Никто из нас не был уверен в своём завтрашнем дне. Скоро должны были везде начаться эшафоты, и Сибирь заселена была бы несчастными жертвами». В таком же духе высказался и Пален очень скоро после катастрофы в разговоре с бароном Гейкингом, который был выслан, как и Ланжерон, и другие. «Я знаю всё, — говорил он, — что вы вынесли; но это ничто в сравнении с теми ужасами, которым должны были подвергнуться очень многие часто только за воображаемые преступления или за самую обыкновенную неосмотрительность. Мы устали служить орудием этих тиранических актов. Мы ясно видели, что его психопатия с

каждым днём растёт и вырождается в манию жестокости, и перед нами стояла только альтернатива: или освободить мир от этого чудовища, или ждать, пока мы сами и, может быть, часть императорской фамилии не сделаемся в ближайшем будущем жертвами нового взрыва его растущего бешенства. Только из чувства патриотизма может появиться смелость подвергнуть себя, жену и детей своих самой жестокой смерти, чтобы вернуть счастье двадцати миллионам угнетённых, измученных, сосланных, избитых кнутами и изувеченных» и т.д.

Но можно подумать, что резкие выражения Палена объясняются его желанием оправдать свой образ действий во время катастрофы. Поэтому интересно выслушать людей, которые не принимали участия в преступлении и даже не одобряли его. И с их стороны раздаются громкие крики возмущения. Когда русский посол в Лондоне [Воронцов] по неожиданному капризу Павла был удалён со своего поста и лишён всех своих имений в России, Ростопчин писал ему по этому поводу: «Вы видите, что я должен был подтвердить своей подписью. Могу ли я после этого оставаться на своём посту? Если с вами так поступили, то какая же участь ждёт меня? Моё сердце обливается кровью; я оплакиваю ваше горе. Я готов оросить своими слезами ваши руки. Нам обоим нужно плакать! Ничего больше не остаётся делать».

Через несколько недель Ростопчин пишет Воронцову: «Бог знает, куда это всё приведет, трудно даже и предвидеть. Будьте счастливы там, где вы живёте, и если вы плачете, то будьте уверены, что вы не одиноки. Уничтожьте это письмо». Вот что пишет Кочубей в письме к Воронцову от того же времени: «Трудно описать вам, в каком вечном страхе мы все живём. Боишься своей собственной тени. Все дрожат, так как доносы следуют за доносами, и им верят, не справляясь, насколько они соответствуют действительности. Все тюрьмы переполнены заключёнными. Какой-то ужасный кошмар душит всех. Об удовольствиях никто и не помышляет теперь... Тот, кто получает какую-нибудь должность, не рассчитывает оставаться при ней больше трёх или четырёх дней и поэтому всячески старается немедленно же получить крестьян в подарок... Теперь появилось распоряжение, чтобы всякая корреспонденция шла только через почту. Отправлять письма через курьеров, слуг или оказией воспрещается. Император думает, что каждый почтмейстер может вскрыть и прочесть любое письмо. Хотят раскрыть заговор, но ничего подобного не существует. Ради Бога, обращайтесь внимание на всё, что вы пишете. Я не сохраняю писем, я их жгу. Я не знаю, куда это нас приведёт. Всех нас это невероятно мучает. Нужно бояться, что доверенные лица, на головы которых обрушиваются самые жестокие кары, готовятся к какому-нибудь отчаянному шагу. Никто даже не смеет и представления составить себе об этом. Для меня, как и для всех других, не исключая Ростопчина, заготовлена на всякий случай карета, чтобы при первом же сигнале можно было бежать... не подумайте, что я преувеличиваю. Напротив, я ещё умолчал обо многом, что вам показалось бы невероятным... Если у вас имеются какие-нибудь секреты для меня, то воспользуйтесь услугами английских курьеров и пишите лимонным соком».

Государственные люди, частную переписку которых мы находим в «Архиве князя Воронцова», очень часто уже после катастрофы возвращаются к вопросу об ужасах этого четырёхлетнего царствования. По тому возмущению, которое вызывают у них эти воспоминания, мы можем судить о политическом бедствии, которое пережила тогда Россия, и о всеобщей деморализации в то время.

Адмирал Чичагов писал Воронцову, что Россия за эти четыре года как будто была отброшена на четыре столетия назад в эпоху варварства. «Кто не пережил последних лет царствования Павла, — пишет Кочубей, — и не видел, каким источником беспорядков, дезорганизации и хаоса это время было, тот никогда не в состоянии будет определить,

сколько усилий стоило всё это привести в нормальное состояние. Когда я подумаю об этом, то должен прийти к заключению, что всякая другая страна в подобном положении пришла бы к неминуемой гибели». В другом письме Кочубей говорит о «безумии», которое проявил Павел в своих отношениях к Англии и которое теперь должно было быть исправлено. «Мы нуждаемся в спокойствии, чтобы залечить ужасные раны, нанесённые стране», — замечает граф. В другом месте он прибавляет: «У нас нет больше сумасшедших» и т.д. Барон Гримм пишет Воронцову, что нужно постараться забыть страшные годы царствования Павла. Они встают в памяти как тяжёлый сон, как ужасный кошмар. С каждым днём прибавлялись всё новые бедствия. Не говоря уже о неисчислимых несчастях, которые являлись следствием ложных политических мероприятий и угрожали дальнейшему существованию государства, один вид преследуемых жертв действовал удручающим образом на всех; можно было с ума сойти и т.д.

Вот как об этом пишет Бутурлин своему дяде князю Воронцову: «Бесперывный ряд безумных ошибок, которые будут отмечены в истории именем только что минувшего царствования, пустил такие глубокие корни, что я не знаю, как долго нам придётся ещё опасаться рецидивов. Духовная жизнь общества ещё не освободилась от заразы (gangrenée). Люди, которые в царствование Павла постоянно как бы висели в воздухе между двумя крайностями, между опасностью заточения или ссылкой в Сибирь и надеждой на высшие ордена и на подарки в несколько тысяч крепостных, только постепенно могут привыкнуть к спокойствию и порядку». «Последнее царствование, — пишет он же в 1803 году, — до такой степени расшатало все государственные устои, что едва можно найти десяток людей, которые бы годились для занятия высоких служебных постов». Много раз жалуется Бутурлин на ужасные последствия царствования этого «*feu Paul de turbulente memoire*» и на «*folies du gigne de Paul*», которые показали миру, на что способны русские и т.д.

Очень ясно и резко высказывался о царствовании Павла С.Р.Воронцов. В письме к Панину вскоре после катастрофы он пишет по поводу конфискации его имений: «Такие выходки вполне соответствуют сумасбродству Павла, который был душевно болен и в своих действиях подражал мароккскому царю и персидскому шаху». При жизни Павла он, Воронцов, не мог и думать о том, чтобы отправить в Россию своего сына, который хотел посвятить себя военной службе; он мог это сделать только после восшествия на престол Александра. «В ужасное царствование Павла, — писал Воронцов своему сыну, — все, дорожившие своей честью и достоинством, принуждены были уйти с военной службы. Теперь можно служить, не боясь оскорблений, унижений, изгнания и всяких других невзгод». Воронцов жалуется в своих письмах на разрушительную деятельность Павла, на беспримерную тиранию, воспоминание о которой никогда не исчезнет в русском народе до тех пор, пока он только будет существовать, на неистовую свирепость и несправедливость Павла, который, не задумываясь, мог лишить его, Воронцова, всего состояния, на губительное влияние «деспота Павла» и его «*gigne atroce*» и т.д.

Воронцов был склонен приписать некоторые неудачные шаги Павла в области иностранной политики влиянию Безбородко, Кутаисова и Ростопчина. Но он отказывается подыскать достаточно сильные выражения, когда начинает бичевать безрассудные мероприятия самого императора. В изданном Александром манифесте, который был составлен Паниным, упоминалось в обычных выражениях о «славной памяти» царствования Павла. В резкой критике, направленной против этого манифеста и предназначенной для императора Александра, Воронцов в полных возмущения выражениях, между прочим, пишет: «Как может Александр I, который уже вышел из детского возраста, может уже иметь свое собственное мнение и высоко ценить

добродетель, как он может не видеть, что его отец извратил право, подорвал финансы, уничтожил торговлю и держал свою несчастную страну под гнётом беспримерного деспотизма? Имеется ли вообще чего-нибудь достойное славы в таком образе правления? Не заявляет ли монарх о своей солидарности с принципами такого правления, если он выставляет его пред своими подданными, как достославное? Не говорит ли он этим, что и сам намерен идти по тем же стопам? Если же такой образ правления является полной противоположностью «славной памяти», то употребление таких эпитетов есть одно только лицемерие» и т.д. Такой же строгий приговор царствованию Павла выносит и брат Воронцова, канцлер, [Воронцов А.Р.] в записке, составленной для Александра. «Многие учреждения Екатерины, — говорится там, — были отменены, налоги увеличены, торговля подорвана, обмен затруднён; одним словом, это был настоящий хаос, от которого мы освободились только после воцарения Александра I».

Но, указывая на бедствия, причинённые царствованием Павла и жалуясь на «грубое, жестокое варварство, от которого стонала Россия», Воронцовы находили объяснение и этим несчастьям. Николаи писал Воронцову, что характер Павла представляет странную смесь очень хороших качеств с самым грубым произволом, и что склонность к жестокости с течением времени затушевала все другие черты. Граф Воронцов на это отвечает: «Это верно, но вы должны были прибавить, что эти зверские инстинкты выродились в настоящую манию. Ненормальность умственных способностей Павла в последние восемь или десять месяцев его жизни бросалась в глаза. Его поведение по отношению к другим державам и монархам показывает, что его ум помутился. Я даже не склонен приписывать его злomu сердцу тираническую жестокость, которая омрачила конец его царствования. Я его больше жалею, чем порицаю» и т.д. В таком же смысле пишет С.Р. Воронцов своему брату: «Я убеждён, — гласит его письмо, — что почивший император имел несчастье быть душевнобольным. По моему мнению, он так же не ответственен за свои действия, как и ребёнок, который ранит бритвой себя и других только потому, что никогда не видел этого орудия и не знает, как им нужно пользоваться. У меня имеются письма Панина, написанные им еще при жизни Павла, и здесь речь идет о тирании, всяких ужасах и о ненормальности Павла». «Панин, — читаем мы в другом письме, — считал тирана сумасшедшим».

Но раз все были убеждены, что имеют дело с душевнобольным, то раньше или позже должна была явиться мысль об удалении его с трона, так как опасность злоупотребления неограниченной властью с его стороны возросла до необычайных размеров. Ожидания кончились, и прекращены были расчеты как далеко ещё могут идти патологические причуды деспота. Дальнейшее промедление было опасно. Все стояли пред лицом грубой силы, и ничего не оставалось делать, как освободиться от этого злого гения, как обезвредить опасного психопата. Не было надобности в оппозиционной партии, которая из вражды к господствовавшим тогда в России политическим традициям предприняла бы какие-нибудь шаги против Павла. Не было даже достаточно авторитетного врача, который мог бы констатировать неспособность императора управлять государством. К тому же, и психиатрия тогда не настолько еще была развита, чтобы определить размеры душевной болезни монарха по его сумасбродным распоряжениям в государственных делах. С другой стороны, и мало развитым в то время русским государственным правом не было предусмотрено, как нужно поступить в случае расстройств умственных способностей у монарха. Высшие органы государственной власти никакого или почти никакого значения не имели и не могли поэтому проявить инициативу при таких обстоятельствах. Малейшее сомнение в умственных способностях императора было равносильно государственной измене, поэтому никто из сановников даже намекнуть не мог о необходимости заместительства. Оставался таким образом один путь заговора отдельных лиц.

Исключительные условия вызывали исключительные меры. Приходилось действовать тайно, чтобы силе противопоставить силу.

Такие дальновзоркие и осторожные политики, как граф Воронцов, Панин и другие современники, были проникнуты убеждением, что что-нибудь должно произойти для спасения России, и это очень характерно для тогдашнего положения, в особенности, если принять во внимание, что это были люди благородные, бескорыстные, к тому же консерваторы, ничего общего с господствовавшим либерализмом французской революции не имевшие.

В феврале 1801 года, т.е. за несколько дней до катастрофы, граф С.Р.Воронцов писал симпатическими чернилами из Соутгемтона Новосильцеву, который также находился в это время в Англии, следующее: «Вы говорите, что не следует слишком строго осуждать очень интересующую нас особу, так как подневольная жизнь развратила её характер. Вы полагаете, что не следует терять надежды, так как это лишает нас энергии в несчастье. Это было бы до известной степени верно, если бы только существовали хоть какие-нибудь основания ожидать перемены. Такая перемена неминуема и естественна, утверждаете вы. А если, вопреки необходимости и возможности, эта перемена всё-таки не наступает, то должно же существовать основное препятствие, которое её задерживает. Что же касается подневольной жизни, которая испортила характер известной особы, то я вам скажу, мой милый друг, что слабость и твёрдость души можно сравнить с физическими талантами. Существуют мягкие тела, лишённые упругости, прежней формы, как, например, бумага, воск, свинец, олово и т.п.; слоновая кость и сталь или ломаются, или быстро принимают первоначальное положение, когда их сдавливают или сгибают. А об упругости воздуха и пара вы лучше меня знаете, что они разрушают всё, что производит слишком сильное давление на них. К нашему несчастью, мы до сих пор имели возможность наблюдать только воск и олово. В таком случае всё потеряно. При всём своём старании я никакого утешения в будущем найти не могу. Как будто мы с вами находимся на корабле, на котором кормчий и весь экипаж говорят на непонятном нам языке. Я страдаю морской болезнью и никак не могу излечиться от неё. Вы мне сообщаете, что поднялась буря и корабль должен пойти ко дну, потому что капитан сошёл с ума и избивает свой экипаж. И экипаж, состоящий более чем из тридцати человек, не смеет оказать сопротивление такой расправе с ним, потому что капитан одного матроса уже выбросил за борт, а другого убил. Мне остаётся в таком случае только ждать, что корабль наш погибнет. Между тем вы уверяете, что ещё есть надежда на спасение, потому что второй капитан умный и симпатичный молодой человек, пользующийся доверием экипажа. В таком случае я заклинаю вас вернуться на палубу и убедить молодого человека и экипаж спасти корабль и груз, которые частью принадлежат этому юноше; их тридцать человек против одного и было бы смешно бояться быть убитым сумасшедшим капитаном только потому, что, распорядившись с каждым отдельно, этот душевнобольной мог бы в короткое время выбросить за борт всех матросов и самого молодого человека. Вы говорите, что не понимаете языка и не умеете с этими людьми объясняться, но пойдёте всё-таки на палубу, чтобы посмотреть, что там произойдёт. Вы возвращаетесь ко мне и заявляете, что опасность увеличивается, так как сумасшедший всё ещё правит кораблем. И, несмотря на это, вы всё ещё не теряете надежды. Будьте здоровы, мой друг! Вы счастливее меня, потому что у меня уже нет никаких надежд».

В этой пространной аллегории нет ни малейшего указания на те способы, какими нужно было бы действовать против стоящего у кормила правления «сумасшедшего капитана». Во всяком случае здесь предусмотрено, что последнего замещает молодой кормчий. Для этого было только два пути: или запереть капитана в его каюте и поставить у кормила молодого человека, или же выбросить за борт капитана. Большую ценность имеет

замечание, что молодой капитан и весь экипаж подвергались огромной опасности «быть выброшенными за борт душевнобольным». Отсюда можно заключить, что Новосильцев, незадолго перед тем прибывший в Англию, упоминал в разговоре с Воронцовым о носившихся тогда слухах, будто Павел намерен лишить Александра права престолонаследия и заключить его в крепость.

Почему Воронцов выдает себя за страдающего морской болезнью и не считает для себя возможным подняться на палубу, чтобы поговорить с молодым капитаном, остаётся непонятным для нас. Он уже не был больше русским послом и мог поэтому свободно приехать в Россию, чтобы побудить Александра предпринять какие-нибудь решительные шаги против отца. Вместо этого Воронцов убеждает Новосильцева взять на себя эту задачу, чтобы спасти второго капитана, экипаж и груз. Отказ Новосильцева, несколько неясно мотивированный незнанием языка, приводит Воронцова в отчаяние.

В это время два других человека из экипажа сговорились с молодым кормчим удалить с руля сумасшедшего капитана и запереть его в каюте.

Продолжение следует

Продолжение. Начало см.: «Воен.-истор. журнал». 2008. №6—7, 9—10.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемая редакция «Военно-исторического журнала»!

Я выписываю «ВИЖ» 23 года и не разочаровалась в своём выборе несмотря на то что подписная цена постоянно меняется. Журнал я использую в своей работе как на уроках литературы, так и на уроках истории. Даю «ВИЖ» для чтения и для работы студентам исторического факультета местного университета, работникам Дворца творчества им.А.А.Алексеевой.

Многие из людей даже не знают о существовании «Военно-исторического журнала». На одном из совещаний учителей истории я задала вопрос, выписывают ли они «Военно-исторический журнал». Ответ был отрицательный.

Ваш журнал натолкнул работников музея Дворца творчества на поисковую работу. В своё время вы неоднократно помещали материалы о Соловецкой школе юнг. Оказалось, что в Череповце в 1944—1947гг. тоже работала школа юнг для подростков 12—14лет (по образцу Соловецкой школы юнг). В ней училось более 80человек. Имена и фамилии 30 из них найдены. После войны школу расформировали, а ребят направили в Рижское морское училище. Многие из выпускников связали свою судьбу с морем, некоторые сделали хорошую карьеру в других направлениях. Например, Доршаков Владимир Александрович своим упорным трудом добился того, что 5лет возглавлял город Петрозаводск, 18лет был Министром бытового обслуживания Карелии. Его девиз: «Упорный труд даёт результаты. Хочешь на работе расти, надо много знать, а чтобы знать, надо учиться». Выпускники школ юнг Семён Малышев и Геннадий Быстров стали капитанами дальнего плавания.

Прекрасно, что есть вкладыш «Молодёжный военно-исторический журнал». Его материалы я использую для бесед с учениками. Студенты ЧГУ берут материалы для рефератов и выступлений.

Новое оформление журнала хорошее, но хотелось бы, чтобы фотографии были крупнее, карты, помещаемые в журнале, чётче.

Замечательна рубрика «Армия и культура». К 130-летию Русско-турецкой войны неплохо было бы поместить материал о художнике-баталисте В.В.Верещагине, который принимал в ней участие.

Ещё хотелось бы, чтобы журнал осветил темы, посвящённые танковым войскам, механизированным корпусам — корпусам прорыва. Мой отец во время Великой Отечественной войны воевал в 7-м механизированном Новоукраинском-Хинганском ордена Ленина, Краснознамённом, ордена Суворова корпусе, которым командовал Катков Фёдор Григорьевич. Поэтому и хотелось бы знать о том, какой вклад внесли механизированные войска в разгром немецко-фашистских захватчиков.

К сожалению, журнал приходит с опозданием.

С уважением,

Л.П. АЛЕКСАНДРОВА

(г. Череповец Вологодской обл.)

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

НА ЗАЩИТЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИИ

Охрана границы России на Дальнем Востоке, протянувшейся на тысячи километров по суше и воде, всегда была и остаётся делом весьма непростым. Немалые трудности выпали на долю первых советских пограничников. Сложные природно-климатические условия, слабая заселённость региона, особенно тихоокеанского побережья, неразвитая инфраструктура, прежде всего дорог и средств сообщения и связи, большое количество различных мастей бандгрупп и контрабандистов, постоянные провокации с территорий

сопредельных государств — вот что пришлось преодолевать в 1920—1930-е годы малочисленной и технически слабо оснащённой пограничной охране. Её укреплению ВЧК-ОГПУ-НКВД уделяли серьёзное внимание. Что и как делалось в этом направлении в предвоенные годы, об этом обстоятельно, со ссылками на многочисленные авторитетные источники, рассказывает в своей монографии старший преподаватель кафедры огневой подготовки Хабаровского пограничного института ФСБ России, кандидат исторических наук, полковник В.А.Ширяев*. Композиционно книга состоит из введения, двух основных глав, заключения и нескольких приложений. В первой главе речь идёт об организации охраны границы на Дальнем Востоке, во второй — о подготовке кадров для пограничных органов. Оба вопроса проработаны весьма обстоятельно. Автор с подлинно научных позиций раскрыл все нюансы в деятельности пограничных органов в период, когда Дальний Восток сотрясали вооружённые конфликты, показал систему управления пограничными силами, механизмы их комплектования постоянным и переменным составом, осветил деятельность специальных военно-учебных заведений различного уровня и профиля, проанализировал формы и методы подготовки кадров для охраны границы с учётом особенностей складывавшейся на Дальнем Востоке военно-политической обстановки. Работа В.А.Ширяева может быть востребована военными историками, преподавателями вузов, курсантами, готовящимися стать в ряды защитников пограничных рубежей Отечества.

* Ширяев В.А. Опыт Советского государства по подготовке кадров для дальневосточных пограничных органов (1922— июнь 1941гг.): Монография. Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2008. 150 с.

Смирнов Даниил Сергеевич —

редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

ВОЗДУШНЫЕ СХВАТКИ НАД СТЕПЯМИ МОНГОЛИИ

Книга «Битва над степью»* посвящена событиям 70-летней давности. В 1939 году на границе между Монголией и Маньчжурией произошёл вооружённый конфликт между советско-монгольскими войсками, с одной стороны и японско-маньчжурскими — с другой.

В советскую историографию этот конфликт вошёл под названием «Вооружённый конфликт на реке Халхин-Гол», японцы его называли «Номонханский инцидент». В конфликте активное участие принимала авиация противоборствующих сторон. Над степями Монголии разгорались горячие воздушные схватки между советскими и японскими летчиками.

По окончании конфликта обе стороны посчитали себя победителями в воздушной войне. Многие годы в Советском Союзе (позже — России) выходили в свет книги и журнальные публикации, в которых результаты воздушных сражений в небе над Халхин-Голом в 1939 году однозначно оценивались как разгром противостоящей японской группировки. В Японии же, наоборот, считали, что именно их страна одержала громкую победу. Из идеологических соображений во времена «холодной войны» большинство западных историков и журналистов придерживались японской точки зрения.

Что же на самом деле произошло летом 1939 года в небе над Халхин-Голом? Кто одержал победу? И одержал ли её кто-нибудь? Именно на эти вопросы постарался ответить автор. В книге на основе анализа архивных документов, большого количества отечественных и зарубежных, в том числе японских, книг и журнальных публикаций предпринята попытка наиболее полно осветить ход воздушных сражений в Халхин-Гольском конфликте. Автору удалось сопоставить и проанализировать два совершенно противоположных взгляда на рассматриваемые события и составить целостное и непредвзятое их описание.

Текст книги богато проиллюстрирован фотографиями и дополнен таблицами, схемами, чертежами, а также цветными рисунками самолётов, принимавших участие в конфликте.

* Битва над степью. Авиация в советско-японском вооружённом конфликте на реке Халхин-Гол. М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2008. 132 с., ил.

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Przegląd historyczno-wojskowy. Kwartalnik. Rok VIII (LIX) №5(220). Warszawa, 2007. 170 s.

Передана Wojskowe Biuro Badań Historycznych

(г. Варшава, Польша)

Кикешев Н.И. За други свои. Мозырь: ИД Белый ветер, 2005. 446с.

Кикешев Н.И. Прародины и предки. Кн. первая. М.: Белые альвы, 2003. 400с., ил.

Переданы автором

(Москва)

Ципкин Ю.Н. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920—1922гг.). Хабаровск, 2008. 244 с.

Передана автором

(г. Хабаровск)

Десять лет пограничным кадетам России. Исторический очерк. СПб.: ППКК ФСБ РФ, 2006. 411 с.

Передана начальником Первого пограничного кадетского корпуса ФСБ России имени генерала армии В.А.Матросова доктором исторических наук, профессором генерал-майором Э.М.Филипповым

(Санкт-Петербург)

Патриотическое воспитание подрастающего поколения на примерах истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 18апреля 2008года. СПб., 2008. 221с.

Академия военно-исторических наук. СПб., 2008. 155 с., ил.

Переданы главой муниципального образования г.Пушкина доктором исторических наук, доцентом Н.Я.Гребенёвым

(Санкт-Петербург)

Арутюнян Б.А., Фролов М.И. Огневой щит и меч Ленинграда. 1941—1944гг.: Монография. СПб.: ЛГУ им.А.С.Пушкина, 2007. 188с.

Передана доктором исторических наук, профессором М.И.Фроловым

(Санкт-Петербург)

Лота В.И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918—1945гг. М.: Кучково поле, 2008. 656с., ил.

Передана автором

(Москва)

Бои за Москву на Можайском направлении. Исследования, документы, воспоминания / Сост. А.А.Суханов, Д.Г.Целорунго. М., 2007. 372с.

Передана главным специалистом отдела общественных связей ФГУК «Государственный Бородинский Военно-исторический музей-заповедник» Л.М.Турашёвой

(Москва)

За нами Москва: Бородино. 1941. Воспоминания. Письма / Сост. Г.В.Алфёрова, В.Е.Анфилатов. М.: Кучково поле, 2007. 200с., 40л.ил.

Передана С.Ю. Рычковым

(Москва)

Турмов Г.П. Корабли-памятники Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2007. 111 с.

Передана В.Р. Чепелевым

(г. Владивосток)

Ведерников Ю.В. Красный дракон: современные Военно-морские силы Китая. Флот Тихого океана. Вып. 3. Владивосток, 2008. 140 с., ил.

Передана автором

(г. Владивосток)

КОНКУРС

ЖДАНОВСКИЙ Александр Сергеевич —

историк, полковник в отставке (Москва)

ВИКТОРИНА

«Выдающийся советский конструктор артиллеристских систем В.Г. Грабин»

Вопросы.

1. Когда и где родился Василий Грабин?
2. Какое отношение имел к военной службе его отец, Гаврила Грабин?
3. Когда и какие учебные заведения окончил В.Г. Грабин?
4. Назовите тему дипломного проекта слушателя В.Г. Грабина. На проектирование какого орудия ему выдали тактико-технические требования?
5. Когда и на какую работу был направлен В.Г. Грабин по окончании высшего военного учебного заведения?
6. Куда и для чего был отправлен В.Г. Грабин до своего первоначального распределения по выпуску?
7. Где после своей командировки работал В.Г. Грабин? В чем заключалась работа, которую он выполнял?
8. Куда был командирован на постоянную работу В.Г. Грабин в 1931 году? На каких должностях он состоял вплоть до 1943 года?
9. Какой известный советский военачальник являлся главным идеологом внедрения безоткатных орудий?
10. Какие аргументы приводил В.Г. Грабин в доказательство необходимости использования классической артиллерии?
11. Какая пушка, выполненная целиком из отечественных материалов и на отечественном оборудовании, была испытана в июне 1935 года в присутствии И.В. Сталина?
12. Какую организацию возглавлял В.Г. Грабин в 1943 – 1959 гг.?
13. Для какого войскового зенитного комплекса разрабатывали в ОКБ-8 в Свердловске ракету В.Г. Грабин и Л.В. Люльев?
14. Какие новые методы внес в проектирование артиллеристского вооружения В.Г. Грабин?
15. Кто является автором книги «В.Г. Грабин и мастера пушечного дела»?

Ответы на викторину «Страницы военной истории России

(Древняя русь — XIX в.)»

«Воен.-истор. журнал». 2008. № 8

1. Святослав; 2. Владимир; 3. Рожон; 4. Новиков; 5. Выборг; 6. Гурко; 7. Ослябя; 8. Якоби;
9. Инвалид; 10. Денщик; 11. Канонир; 12. Рымник; 13. Калка; 14. Альма; 15. Аркас; 16.

Сеславин; 17. Нови; 18. Изборск; 19. Кавалергард; 20. Десятник; 21. Кончак; 22. Коломна; 23. Адашев; 24. Воронцов; 25. Валахирия; 26. Ягайло; 27. Ольгерд; 28. Дохтуров; 29. Васильчиков; 30. Вишера; 31. Алексеев; 32. Ведроша.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Публикация: СМИРНОВ Даниил Сергеевич –

редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

НОЯБРЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 ноября 1938 года на Софринском артполигоне состоялись пробные испытания 24-зарядной реактивной установки («катюша») на шасси автомобиля ЗИС.

2 ноября 1968 года на трассе Черкесск — Домбай открыт мемориальный комплекс — музей защитникам перевалов Кавказа, преградившим гитлеровцам в 1942—1943 гг. Мемориал включает комплекс сооружений по обеим сторонам автотрассы: железобетонное здание музея в форме круглого дота, рядом — братская могила. На противоположной стороне — стелы высотой 10 м. Там же, на склоне горы, вкопанные в землю железобетонные плиты, символизирующие воинов, заслонивших собой Кавказские горы.

2 ноября 1938 года лётчицы В.С. Гризодубова, П.Д. Осипенко и М.М. Раскова стали первыми женщинами в СССР, удостоенными почётного звания Героя Советского Союза.

3 ноября 1928 года на воду спущена подводная лодка «Декабрист» — первая подводная лодка советской постройки.

4 ноября 1658 года, 350 лет назад, во время Русско-польской войны 1654—1667 гг. русские войска под командованием князя Ю.А. Долгорукого у села Варка под Вильно нанесли поражение польской тяжёлой коннице гетмана Гонсевского. Сам гетман попал в плен. Победа была достигнута русскими после своевременного ввода в бой двух полков нового строя.

6 ноября 1943 года войска 1-го Украинского фронта (командующий генерал армии Н.Ф. Ватутин) в ходе Киевской наступательной операции освободили от фашистских оккупантов столицу Украины — Киев. 65 наиболее отличившихся частей и соединений получили почётное наименование Киевских.

11 ноября — День памяти погибших в Первой мировой войне.

11 ноября 1914 года начата Лодзинская операция. В ходе операции, завершившейся 19 декабря, русские войска упорной обороной сорвали планы германского командования. Наносившая главный удар 9-я германская армия понесла значительные потери, часть её попала в окружение. Операция характеризовалась маневренными действиями и встречными сражениями, особенно упорные бои состоялись при Кутно и на реке Бзуре.

11 ноября 1918 года, 90 лет назад, капитуляцией Германии завершилась Первая мировая война. В 5 ч 12 мин утра в Компьенском лесу немецкая делегация приняла условия перемирия. В тот же день в честь этого события был произведён артиллерийский салют в 101 выстрел — последний залп Первой мировой войны. Через два дня ВЦИК РСФСР аннулировал Брест-Литовский мирный договор с Германией.

21 ноября 1914 года во время Первой мировой войны в ходе Лодзинской операции войска Северо-Западного фронта (командующий генерал от инфантерии М.В. Алексеев) окружили и уничтожили немецкую армейскую группу генерала Шеффнера (3 пехотные и 2 кавалерийские дивизии).

24 ноября 1918 года в Москве, Петрограде, Саратове и Твери по инициативе правительства с целью привлечения новых кадров в ряды комсостава Красной армии проведён День красного офицера. В этот день в Москве состоялся военный парад курсантов, к которым с приветствием обратился В.И. Ленин.

28 ноября 1973 года совершён первый в истории отечественной авиации воздушный таран на реактивном самолёте. Лётчик Г.Н. Елисеев в районе Тбилиси на самолёте МиГ-21 уничтожил самолёт, нарушивший государственную границу СССР. Он сблизился с самолётом-нарушителем и крылом своего истребителя нанёс удар по его хвостовому оперению. Экипаж в составе американского инструктора и иранского лётчика катапультировался и был задержан пограничниками. Самолёт Елисеева после тарана врезался в гору, лётчик погиб. За мужество и героизм, проявленные при выполнении задания по пресечению полёта самолёта-нарушителя капитану Г.Н. Елисееву 14 декабря 1973 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Лётчик похоронен в Волгограде, где его именем названа улица и установлена мемориальная доска. Навечно зачислен в списки своей воинской части.

29 ноября 1883 года, 125 лет назад, родился Л.М. Галлер (Санкт-Петербург), адмирал (1940). В Первую мировую войну служил на Балтийском флоте, был флагманским артиллеристом группы линейных кораблей. Участвовал в Моонзундском сражении (1917). После Октябрьской революции перешёл на сторону советской власти. С февраля 1921 года — начальник штаба Морских сил Балтийского моря. В 1932—1937 гг. — командующий Балтийским флотом. С 1938 года — начальник Главного морского штаба. В 1948 году репрессирован. Умер 12 июня 1950 года. Реабилитирован в 1953 году.